

Время, вперед!

*Культурная
политика
в СССР*

В Ы С Ш А Я Ш К О Л А Э К О Н О М И К И

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

*Культурная политика
в СССР*

Под редакцией
ИРИНЫ ГЛУЩЕНКО,
ВИТАЛИЯ КУРЕННОГО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2013

УДК 351.85
ББК 71.4(2)
В81

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор исторических наук,
профессор РГГУ
ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

Время, вперед! Культурная политика в СССР
В81 [Текст] / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 272 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1082-7 (в пер.).

Слова Маяковского «Время, вперед!» лучше любых политических лозунгов характеризуют атмосферу, в которой возникла советская культурная политика. Настоящее издание стремится заявить особую предметную и методологическую перспективу изучения советской культурной истории. Советское общество рассматривается как пространство радикального проектирования и экспериментирования в области культурной политики, которая была отнюдь не однородна, часто разнонаправленна, а иногда — хаотична и противоречива. Это уникальный исторический пример государственной управленческой интервенции в область культуры.

Авторы попытались оценить социальную жизнеспособность институтов, сформировавшихся в нашем обществе как благодаря, так и вопреки советской культурной политике, равно как и последствия слома и упадка некоторых из них.

Книга адресована широкому кругу читателей — культурологам, социологам, политологам, историкам и всем интересующимся советской историей и советской культурой.

УДК 351.85
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-7598-1082-7

© Составление. Глущенко И.В.,
Куренной В.А., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

I. ИДЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

*ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ. СОВЕТСКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА
ИНСТИТУТОВ* 12

*РУСЛАН ХЕСТАНОВ. ЧЕМ СОБИРАЛАСЬ
УПРАВЛЯТЬ ПАРТИЯ, УЧРЕДИВ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР* 35

*БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ. СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
И ТРАДИЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ* 50

II. ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ

*ИРИНА ГЛУЩЕНКО. СОЛДАТ
КАК ЧИТАТЕЛЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ
ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ
КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В 1920 г.* 64

*ИГОРЬ ОРЛОВ. «БОЙЦЫ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА»:
ПОДГОТОВКА ГИДОВ-
ПЕРЕВОДЧИКОВ В СССР* 81

*АННА ГАНЖА. «ЛЕГЕНДАРНОГО
ВРЕМЕНИ КРЕСТНИКИ»: РОЖДЕНИЕ
СОВЕТСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА
ИЗ РЕФЛЕКСИИ КОЛЛЕКТИВНОГО
ПОГРУЖЕНИЯ В ОБНОВЛЯющую
СТИХИЮ ТЕМПОРАЛЬНОГО* 95

III. НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА

ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВ.
«ЭТО НЕ АРМИЯ»: НАЦИОНАЛЬНОЕ
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНО-
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(1920–1930-е ГОДЫ) 108

ФЕДОР СИНИЦЫН. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
И БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
(1925–1946) 132

IV. НАУКА И ЖИЗНЬ

БОРИС СТЕПАНОВ. ИНЕРЦИЯ
РЕФОРМЫ: СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
1950–1960-х ГОДОВ
В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРИОДИКИ 148

РОМАН АБРАМОВ. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
НАУКИ В СССР КАК ЭЛЕМЕНТ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 161

V. УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРАКТИКИ

ЕЛЕНА ЮШКОВА. ВЛИЯНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР
НА ШКОЛУ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН
В 1920-е ГОДЫ 178

ВЕРА БЕРЕЗИНА. ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ
ЭКСПУРСИОННОЙ РАБОТЫ
В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ
В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ 197

*ЕЛИЗАВЕТА ЖДАНКОВА. ЧАСТНЫЕ
КИНОТЕАТРЫ В ГОДЫ НЭПА
КАК «СВОБОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО» 210*

*ГАЛИНА ГОНЧАРОВА. МАЛЬЧИКИ
НАЛЕВО, ДЕВОЧКИ НАПРАВО.
ПЕРИОД РАЗДЕЛЬНОГО
ОБУЧЕНИЯ В СССР 223*

*АЛИНА ВОЛЫНСКАЯ. ЦИРК
И ПОЛИТИКА В СССР (На примере
«Уголка дедушки Дурова») 235*

*МАРИЯ ВАГИНА.
ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ 1980 г.
КАК УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ 243*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*ИРИНА ГЛУЩЕНКО. ОСТОРОЖНО,
ВРЕМЯ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ 260*

Предисловие

Настоящее издание объединено темой советской культурной политики. Такой выбор мотивирован как историко-культурными, так и актуальными проблемами нашей действительности.

В исторической перспективе тема культуры в СССР не обделена вниманием исследователей; ей посвящена почти необозримая литература. Однако оборотной стороной этого изобилия являются фрагментарность и избирательность. Научная и популярная литература интересуется преимущественно судьбой отдельных деятелей культуры и художников в советский период, а также некоторыми эстетическими явлениями — авангардом, формализмом и т.д. Описаны и определенные направления советской политики в области литературы, национального вопроса, науки, образования.

Данный сборник стремится заявить иную предметную и методологическую перспективу изучения советской культурной истории. Эта перспектива определяется тем, что советское общество рассматривается как пространство радикального проектирования и экспериментирования в области культурной политики.

Политический переворот, произошедший в обществе, отнюдь не привел к возникновению ожидаемого утопического порядка. И тем самым выявил потребность в реализации широкомасштабной управленческой политики в области культуры на всех уровнях — от элементарных поведенческих норм и установок человека до сфер высокой культуры (художественной, научной, образовательной). Классовые и политические противоречия распространились и на область культуры, наступление было объявлено теперь и на «культурном фронте». Напряжение на этом фронте нашло выражение даже в специфической форме темпорального конструктивизма в ранний советский период: слова Маяковского «Время, вперед!» лучше любых полити-

ческих лозунгов характеризуют атмосферу, в которой возникла советская культурная политика.

Задача реализации такой политики была программным образом заявлена после прихода к власти большевиков: определение «культурной революции» в качестве ключевого вопроса повестки дня формулируется уже Лениным. Эта политика была отнюдь не однородна, часто разнонаправленна, а иногда — хаотична и противоречива. Тем не менее мы имеем уникальный исторический пример властной и управленческой интервенции в область культуры, который может быть выделен в качестве самостоятельного предмета исследования и подвергнут изучению и анализу. Обращение к теме культурной политики (включая области знания и образования), организационных и управленческих стратегий позволяет, при одновременном внимании к фактическим результатам этих действий, методологически перевести разговор о таких понятиях, как «ментальность», «мифология», *homo soveticus* и т.п., в более определенную плоскость; задуматься о причинно-следственном взаимодействии, взвесить и оценить успех или провал различных подходов, использовавшихся в сфере культуры. Добавим также, что аналогичная проблематика стала объектом пристального внимания в современной западной исследовательской среде (достаточно назвать поздние работы Мишеля Фуко). В то же время сама уникальность советских экспериментов в области культурной политики (по меньшей мере по интенсивности и продолжительности) исключает простое заимствование готовых аналитических и методологических инструментов, требует их постоянной эмпирической проверки и коррекции.

Разумеется, в методологическом отношении в представленных здесь работах нет единообразия — эвристическая продуктивность различных подходов может быть опробована лишь на деле, да и учитывая то, что сборник подготовлен по результатам всерос-

сийской конференции, едва ли можно ожидать иного. Однако читатель без труда заметит, что мы — наряду с классическими историко-культурными подходами — стремились активно прибегать к дисциплинирующей определенности исторической семантики, приемам институционального и организационного анализа. Наша стратегия заключается также в движении от частных кейсов к обобщениям, а не в навязывании фактическому материалу общих теорий или тенденциозных концепций.

Советская культурная политика является, однако, не только и даже не столько предметом историко-научного интереса. Через 20 лет после исчезновения советского государства мы отчетливо можем оценить социальную жизнеспособность институтов, сформировавшихся в нашем обществе как благодаря, так и вопреки советской культурной политике, равно как и последствия слома и упадка некоторых из них.

Постоянно сталкиваясь с кругом актуальных экспертных задач в этой области, мы замечаем, что наше восприятие настоящего и возможные дальнейшие стратегии неотделимы от исторического понимания генеалогии существующего положения дел, оценки исторического опыта, который является неотъемлемым фактом нашей истории, а значит, и нашего будущего.

Разумеется, даже при рефлексивном обращении к историческому материалу мы сегодня оказываемся в пространстве напряженного столкновения ценностных и политических позиций. Однако в любом случае — даже если таких оценок крайне трудно избежать на авторском уровне — мы ставим во главу угла аналитическую и научно-профессиональную сторону этой работы. Это, как показывает и опыт подготовки настоящего сборника, далеко не просто.

Я благодарю своих коллег — Анну Ганжу, Ирину Глущенко, Тимофея Дмитриева, Илью Инишева, Олега Кильдюшова и Руслана Хестанова, чья работа в

рамках проекта Лаборатории исследований культуры на отделении культурологии НИУ ВШЭ в 2012 г. выстраивалась именно вокруг проблематики советской культурной политики, а также всех студентов и аспирантов, принимавших участие в наших семинарах¹. Всероссийская конференция «Культурная политика в СССР», которая прошла на отделении культурологии НИУ ВШЭ в декабре 2012 г.², стала продолжением этого проекта, а доклады ее участников легли в основу статей, составивших эту книгу.

Ряд статей для настоящего издания был также подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2013 г. Лаборатории исследований культуры ЦФИ НИУ ВШЭ «Государственная политика и идеология в области культуры».

Виталий Куренной

¹ Проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

² Конференция «Культурная политика в СССР» была проведена 20–21 декабря 2012 г. в партнерстве с Институтом глобализации и социальных движений (ИГСО).

I. Идеология культуры

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТОВ¹

Советская история является уникальным случаем долгосрочного общественного эксперимента по строительству организационной и управленческой структуры, призванной радикально модифицировать поведение человека. Этот эксперимент имел как репрессивную, так и конструктивную часть. Репрессивная часть включала как политическую составляющую, определяемую марксистской формулой гражданской «классовой войны» и нацеленную на прямое уничтожение врага, так и социально-репрессивную практику «перековки».

Конструктивная часть была прямым следствием определенной логики, укорененной в комплексе идей Просвещения² (т.е. доисторицистского — как это ни парадоксально в случае «исторического материализма» — периода модерна) и имеющей несколько аспектов. Прежде всего она заключалась в предполагаемом по умолчанию нормативном цивилизующем значении образования (первоначально в элементарной форме грамотности) и рационального образа жизни (первоначально в элементарной форме гигиены).

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2013 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Государственная политика и идеология в области культуры».

² См. статью Б. Кагарлицкого в настоящем издании.

Однако эта внешняя сторона, быстро и необычайно эффективно получившая прямое выражение в соответствующих мерах большевиков уже на начальном этапе советской власти, имела под собой более фундаментальные основания — специфическую антропологическую модель (и соответствующую дискурсивную формацию), предполагавшую фактически безграничную пластичность любой формы «природы», включая человеческую, под воздействием внешней (социальной, организационной, базисной) среды. Эта предпосылка определяла в первую очередь советский публичный дискурс (фактически безотносительно к колебаниям политического курса), в рамках которого любые затруднения могли иметь лишь временный и преодолеваемый характер, а признание какого-то твердого, не поддающегося внешней манипуляции ядра (любого онтического характера) обрекало в конечном счете соответствующую позицию на критическую беззащитность перед доминирующим дискурсом. Работу этого дискурсивного механизма демонстрирует, например, случай академика Лысенко и множество других аналогичных проявлений подобной авангардистской логики³, достигавшей своей кульминации именно в вопросе о человеке и

³ См.: *Гаспаров Б.* Взгляды академика Т. Д. Лысенко в контексте позднего авангарда // *Логос.* 1999. № 11/12. С. 21–36. В отличие от Гаспарова мой тезис заключается в том, что линия конфликта пролегает здесь в первую очередь не по границе «органическое/механическое», а по линии «возможность контролируемого преобразования»/«невозможность (ограниченный характер) контролируемого преобразования». Так, в случае генетики в споре с Лысенко речь шла об ограничении возможности целенаправленного преобразования биологических существ генетическим фактором, который поддается только рекомбинации, но не модификации. Дело в том, что использование «механической» и «органической» метафор характерно для всего дискурса модерна, но является формой противопоставления двух эпистемологических позиций — каузальной (механическая) и телеологической (органическая), что в данном — советском — контексте

границах его воспитуемости⁴. В рамках этой дискурсивной формации единственной формой «твердой» реальности выступал только абстрактно постулируемый исторический процесс («историцизм» в смысле К. Поппера⁵), выстроенный согласно марксистской схеме или дополняемой *ad hoc* в тех вопросах, где доктрина обнаруживала лакуны⁶.

Тем не менее в этом вопросе советская история представляет собой далеко не гомогенное целое, причём с наибольшей интенсивностью коллизии обнару-

представляется лишь второстепенной формой аранжировки противоборствующих позиций.

⁴ Из выступления Н.И. Бухарина на I Педологическом съезде: «Мы отнюдь не стоим на точке зрения абстрактного равенства, абстрактных людей; это вздорная теория, которая вопиет к небу в силу своей беспомощности и противоречия фактам. Но мы держим курс на то, чтобы не было деления на народы неисторические и исторические... Молчаливой теоретической предпосылкой этого является то, что у вас (педологов) называется пластичностью организма, т.е. возможностью в короткий срок догнать, наверстать потерянное... Если бы мы стояли на той точке зрения, что расовые или национальные особенности настолько устойчивые величины, что изменять их нужно тысячелетиями, тогда, конечно, вся наша работа была бы абсурдной, потому что она строилась бы на песке...» (*Бухарин Н. Из речей Н.К. Крупской, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского и Н.А. Семашко по основным вопросам педологии // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 11*).

⁵ *Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.*

⁶ Ср. заключительное выступление И.В. Сталина по национальному вопросу на X съезде РКП(б): «А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. *Нельзя идти против истории.* Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» (Протоколы десятого съезда РКП(б). М.: Парт. изд-во, 1933. С. 216). Курсив мой. — В. К.

живаются здесь в самый тяжелый для большевиков период удержания власти и стабилизации политической системы. Большевики в ранние годы советской власти испытали очевидный шок от того, что реальный ход истории несколько не согласуется с прогнозами: ожидаемой пролетарской революции в развитых капиталистических странах так и не произошло. Не менее проблематичными оказались и перспективы дальнейшего коммунистического развития страны после решения задач захвата и удержания политической власти и ликвидации прямой военно-политической угрозы — новое коммунистическое общество никак не появлялось, несмотря на все шаги, предпринятые по переустройству экономического базиса и системы власти.

Необходимость быстро принимать решения в этой кризисной ситуации вызывает стремительное обновление и модификацию программы и языка большевистской партии, а в организационном плане порождает специфическую «бюрократическую какофонию», в частности, в отношениях партийных и государственных органов⁷. При этом осуществляется целый ряд быстрых антиавангардных шагов, дискурсивно оформляемых с помощью весьма аморфного понятия «культура»⁸. Это обнаруживается как в случае с прагматикой привлечения для руководства «буржуазных специалистов» (Ленин поднимает этот вопрос уже на съезде 1919 г.⁹), так и позднее в форме политики нэпа, определяемой как «стратегическое отступление» и поворот к «культурничеству». Это отступление затронуло также авангард в его буквальном — художественном —

⁷ *David-Fox M. What Is Cultural Revolution? // The Russian Review. 1999. Vol. 58. P. 196.*

⁸ Подробный анализ см. в статье Р. Хестанова в настоящем издании.

⁹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959.

I. Идеология культуры

смысле как специфическую форму исторического сознания, радикально нацеленного на перманентное обновление в будущем и отрицание исторического ракурса культуры («сбросить Пушкина с парохода современности»), что привело в конечном счете к свертыванию этой программы.

Можно сказать, что точка в этом вопросе была поставлена уже через несколько лет после революции: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»¹⁰. И хотя распространение этой дискурсивной формулы на художественный авангард с учреждающей вершины советского политического дискурса заняло определенный период, однако в рефлексивной исторической ретроспективе оно не является неожиданностью, тем более что соответствующие политические решения определялись именно через понятие «культура». Так, уже в 1919 г. В.И. Ленин на партийном съезде следующим образом формулирует проблему привлечения «буржуазных специалистов»: «У нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт этих специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»¹¹.

Максимальной интенсивности обращение к культуре достигает в процессе перехода к нэпу, что является главной темой как последних выступлений Ленина на

¹⁰ Ленин В.И. набросок резолюции о пролетарской культуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967 [1920]. С. 462. Эта записка Ленина была написана в 1920 г., но напечатана только в 1945 г.

¹¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 20.

съезде РКП(б) в 1922 г.¹², так и ряда других ключевых выступлений и статей последних лет его жизни в целом. Можно сказать, что переход к нэпу был в конечном счете определен Лениным как поворот к культуре¹³, причем поворот, который я могу обозначить как

¹² Ср.: «Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б). М.: Парт. изд-во ЦК ВКП(б), 1936. С. 31).

¹³ Связь нэпа и культурной революции отмечается и в советских исследованиях, посвященных ленинской культурной политике, в частности в работах В.М. Межуева: «Нэп в этом смысле — органическая часть культурной революции, как она была задумана Лениным» (*Межуев В. Теория культурной революции как будущее // Ленин on line. 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2010 [Первая публикация: Межуев В. Ленинская теория социалистической культуры // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 9–20]*). Историко-теоретическое обращение к проблеме культуры, в том числе и актуализация тематики культуры в работах Ленина, происходит в СССР в рамках специфически советского «поворота к культуре», начало которого связывают с докладом академика, члена ЦК КПСС Б.Н. Пономарева «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории», где он, в частности, заявил: «Среди задач, которые перед нами стоят, следует отметить назревшую необходимость развития такой области исторической науки, как *история культуры*. До сих пор у нас существуют работы лишь по отдельным ее отраслям: литература, музыка, архитектура, изобразительное искусство, театр, кино. Этого теперь недостаточно. Нам нужны труды по истории культуры, в которых развитие всех ее составных частей рассматривалось бы в совокупности и взаимосвязи, как неотъемлемая часть общесторического процесса» (*Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории (Доклад на Всесоюзном совещании историков, происходившем в Москве 18–21 декабря 1962 г.) // Вестник Академии наук СССР. 1963. Вып. 2*). Позднесоветский обзор дискуссии о культуре см., в частности: *Вавилин Е., Фофанов В. Исторический материализм и кате-*

вынужденно консервативный, хотя и понимаемый как временная уступка. Этот поворот стал началом социально значимой советской «культурной революции» — если мы удерживаем себя в пределах методологической строгости подходов в рамках исторической семантики, т.е. соответствия фактической понятийной самоидентификации¹⁴. Совершенно отчетливо данный

гория культуры. Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 1983. Несмотря на высокую плотность дискуссии о культуре в 1960–1980-х годах в СССР, специфика советского дискурса накладывает, на наш взгляд, определенные ограничения на использование этих материалов в настоящее время. Мы не склонны полностью игнорировать содержание этой дискуссии, преувеличивая ее несвободу или пропагандистский характер (который, впрочем, также нельзя отрицать), однако в любом случае советские авторы вынуждены были определять свою позицию внутри советского идейно-политического горизонта, что выразалось в том числе в преувеличенном противопоставлении ленинской идеи культурной революции и сталинской практики ее реализации. Такое противопоставление мы находим контекстуально объяснимым, но оно имеет гипертрофированный, преувеличенный характер, если исходить из современной аналитической перспективы, которая не связана ограниченным советским горизонтом, принуждающим обнаруживать существенные различия там, где их, на наш взгляд, попросту нет. С нашей точки зрения, подобные преувеличенные различия устанавливаются имплицитным переводом разговора в сослагательную плоскость в духе рассуждений «а как бы сам Ленин реализовал свой план, будь он жив».

¹⁴ Проблематика советской культурной революции подробно рассматривалась в работах западных историков, начиная со сборника под редакцией Ш. Фицпатрик (*Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* / ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington, In.: Indiana University Press, 1978). Краткий обзор основных трактовок и дискуссионных вопросов в рамках истории рассмотрения этого вопроса см.: *David-Fox M.* Op. cit. P. 181–201. В дискуссии между Фицпатрик и Дэвид-Фоксом (см. также: *Fitzpatrick S. Cultural Revolution Revisited // The Russian Review.* 1999. Vol. 58. P. 202–209) я занимаю срединную позицию. Фицпатрик связывает с понятием культурной революции довольно небольшой исторический промежуток, прежде

мотив обнаруживается уже в докладе Ленина «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на II Всероссийском съезде политпросветов¹⁵. Нако-

всего политику по отношению к «выдвиженцам» и интенсификацию других аффирмативных культурных политик в эпоху «Великого перелома» (главным образом 1928–1931 гг.). Дэвид-Фокс, напротив, основываясь на методологии истории понятий (Begriffsgeschichte), понимает ее крайне широко и отслеживает ее начиная с появления в период между революциями 1905 и 1917 гг. культурно-ориентированной группы «Вперед» — группы так называемых левых большевиков, возглавляемых А.А. Богдановым. Эти позиции противостоят друг другу как анализ социально-значимой политики (и здесь, конечно, я готов согласиться с аргументами Фицпатрик против расширительного толкования, основанного на анализе словоупотребления как малозначительного, хотя и имеющего право на существование исследовательского подхода) и историко-семантический анализ дискурса (методологически вполне мной разделяемого), который, конечно, намного богаче и разнообразней социально и политически значимого их использования. Именно поэтому в данном исследовательском контексте я ориентируюсь на ключевые дискурсивные события — послереволюционные тексты Ленина, материалы съездов и т.д. Именно здесь понятийная инновация шла рука об руку (хотя, разумеется, и с отставанием по отношению к изменениям в дискурсе) с политическими и организационными решениями, значимыми для страны. В рассматриваемой нами области сталинская «культурная политика» представляется мне намного более когерентной по отношению к раннему периоду и в целом отвечавшей стратегической логике Ленина, намеченной в первые годы советской власти (временное отступление с последующим затем решительным наступлением на основе новой «культуры»). Разумеется, после этого за понятие «культурная политика» разворачивается необычайно интенсивная дискурсивная борьба (Троцкий и др.), которая, однако, заслуживает отдельного рассмотрения.

¹⁵ «При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, — и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос» (*Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссий-

нец, эта артикуляция культурного поворота достигает своего апогея в статье «О кооперации» (где в языке Ленина и появляется термин «культурная революция»). Определяя приоритеты развития страны в терминах развития кооперации и «культурного торгашества», Ленин указывает: «...простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству»¹⁶.

Иными словами, культурная политика в ранний советский период выступает как крайне широкое поле приоритетной активности. Его значимость определяется тем, что именно в нем обнаруживаются временные препятствия, объясняющие в том числе «стратегическое отступление» большевистской партии от задачи непосредственного построения коммунизма. Эти препятствия, как мы бы сегодня сказали, связаны с качеством человеческого капитала и габитусными институтами (в некоторых исключительных случаях противопо-

ском съезде политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967 [1921]. С. 168). Именно этот доклад стал одним из излюбленных источником цитат о важности культуры в последующем советском публичном дискурсе.

¹⁶ Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967 [1923]. С. 369–377.

ставляемыми Лениным политике учреждений¹⁷), социально-экономическими и управленческими навыками поведения. Возникает требование институциональной¹⁸, а не только организационно-учрежденческой и политико-управленческой перестройки общества. Причем

¹⁷ Ср. из выступления Ленина на съезде 1922 г.: «А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой — к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад — гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неимоверно много в связи с нэпом. Все это говорят впустую. Это — вреднейшая болтовня. В связи с нэпом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это — вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей. Это трудно усвоить революционеру, который привык бороться против мелких дел, против культурничанья, который вместо пересоздания учреждения выдвинул роль личности» (Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б). С. 42–43). Довольно туманный смысл последней фразы, на мой взгляд, следует интерпретировать так: революционерам, привыкшим к решению организационных и политических вопросов, необходимо теперь обратиться как раз к «мелким делам», «культурничанью» и признать «роль личности».

Достаточные основания для такой интерпретации дает более внятная формулировка Ленина в докладе на II Всероссийском съезде политпросветов: «После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать маленькими делами. Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией... Задача подъема культуры — одна из самых очередных» (*Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. С. 169).

¹⁸ Под институтами здесь и далее я понимаю габитуализированные практики поведения. О различии институтов и учреждений см.: *Куренной В.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 5–26. Это различие близко к более стандартному различию неформальных (институты) и формальных (учреждения и организации) институтов, хотя и не совпадает с ним.

I. Идеология культуры

окультурированию подлежат все уровни и социальные группы советского общества — от крестьян и различных «отсталых национальностей» до столичных управленцев-коммунистов. Речь идет о всеобъемлющей задаче формирования новой институциональной среды в ходе политики, обозначенной в конце концов как «культурная революция».

На этом основании широкомасштабное начало «культурной революции» в советском обществе я считаю возможным увязать с поворотом к нэпу¹⁹. Намного примечательней то, что несмотря на последующий отказ от политики нэпа, две первые советские пятилетки представляют собой сравнительно континуальное продолжение этой основной линии, определенной Лениным как первоочередная политическая задача. В публичном дискурсе есть также своего рода официальная дата завершения периода «культурной революции» — это XVIII съезд ВКП(б), подводящий итоги второй пятилетки и принявший программу на третий пятилетний план. В 1939 г. в отчетном докладе съезду Сталин объявляет: «С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобщего обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции — такова общая картина культурного подъема народа»²⁰. В течение этого периода существовал ряд се-

¹⁹ Партийные комментаторы материалов съездов квалифицируют как решительный поворот к «подготовке культурной революции» только XIII съезд РКП(б) 1924 г. (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. С. X), т.е. со значительным отставанием от соответствующего семантического сдвига в языке Ленина.

²⁰ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ; Гос.

мантических обновлений понятия «культура» (перенос дискурса культуры на сталинский тезис об обострении «классовой войны» и т.д.), имевших существенные политические последствия (однако в данном случае я отвлекаюсь от этого аспекта).

Иными словами, период культурной революции в СССР — это период с 1921–1922 по 1939 г., когда ее цели были признаны достигнутыми. Объявление о завершении культурной революции в партийных документах открывало дорогу для последовавшей в послевоенный период рутинизации и продолжающейся бюрократизации работы на «культурном фронте», что и создало необходимые условия для того, что Р. Хестанов назвал «актом эмансипации культуры от идеологии»²¹, который завершился образованием в 1953 г. Министерства культуры СССР²². В ходе этого процесса происходит функциональное размежевание ведомственной сети

изд-во полит. лит-ры, 1939. С. 24. Сходную формулировку — в совершенном времени — содержит также принятая на съезде резолюция «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.)», основанная на докладе Молотова: «За годы второй пятилетки в СССР проведена настоящая культурная революция» (Там же. С. 650).

²¹ См. статью Р. Хестанова в настоящем издании.

²² Если говорить о реальных социально-значимых результатах культурной революции в сталинский период в аспекте повседневно-бытовой культуры, то Фицпатрик выделяет сложившуюся в этот период систему из трех уровней культуры, выстроенных иерархически и специфицированных социально: 1) навыки элементарной гигиены и элементарной грамотности (нормативный уровень для крестьянства); 2) правила поведения за столом и в общественных местах, обращение с женщиной, знание основ коммунистической идеологии (рядовой городской житель); 3) «культура этикета» — хорошие манеры, правильная речь, опрятная и подобающая одежда, ориентация — хотя бы элементарная — в литературе, музыке, балете (уровень управленцев, «советской элиты»). См.: *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. С. 99 и далее.*

I. Идеология культуры

учреждений культуры и содержательных функций от задач их ценностного и идеологического модерирования, вынесенных в партийные структуры²³. Начальный же период «культурной революции», напротив, представляет их прямое совмещение (прежде всего на персональном уровне, где руководители-лидеры выполняют гибридизированные партийно-идеологические и организационно-управленческие роли). Это совмещение — по мере нарастания комплексности задач — осуществляется также и на уровне организации, путем прямой имплементации органов партии в органы исполнительной власти. Лучшим примером этого является история Главполитпросвета («прямой аппарат партии в системе государственных органов»²⁴) — партийного органа Наркомпроса, образованного по итогам X съезда РКП(б) в 1921 г. Главполитпросвет просуществовал на протяжении 10 лет и бесспорно возглавлялся Н.К. Крупской — фигурой с безусловно большевистской лояльностью.

В позднесоветский период указанное разделение функций только углубляется. Административные органы управления культуры становятся все более массивными, создавая среду в том числе для формирования в это время все более активного запроса на научно-экспертное обследование сферы культуры²⁵ (феномен советской «социологии культуры»). Стоит отметить, что параллельно с этим процессом нейтрализации сферы учреждений культуры все более выраженным становится и позитивистский характер

²³ Тем самым, помимо прочего, были сформированы условия для прямых интервенций советских руководителей, прежде всего И.В. Сталина и Н.С. Хрущева, в сферу художественной политики.

²⁴ Протоколы десятого съезда РКП(б). С. 570.

²⁵ Очень масштабный сбор статистики по вопросам культурного потребления проводился, впрочем, начиная с первых лет существования советского общества — см. статью И. Глуценко в настоящем издании.

научно-экспертной и аналитической деятельности в этой области²⁶.

При этом партийный аппарат, выполняющий функцию идейного руководства, оказывается буквально завален вопросами, связанными с содержательным определением действия рутинизированной системы государственно-административных органов²⁷: «Аппарат ЦК КПСС в области культуры исполнял функции инициатора, руководителя, контролера и арбитра... Однако отдел культуры, секретари ЦК партии подчас занимались мельчайшими делами, которые относились к компетенции учреждений исполнительных органов власти или самих творческих союзов, например, обмен книг на макулатуру»²⁸.

Тем не менее — и этому посвящена последняя часть статьи — общая тенденция заключалась в том, что система организации учреждений культуры в позднесоветский период раздифференцировалась со сферой идейно-содержательного определения собственной деятельности, по умолчанию предоставляя эту ком-

²⁶ Здесь показательна, в частности, деятельность группы социологов культуры во главе с С.Н. Плотниковым (НИИ культуры Министерства культуры РСФСР), выступавших за широкомасштабные количественные исследования в этой сфере. Ср., например: Социология культуры. Вып. I / под ред. С.Н. Плотникова // Министерство культуры РСФСР. НИИ культуры. Тр. 9. М.: Советская Россия, 1974; Социология культуры. Проблема социальных показателей развития культуры. Сб. науч. тр. № 108 / под ред. С.Н. Плотникова. М.: НИИ культуры, 1982. Поле «социология культуры» в позднесоветский период не является однородным, в нем присутствуют различные группы и конфликты, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

²⁷ Весьма репрезентативное представление характера вопросов, с которыми работал высший партийный орган в это время, можно получить по продолжающейся серии публикаций соответствующих документов аппарата ЦК партии: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы: в 2 т. / отв. сост. Т. Таванец. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011.

²⁸ Там же. С. 6.

I. Идеология культуры

петенцию партийно-идеологической подсистеме советского общества, но одновременно разрастаясь как организационная структура. Можно предположить (и это предположение я считаю очевидным в данном контексте — в силу специфики бюрократических организаций как таковых), что следствием этого стала возможность существования и расширения обширной полутеневой зоны, в которой постепенно разворачивалась собственная содержательная культурная жизнь, не поддающаяся функционально-определенному контролю со стороны партийно-идеологических органов²⁹.

Чтобы обосновать этот тезис, используем здесь своего рода телеологический прием — не останавливаясь на анализе сложнейшей промежуточной истории, обратимся к конечной точке развития советской цивилизации, которая фиксирует исторически сложившееся состояние интересующей нас области и намечает долгосрочные планы на будущее. По счастью, в нашем распоряжении есть уникальный материал — наиболее фундаментальный экспертно-плановый документ, созданный на излете существования СССР, — «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы»³⁰ (далее — КП), кото-

²⁹ Подобные теневые зоны были возможны даже внутри идеологического ядра СССР — в области философии. См., например, документальный фильм А. Архангельского «Отдел» (2010).

³⁰ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы. Проблемный раздел 3.2. Социальные проблемы повышения народного благосостояния и развитие культуры (Для служебного пользования). М.: Академия наук СССР; Государственный комитет СССР по науке и образованию, 1983. В порядке справки (КП, с. 414–415) приведем список членов комиссии, занимавшейся подготовкой рассматриваемого здесь тома «Комплексной программы» (не включая рядовых составителей — их еще 69 человек): председатель — С.С. Шаталин, председатель — В.Ф. Майер, заместители председателя — Б.Г. Гребенников, Т.Н. Заслав-

рый должен был включать 60 томов. Программа не только представляет собой максимально экспертно-фундированный документ такого рода, созданный за все советское время, но и является последней долгосрочной программой развития СССР, подготовленной в позднесоветский период. Проблеме культуры в том наиболее определенном смысле, который сформировался в экспертном сообществе советских ученых, посвящен раздел «Развитие культуры» тома «Социальные проблемы повышения народного благосостояния и развитие культуры».

В преамбуле авторы раздела рисуют довольно драматичную картину культуры (комплексного гетерогенного предмета) и как объекта планирования и управления, и с точки зрения знания («информационной базы») о ней в советском обществе. Следствием этого является фрагментированный подход к культуре, которая «оценивается не во всех своих внутренних и внешних связях и отношениях — не как целостное образование, система, — но с помощью неполного ряда изолированных, часто плохо сопоставимых показателей, отнесенных лишь к отдельным “участкам” сферы культуры»³¹. Тем не менее, генерализуя различ-

ская, Н.М. Римашевская, В.М. Рутгайзер, Р.Я. Чайнов, ученые секретари — А.С. Бим, Т.Л. Клячко. Члены комиссии: Б.А. Бабин, Г.В. Бадиян, В.Е. Баскаков, И.В. Бестужев-Лада, А.Г. Вишневский, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, И.Б. Гутчин, Л.С. Дегтярь, И.Е. Дискин, А.М. Жданов, Ж.А. Зайончковская, В.Г. Зинин, Л.Г. Зубова, В.А. Калмык, К.К. Карташова, Э.В. Клопов, Т.И. Корягина, Т.А. Кудрина, М.С. Ланцев, И.Л. Лахман, Ю.А. Левада, И.Т. Левкин, Н.А. Нечипоренко, С.И. Никаноров, Л.В. Никифоров, А.В. Орлов, В.В. Пациорковский, С.Н. Плотников, Б.Б. Прохоров, С.С. Пчелинцев, В.З. Роговин, О.П. Саенко, А.А. Сергеев, А.И. Смирнов, Ю.У. Фохт-Бабушкин, А.И. Чухнов, Ю.Е. Шевяхов, В.А. Ядов, Г.А. Яременко.

К сожалению, авторы приведены общим списком, а не по разделам.

³¹ КП. С. 339.

1. Идеология культуры

ные подходы к анализу и, соответственно, управлению сферой культуры, Программа выделяет следующие возможные стратегии управления в этой сфере:

1) нормативная модель (основанная на расчете «рациональных норм потребления продуктов и услуг культуры населением» и «рациональном потребительском бюджете»);

2) модель «предпочтительного образца» (выделение групп населения, отличающихся некоторым совокупным «личностным потенциалом» — знания, трудовая и общественная активность, эстетический вкус и т.п. — и оцениваемых в качестве «желательного образца», в направлении которых должны двигаться другие социальные группы);

3) «историческая модель развития культуры» (выявление и прогностическая оценка реальных долгосрочных тенденций, наблюдаемых в обществе)³².

Составители программы выбирают именно третью стратегию, что, как показывает дальнейший текст документа, на деле оказывается совершенно нейтральной и вполне позитивистской аналитической процедурой. А именно аппроксимацией количественных тенденций в области «продуктов и услуг культуры» (т.е. основных единиц культурной продукции, фиксируемых организациями культуры, включая СМИ, — спектакли, фонды библиотек, телевидение и т.д.), бюджета досугового времени, затраченного населением на тот или иной вид потребления культуры (важнейший в данном документе показатель, соответствующий некоторым общим методологическим тенденциям в позднесоветской социологии), динамики капитальных затрат на сферу культуры. Иными словами, дается статистическая динамика изменения ряда основных количественных показателей (за период с 1960 г.), а затем она аппроксимируется на период до 2005 г. Таким образом, в экспертной сфере из-

³² КП. С. 340.

бирается сугубо нейтральный подход статистически фундированной аппроксимации, тогда как никакого эксплицитного идеологического или политического содержания данная программа попросту не имеет. Культура окончательно превращается в сеть организаций и учреждений, понимаемых в позднесоветский период как некая самостоятельная реальность, обнаруживающая собственную динамику, которую и следует изучать, а опираясь на изучение — планировать ее самостоятельное поведение. При этом впечатляет сам перечень типов этих организаций, позволяющий понять, что же представляет собой культура в позднем советском обществе (будучи уже ведомственно отделенной от сферы образования и науки). Таких «отраслей и подотраслей культуры» авторам удается — при максимальном уровне обобщения — выделить 16 видов, группируемых как виды культурного / медийного потребления и досугового времяпрепровождения³³:

- 1) чтение газет;
- 2) чтение журналов и книг;
- 3) просмотр телепередач;
- 4) прослушивание радиопередач;
- 5) посещение кино;
- 6) посещение театральных спектаклей;
- 7) посещение концертов;
- 8) посещение цирковых представлений;
- 9) посещение спортивных зрелищ;
- 10) посещение массовых мероприятий (лекций, тематических вечеров, вечеров отдыха и т.п.) клубов и других культурно-просветительных учреждений;
- 11) посещение музеев и выставок;
- 12) посещение парков;
- 13) любительские занятия (включая так называемую клубную деятельность);

³³ Там же. С. 341.

I. Идеология культуры

- 14) занятия во внеобщеобразовательных и непрофессиональных школах;
- 15) занятия физкультурой и спортом;
- 16) занятия туризмом, участие в экскурсиях.

Если резюмировать в этой части итог советского эксперимента по строительству учреждений (организаций) культуры, то следует сказать, что созданная система в ходе длительного процесса дифференциации функций после формального завершения культурной революции в конце 1930-х годов приобрела необычайно массивный и при этом нейтральный характер, подразумевающий вынесение содержательных элементов ценностного и идеологического свойства в экстерналиные аппараты партийно-идеологического руководства³⁴.

Следующий аспект рассматриваемого вопроса заключается в том, что, как отчетливо фиксируют авторы Программы 1983 г., данная сеть учреждений и организаций и подконтрольных им продуктов не совпадает полностью с самим предметом управления. Таковым в действительности является «культурная деятельность населения», понимаемая как «главный (конечный) объект целевого рассмотрения»³⁵, что «естественно» вытекает из исходного посыла программы: «...в центре

³⁴ В порядке актуального комментария можно заметить, что устранение последних в постсоветский период привело к тому, что сохранившиеся в силу институциональной инертности учреждения культуры (часть которых осталась на балансе властей разного уровня, тогда как другая или исчезла совсем, или модифицировалась в рыночной среде) потеряли всякую определенность и ориентиры в своей деятельности. С обобщенной точки зрения это выглядит как упадок культуры, а по факту является ситуацией крайней фрагментации этой сферы. Учреждения культуры потеряли свое предназначение, определявшееся и задававшееся внешним образом в советском государстве, и стали (если вообще стали) формировать новое спонтанным и хаотичным образом.

³⁵ КП. С. 346. Здесь и далее подчеркивание в оригинале. — В. К.

всей жизнедеятельности социалистического общества находится человек»³⁶. По отношению к «культурной деятельности населения», как говорится в документе, «деятельность многочисленных институтов культуры оценивается в качестве всего лишь необходимой предпосылки и важнейшего условия ее реализации. В то же время, с учетом общих принципов и существующей практики народнохозяйственного планирования и управления в сфере культуры, этот второй (“подчиненный”, “обеспечивающий”) элемент системы оказывается непосредственным (ближайшим) предметом программирования»³⁷.

Если перевести этот тезис на язык используемой в данной статье аналитической терминологии, здесь вполне понимается и понятийно артикулируется различие институтов (точнее, одного из аспектов институционального поведения, имплицитно ассоциированного с областью «культуры» («культурная деятельность населения») и учреждений и организаций, причем утверждается, что управленческое воздействие на первые («деятельность»³⁸) возможно лишь через вторые («многочисленные институты культуры» — в понятийном языке оригинала).

³⁶ Там же. С. 345.

³⁷ Там же. С. 346.

³⁸ Понятие «деятельность» оформляет множество разнообразных позднесоветских гуманитарных направлений — ср. «мыследеятельностный» подход Г.П. Щедровицкого и его последователей, работы Э. Маркаряна о культуре и т.д. В порядке рабочей гипотезы предположу, что аномально высокая популярность этого понятия связана с самобытной и интеллектуально-изолированной от западного контекста попыткой осуществить, в терминологии С. Холла, «структуралистскую» ориентацию, присущую в том числе классовому подходу марксизма, на «культуралистскую» парадигму, более ориентированную на агента, практики и т.д. (о различии этих двух парадигм см.: Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. 2013. № 1. С. 157–183).

I. Идеология культуры

Таким образом, если резюмировать итог советского эксперимента по строительству институтов (в нашей аналитической терминологии), то можно сказать следующее. В ранний период советской власти *политика в области институтов* и *политика в области учреждений* рассматриваются — в частности, в языке Ленина — как альтернативные друг другу. В последней же фазе существования советского общества уровень учреждений воспринимается как неотменяемая данность и первичный в инструментальном смысле, хотя и подчиненный с точки зрения конечных целей объект управленческого воздействия.

При этом приводимые в документе статистические сведения (см. табл. 1) дают богатую пищу для размышления о том, насколько многолетние усилия в области культуры принесли плоды с точки зрения нормативно-просвещенческой установки советской власти³⁹.

В порядке комментария к данным цифрам говорится: «...несмотря на происшедшие сдвиги, участие людей в культуре остается в стране по-прежнему недостаточно развитым, испытывая серьезную конкуренцию со стороны видов деятельности, фигурирующих в последней строке таблицы и совпадающих по преимуществу с пассивным отдыхом, бессмысленным “убиванием” свободного времени, а также прямым участием людей в “антикультуре” (пьянство, антиобщественное поведение и т.п.)»⁴⁰.

Итак, задача культурной революции оказалась успешно массовым образом решена советской властью лишь в ряде областей (грамотность, образование, гигиена, построение национальных культур в рамках политики «положительной дискриминации» нерусских национальностей⁴¹). Однако в том, что ка-

³⁹ КП. С. 366.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ О некоторых аспектах истории этой политики см. статью Т. Дмитриева в настоящем издании.

ТАБЛИЦА 1. Объем и структура свободного времени в усредненные сутки (в расчете на душу населения)

Вид деятельности населения	В минутах		В %	
	Начало 1960-х гг.	Конец 1970-х гг.	Начало 1960-х гг.	Конец 1970-х гг.
Свободное время в целом	353,2	359,3	100,0	100,0
В том числе:				
заочная и вечерняя учеба, общественная работа	8,4	9,4	2,4	2,6
культурная деятельность	79,4	150,3	22,5	41,8
занятия с детьми	15,5	12,3	4,4	3,4
внесемейное общение	43,7	29,0	12,3	8,1
прочие виды деятельности, включая нераспределенное свободное время	206,2	158,3	58,4	44,1

сается окультуривания досуговых габитусных практик за пределами общения в семейном кругу и времени, проводимого с детьми, дела — по существующей статистике — обстоят далеко не блестящим образом в части борьбы с «антикультурой». Здесь стоит также добавить, что таблица построена таким образом, чтобы смягчить этот неудобный вывод. В частности, с учетом некоторых отечественных традиций весьма проблематично провести границу между «пьянством» и «внесемейным общением». Иными словами, «антикультура», «бессмысленная» растрата свободного времени продолжает доминировать в советской институциональной среде — несмотря на все усилия учреждений и организаций культуры. Характерный дискурсивный штрих: хотя политизированный язык периода собственно «культурной революции» в СССР остался далеко в прошлом, практики поведения, вы-

I. Идеология культуры

ходящие за пределы сетки культурно-досугового времяпрепровождения и его нормативно одобряемых форм (образование, «культурная деятельность», семья и дети), обозначаются термином «антикультура», коннотации которого — будь то в смысле политики или в смысле физики — указывают на непримиримое, так сказать, онтологическое противоречие, несовместимость и, следовательно, уничтожение.

Таким образом, несмотря на все усилия советской власти, в культурной революции она так и не смогла одержать решительной победы, проблему не удалось полностью решить с помощью организаций и учреждений.

© Куренной В., 2013

ЧЕМ СОБИРАЛАСЬ УПРАВЛЯТЬ ПАРТИЯ, СОЗДАВ МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР¹

У Советского Союза в области культуры есть один неоспоримый приоритет — изобретение государственной культурной политики. Именно в СССР, сразу после смерти И.В. Сталина в 1953 г., было организовано первое в мире министерство культуры. Прошло совсем немного времени, и примеру СССР в области культурного строительства последовали не только страны третьего мира, но и капиталистические: сначала Франция де Голля — в 1959 г., затем большинство европейских государств: Дания — в 1961 г., Италия — в 1974 г., Испания — в 1977 г. и т.п.

Сегодня трудно оценить, сколь изумителен сам факт организации министерства культуры. С эпохи Просвещения и до наших дней культура была не столько идеей или специфической «реальностью», сколько полем, внутри которого велись сложные дебаты по широкому кругу проблем: о человеческой природе, прогрессе, эволюции, образовании, разуме или цивилизации, о разного рода меньшинствах или идентичностях, об искусстве и творчестве и проч. Но вдруг в 1953 г. КПСС превращает безграничное и едва ли определенное поле культуры в объект государственного администрирования. Советская бюрократия приступает к разработке нормативов и параметров управленческой

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

I. Идеология культуры

вертикали, квалификационных требований к специалистам и кадрам, критериев оценки текущего состояния культуры. Затем эта инновация подхватывается другими государствами. «Эфирная» и едва уловимая природа нового объекта правительственной заботы не мешает государственным машинам осваивать новое поле деятельности.

Наш анализ сосредоточен исключительно на материалах съездов партии (от РСДРП до КПСС). В них мы обнаруживаем именно то, что нужно для генетического анализа культуры, — правительственную рациональность, которой руководствовались партийные функционеры.

От политики к культуре

До 1919 г. термин «культура» не имел доктринального статуса в словаре большевиков. Его употребляли как синоним терминов «пропаганда», «агитация», «просвещение», которые часто звучали как взаимозаменяемые. Понятие не укоренилось в сленге партийной массы. Отдельные делегаты испытывали к нему недоверие. Так, Мартын Лацис поминает организованный большевиками в Риге партийный «Культурный центр», замечая, что «название отдает меньшевизмом»². Меньшевизмом «отдавало» именно от классово нейтрального прилагательного «культурный».

Разительная перемена происходит во время VIII съезда РКП(б) в 1919 г., когда В.И. Ленин формулирует тезисы, которые надолго определяют представления партии о культуре. В одном из докладов он поднимает проблему культуры в контексте внутренней политики, когда речь заходит о привлечении буржуазных специалистов на службу. Ленин противопоставляет *бюрократизм* и *культуру* — как разные мотивации к труду. Труд рабочих мотивирован исключительно «бю-

² Шестой съезд РСДРП (большевиков). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. С. 176.

рократически», т.е. рабочие трудятся потому, что их принуждают. Однако мотивация буржуазных специалистов иная — культурная; в ней отсутствует принуждение. В принципе, специалистов можно принуждать к чему угодно, но только не к труду. Их можно «заставить не участвовать в контрреволюции», «устрашить», но вот «заставить работать из-под палки [этот] слой нельзя... Эти люди привыкли к культурной работе». Бюрократизм, т.е. «некультурная» мотивация к труду, проявляет себя как главное выражение культурной неразвитости России. Именно «эта некультурность понижает Советскую власть и воссоздает бюрократию»³. «Культура» для Ленина в данном контексте — это показатель способности рабочих к самоорганизации и управлению⁴. И эта способность проявляется как на производстве, так и в государственном управлении.

Но кульминации ленинское рассуждение достигает, когда он формулирует стратегическую цель партии — полная победа над бюрократизмом и уничтожение государственной власти как таковой. Два условия должны обеспечить успех этой стратегии: 1) «вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» и 2) «повышение культурного уровня»⁵. Иначе говоря, уничтожение государства для Ленина происходит одновременно с ростом культуры трудящихся.

В ленинском рассуждении чуть ниже появляется еще одна оппозиция — между *законом* и *правом*, с одной стороны, и *культурой* — с другой. Советское государство вынуждено прибегать к принуждению и насилию. И в этом смысле оно точно так же препятствует «поголовному вовлечению населения» в управление. Но в буржуазных странах бюрократизм насаждается

³ Восьмой съезд РКП(б). М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1959. С. 58.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 397.

I. Идеология культуры

законом, а «мы, — говорит Ленин, — сделали, чтобы этих помех у нас не осталось». В Советской России есть другое препятствие — низкий культурный уровень: «...кроме закона есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь». Потому советская власть вынуждена закрепить законодательно классовое неравенство в своей первой конституции 1918 г., пока «мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс». И «это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень»⁶. Подчиняя право культуре, Ленин следует антиправовому пафосу «Манифеста коммунистической партии»⁷, когда утверждает, что поголовному вовлечению масс в управление препятствует буржуазный закон, к которому вынуждена прибегать советская власть.

Пространное рассуждение Ленина о культуре послужило для делегатов VIII съезда РКП(б) толчком к творческим импровизациям, и они осваивали новые концептуальные возможности, пытаясь приспособить «культуру» к разным политическим контекстам. Понятие «культура» заиграло смыслами. Выражение «низкий уровень культуры» превращалось в универсальное объяснение проблем и трудностей, что выглядело иной раз довольно неуклюже. В докладе о земельной политике делегат Кураев описывает совхозы как «центры не только агрикультурные, но и культурные», как место, где крестьянин мог бы удовлетворять свои «культурные потребности» и получить «агрикультурную помощь»⁸. Сближение культуры и агрикультуры воспроизводилось и сохранялось довольно долго. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) крестьянка из Полтав-

⁶ Восьмой съезд РКП(б). С. 63–64.

⁷ «Манифест» толковал право как «возведенную в закон волю правящего класса» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 443).

⁸ Восьмой съезд РКП(б). С. 233.

ского округа Бабашкова говорит: «Только нам, товарищи, нужно просвещение, потому мы еще очень темны, не взяли еще серьезно за культурную работу. Еще не знают, как вести у нас эту работу. У нас, например, появилось культурное свиноводство...»⁹. Сближение двух омонимов подчеркивает, насколько материально понималась культура теми, кто слушал на VIII съезде Ленина, — как материальность техники, сортов племенного скота или зерновых.

Тезисы Ленина имели далеко идущие следствия. *Первое*: те функции общего руководства и управления, которые в буржуазном обществе выполняло право, в новом обществе должна была перехватывать культура. *Второе*: «культурная» точка зрения определила стратегию и тактику правящей партии, которая состояла в постепенном уничтожении государства и бюрократии, в вытеснении управления развитой культурой. Отсюда «временные ограничения» и тактические задачи: партия не может позволить себе упразднить ни право, ни государство до тех пор, пока общество не достигнет культурного равенства, а потому следует «систематически работать над уничтожением неравенства более организованного пролетариата с крестьянством»¹⁰.

Ленинские тезисы вошли в Программу партии, принятую VIII съездом РКП(б), а потом были закреплены в резолюции XV съезда ВКП(б) (1927): «...упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведет к уничтожению государственной власти»¹¹. В полной мере значимость, которую партия придавала культурной политике, проявилась в докладе Рыкова, посвященном первой советской

⁹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). М.: Гос. изд-во, 1928. С. 267.

¹⁰ Восьмой съезд РКП(б). С. 64.

¹¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). С. 560–561.

I. Идеология культуры

пятилетке: «...начиная уже с ближайшего года на культуру мы должны давать относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства... Без быстрого культурного роста мы не сможем по-настоящему переконструировать наше хозяйство»¹².

Считается, что начало канонизации термина «культура» как важнейшего элемента строительства социализма было положено работой Ленина «О кооперации» (1923). В этой небольшой, но важной статье «культура» была накрепко связана в одном словосочетании с «революцией»: «Культурная революция — это... целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы»¹³. Однако некоторые идеи статьи звучат по-новому в контексте сказанного Лениным на VIII съезде РКП(б).

В частности, Ленин пишет о том, что сразу после захвата власти большевиками изменилась «точка зрения на социализм». Раньше она была «политической», теперь же «центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную работу”». Он делает, правда, оговорку, что *политическая* перспектива сохранилась, но только в международных отношениях. Однако, «если... ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Подведем предварительный итог: во-первых, проблематика культуры теснейшим образом связана с *управлением и руководством*; во-вторых, идеальная проекция культуры приобретает свою оригинальную консистенцию благодаря трем оппозициям: культура — бюрократизм, культура — право, культура — государство; в-третьих, культурная точка зрения доминирует не только над правовой, но также

¹² XV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). С. 778–779.

¹³ Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. (5-е изд.). Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1965–1975. С. 372.

над политической и экономической. Таким образом, «культурная оптика» должна была определять после Октябрьской революции стратегию строительства социализма и коммунизма.

*Объекты культурной политики
и аппараты управления*

Правительственная рациональность всегда выражается в редукции сложности мира к определенному аспекту мира¹⁴. Таким аспектом социального мира для большевиков стала культура: разнородные феномены социальных, экономических и политических отношений редуцировались к культурным различиям, которые в перспективе усилиями партии должны были быть преодолены. Такое упрощение действительности порождало новую социальную действительность, новые объекты политического воздействия и новую картографию социальной реальности.

Классовая точка зрения была необходима на этапе политического захвата власти. «Культурная точка зрения», в которой появилась потребность в ходе строительства коммунизма, оказалась более сложной: кроме классовых различий она включила целый комплекс иных социальных различий, которые были превращены в самостоятельные объекты управления и требовали особых аппаратов. Ниже мы приводим список тех культурных различий, которые чаще всего упоминались на съездах:

- 1) классовые (возможна формулировка «разрыв между городом и деревней»);
- 2) национальные (иногда сливаются с конфессиональными);
- 3) образовательные;
- 4) гендерные;

¹⁴ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2007. С. 149–150.

I. Идеология культуры

- 5) возрастные;
- 6) бытовые;
- 7) технологические и производственные навыки;
- 8) организационные (навыки самоорганизации и самоуправления);
- 9) чуть позже выделится разрыв между умственным трудом и физическим «на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»¹⁵.

Культурная перспектива, интегрировавшая помимо классовых различий множество других, предполагала сеть сложных и неоднородных объектов. Эта сложность имела несколько измерений. Во-первых, широта и разнообразие спектра перечисленных различий. Во-вторых, возможность гибридных сочетаний выделенных различий. Например, отсталость национальных регионов описывали, рельефно подчеркивая феодальную классовую структуру, патриархальность быта, неграмотность или культурную отсталость женщин и т.д. В-третьих, вертикальное измерение, т.е. фиксация глубины культурных различий с помощью оценочной разметки уровней культуры — «ниже/выше». Скажем, пролетарии выступают по отношению к крестьянам как носители более высокой культуры. Женщины отличаются особой культурной дремучестью, поскольку в большей степени, чем мужчины, подвержены влиянию религии. Делегаты довоенных съездов довольно часто полемизировали по поводу оценок «уровней культурного развития»¹⁶.

¹⁵ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1939. С. 311.

¹⁶ Так, А.И. Микоян на X съезде РКП(б) выдвинул довольно рискованное утверждение, что «Азербайджан более культурен, чем русские провинции»; на что Сталин возразил: мол, такое можно сказать только о Баку, о городе, «надстроенном сверху усилиями Нобеля, Вишау и других» (Десятый съезд РКП(б). М.: Парт. изд-во, 1933. С. 215).

Когда делегаты съезда высказываются о культуре, мы то и дело перемещаемся из одной системы координат в другую, от одного социального объекта к другому. И только единство культурного взгляда, его рационализирующий схематизм удерживает полученный синтез разнородных объектов. В этом смысле можно сказать, что культурная политика была способом управления разнородными некультурностями.

«Культурная оптика» стала, таким образом, прагматической коррекцией или «уточнением» оптики классовой. За этой коррекцией стоял опыт Гражданской войны, которая не имела четко выраженного фронта и выявила далеко не только классовые расколы внутри общества. В войне принимало участие множество социальных групп, готовых к применению вооруженного насилия друг против друга: крестьянские повстанческие движения, этнические и конфессиональные меньшинства. Вооруженное противостояние и временные альянсы сил формировались вопреки доктринальным установкам партии и далеко не в полном соответствии с классовыми позициями. События вроде Кронштадтского вооруженного восстания (февраль 1921 г.), когда против большевиков выступили рабочие и матросы, показали, что существует потребность в более изощренной политической оптике, чем сугубо классовая.

Но чтобы конвертировать в политику новую «культурную точку зрения», требовалось создать соответствующую сеть органов власти (партии и государства), которые не только управляли бы культурой как пестрой данностью, но и производили новую культурную действительность — однородную и высококультурную жизнь.

Организация партийных и советских учреждений сталкивалась с одной фундаментальной трудностью, характерной для всякой рационализации правительственной деятельности: с одной стороны, необходимостью централизации всех функций руководства, с другой — необходимостью учета специфики социаль-

ных объектов при распределении сфер ответственности между органами управления.

В СССР было найдено причудливое решение этой апории правительственного разума, которое стало своего рода «родимым пятном» или особым советским стилем управления. Дилемма централизации и учета специфики решалась с помощью разграничения *руководящих функций партии и управленческих функций государственного аппарата*. Поскольку различие между руководством и управлением было не очевидным, возник дуализм партийных и государственных аппаратов, дублирующих друг друга, а также напряжение, которое проявлялось в непрерывных попытках пересмотра баланса между ними.

В докладе Е. Преображенского на X съезде РКП(б) (1921) мы находим принцип разграничения функций органов партии и государства. Столь ясных формулировок не было ни на одном последующем съезде партии, хотя эта проблема оставалась ключевой для советской системы. Не менее важно, что принцип был сформулирован при обсуждении именно культурной политики партии. Речь шла об организации Главполитпросвета — *государственного* органа, управляющего культурой¹⁷.

Необходимость государственной пропаганды коммунизма среди населения, говорит Преображенский, возникла сразу после Октябрьской революции. Но всю пропагандистскую работу партия была вынуждена вести без специального органа пропаганды — это было делом всех членов партии. Этот период строительства, когда пропагандистская работа совпадала со строительством советского аппарата, он называет «кустарническим». На следующем этапе, говорит докладчик, «мы видим, как постепенно отпочковывается... аппарат по пропаганде коммунизма». Однако складывается он одновременно внутри ряда отдельных государственных

¹⁷ Десятый съезд РКП(б). С. 143–153.

ных учреждений (комиссариатов). Так, сначала разветвленный аппарат пропаганды в деревне был создан Комиссариатом внутренних дел. Затем в рамках Военного комиссариата в 1919 г. была сформирована сеть органов пропаганды — ПУРов (ПУР — Политическое управление в армии, распущенное только в 1991 г.), а затем наблюдалось появление похожих аппаратов в остальных комиссариатах, а также в профсоюзных и молодежных организациях. В Комиссариате народного просвещения (Наркомпросе) также появился особый орган — Внешкольный отдел, преобразованный в 1920 г. в Главполитпросвет.

Теперь, говорит Преображенский, этот «организационный разброд» необходимо прекратить. Нужно сконцентрировать работу внутри единого аппарата, чтобы «вести эту пропаганду централизованно и систематически по принципу массового производства». Кстати, первая же попытка концентрации пропаганды приводит к созданию пресловутого партийно-государственного параллелизма. Сначала в августе 1920 г. при ЦК партии организуется Отдел пропаганды и агитации с двумя соответствующими подразделениями: подотделом пропаганды, отвечающим за школы (разработка школьных программ), и подотделом агитации, организующим агитационные кампании для взрослого населения («недели», «месячники» и проч.). Несколько месяцев спустя, в ноябре 1920 г., организуется уже государственная структура — Главполитпросвет — «двойник» партийного Отдела пропаганды и агитации.

Задачей Главполитпросвета было «разгрузить» партию от той части агитационно-пропагандистской работы, которая могла быть, как выражается Преображенский, «огосударствлена» или «механизирована». Но вот здесь-то дилемма, которую мы упомянули выше, сплетается в гордиев узел. Делегаты были согласны, что централизация агитпропа нужна, но они настаивали на сохранении диверсификации, учиты-

I. Идеология культуры

вающей специфику социальных групп и классов, с которыми велась пропагандистская работа (молодежь, крестьяне, рабочие, солдаты, школьники, студенты). Больше всех на автономии ведомственных органов пропаганды настаивали военные, профсоюзы и союз молодежи.

Вместе с тем учет специфики (т.е. ведомственная диверсификация) угрожал распылением кадровых и материальных сил¹⁸. А.В. Луначарский настаивал на проведении водораздела между организациями по возрастному принципу. Он считал, что регулярная работа по просвещению и пропаганде должна быть направлена на тех, кто может стать человеком новой формации, т.е. на детей. И эту функцию должен выполнять Наркомпрос, организующий школьную работу. Именно Наркомпрос «производит самый важный ингредиент» — нового человека, — и такая задача превращает его «в коренной экономический комиссариат». При этом нет особой нужды в столь же систематической работе со взрослым населением — оно останется носителем следов отсталости прежней формации, но есть нужда в периодических и разовых агитационных кампаниях, воздействующих на «взрослое население». За работу с этим контингентом должен отвечать Главполитпросвет.

Однако подход Луначарского подтачивал уже сложившийся институциональный дизайн. Другие делегаты нашли не меньшие основания выделить в особую группу армейский контингент, молодых рабочих, детей нерусских народностей и т.д. И все эти аргументы так или иначе указывали на многослойность той картографии, которую конституировала культурная точка зрения.

Если Луначарский выступал в пользу концентрации всей политико-просветительской работы в руках государства, то старый большевик Е. Ярославский считал,

¹⁸ Десятый съезд РКП(б). С. 174.

что политико-просветительская работа — это исключительное дело партии. Он рисовал картину с элементами ведомственного абсурда, когда «Главсоль занимается тем, что чуть ли не создает свой театральный отдел, Наркомпрод создает свой театральный отдел и пытается вести политико-просветительскую работу»¹⁹.

Все участники дискуссии исходили из одной неоспоримой предпосылки — монополия на культуру и производство культурных смыслов принадлежит исключительно партии. Вместе с тем дискуссия играла в пользу сохранения «ведомственной специфики». Требовался компромисс. И самым адекватным принципом разграничения партийной и государственной ответственности был признан принцип, предложенный Преображенским: партия передает государственным органам культурную работу только тогда, когда она может быть «механизирована» и организована по принципу «массового производства».

Партии должна принадлежать организационная работа (распределение партийных сил, а также идейное и теоретическое руководство) — это ее «абсолютная область»²⁰. Эта область не может быть «национализирована». Поскольку абсолютной областью Главполитпросвета является то, что поддается серийному и массовому производству, постольку постепенный процесс передачи новых функций является процессом «коммунизирования государственного аппарата» или «показателем того, насколько далеко мы шагнули как пролетарское государство, насколько мы далеко шагнули в части превращения коммунистической партии в функции государственного аппарата»²¹.

Таким образом, культурная политика обретала свою абсолютную цель и финальную точку: полную конвергенцию коммунистической партии с государством, а

¹⁹ Там же. С. 166.

²⁰ Там же. С. 145.

²¹ Там же. С. 149.

I. Идеология культуры

также триумф культуры как сферы, достигшей предельной механизации и неразличимости культурных объектов. Это, конечно, противоречило тезису Ленина о параллелизме прогресса культуры и отмирания государства. Но эта теоретическая несуразность осталась незамеченной. Партия считала проблему решенной.

Несмотря на интеллигибельную ясность предложенного Преображенским принципа, в институциональных практиках гетерогенность учреждений так и не была преодолена. В каждом государственном органе, в профсоюзах, в молодежном союзе и проч. остались органы, ответственные за культурно-просветительскую работу.

Чуть более 30 лет спустя, на XX съезде КПСС, происходит один едва заметный сдвиг, приведший к существенным изменениям в архитектуре партийно-государственных органов управления культурой. В докладе Н.С. Хрущева, а также в ряде выступлений идеология и пропаганда упоминаются в негативном контексте, в то время как культура — в контексте исключительно позитивном. В Отчетном докладе ЦК КПСС Хрущев говорит: «Кто думает, что коммунизм может быть построен только на одной пропаганде, без повседневной практической борьбы за увеличение производства, за повышение благосостояния трудящихся, тот скатывается на путь талмудизма и начетничества»²². Фраза воспроизводится не раз в выступлениях делегатов все с тем же набором крепких слов, характеризующих неудовлетворительный уровень идеологической работы и ее отрыв от практических задач: «талмудизм», «начетничество», «аллилуйщина».

В этом сдвиге примечательны два обстоятельства. Первое, столь резкое разделение идеологии и культуры позволило выделить культуру в особый комплекс

²² XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С. 113.

проблем, отличных от идеологических. Синонимия культуры с пропагандой и агитацией оказывается в прошлом. Это было то самое дискурсивное событие, которое облегчило безболезненное аппаратное размежевание, — оно способствовало, с одной стороны, закреплению политико-идеологических функций за партией, с другой — «механизации» или «огосударствлению» функций «массового производства» за специально создаваемым Министерством культуры СССР.

Однако отделение культуры от идеологии не помогло преодолеть гетерогенность объектов культурной политики. К ведению культуры относились развитие школы, системы высшего образования, науки, воспитание национальных кадров в союзных и автономных республиках, организация досуга для разных категорий населения и проч. Их, правда, можно было довольно легко перераспределять между разными ведомствами. Вопрос теперь сводился к тому, следует ли все эти сферы объединить в рамках одного мегаминистерства, или же организовать ряд специализированных министерств²³.

Подводя итоги, можно сказать, что учреждение Министерства культуры СССР было актом эмансипации культуры от идеологии. Однако освободившись от идеологии и пропаганды, культура попала в зависимость от механизированного администрирования государства и обрела характеристики массовой культуры.

© Хестанов Р., 2013

²³ Так, созданное в 1953 г. грандиозное по охвату Министерство культуры не раз подвергалось разукрупнению: в 1954 г. отпочковалось Министерство высшего образования, в 1959 г. — Государственный комитет по профессионально-техническому образованию, а потом в 1960–1974 гг., когда главой министерства была Е.А. Фурцева, последовала серия новых разукрупнений. Зеркальным образом происходили реорганизации внутри партийных аппаратов.

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ТРАДИЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В одной из своих ранних книг американская исследовательница Шейла Фицпатрик характеризовала большевиков 1917 г. как «революционное правительство, миссия которого состояла в том, чтобы обеспечить просвещение народа»¹. И в самом деле, работа по культурному преобразованию, начатая буквально в первые же дни после Октябрьского переворота, свидетельствовала о том, что новая власть не просто рассматривала подобные задачи как политически первостепенные, но и видела в их решении свою историческую миссию. Радикальная интеллигенция, оказавшаяся в авангарде русской революции, была порождением культуры европейского Просвещения и в своем противостоянии царизму опиралась на эту традицию. После того как этап революционного разрушения и культурно-политического хаоса закончился, именно последовательная реализация принципов Просвещения стала главным принципом культурной политики.

В литературе позднейшего времени основное внимание уделялось радикальным высказываниям и экспериментам леворадикальных художников и писателей, но отнюдь не они определяли приоритеты проводившейся большевистской властью культурной политики (в широком смысле слова). Разумеется, в период Гражданской войны главная забота новой власти состояла в том, чтобы обеспечить свое политиче-

¹ *Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917 — 1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 1.*

ское выживание, но как только боевые действия стали стихать, большевистская пресса начала выдвигать на первый план именно культурные задачи, без решения которых невозможно было успешно завершить ни экономические, ни социальные преобразования. Показательно, что активная дискуссия по этим вопросам велась не только столичной партийной интеллигенцией, но даже еще более — в провинциальных городах, где вопросы «культурной отсталости масс» стояли совершенно практически. На фоне военных и политических побед революции, пишет в 1921 г. новгородский журнал «Просвещение и культура», приходится констатировать «мизерные итоги побед на культурном фронте», которые становятся крупным препятствием к успешной борьбе на хозяйственном фронте. В связи с окончанием Гражданской войны настало время «развить генеральное наступление на фронте просвещения»².

Речь идет далеко не только о школьном образовании. Столичный журнал «Работник просвещения» в том же 1921 г. подчеркивал, что первоочередной задачей новой власти становится «воспитание взрослого населения страны»³. В том же духе рассуждал и руководитель Народного комиссариата просвещения А.В. Луначарский, в ведении которого оказались одновременно школьное и университетское образование, развитие академической науки и поощрение искусств.

В позднейшей советской литературе довольно часто упоминались высказывания Ленина, посвященные необходимости культурной политики. Однако показательно, что цитаты, которые обычно приводятся, относятся к работам 1922–1923 гг. Дискуссия о культуре в партии началась значительно раньше, и в поздних своих статьях Ленин не только высказывал собствен-

² Просвещение и культура. 1921. № 7–8. С. 3.

³ См.: Работник просвещения. 1921. № 2–3. См. также: Просвещение и культура. 1921. № 7–8. С. 10.

ное мнение, но обобщал, развивал точку зрения, уже пользовавшуюся широкой поддержкой в партии.

«В то время как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным, — писал В.И. Ленин в 1923 г. — Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях “пролетарской культуры”. Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть сколько-нибудь культурного уровня»⁴.

В связи с этим лидер советской республики предлагал сократить расходы любых ведомств, чтобы увеличить бюджет Народного комиссариата просвещения и «не скаречничать с увеличением выдачи хлеба учителям»⁵. Однако речь, разумеется, шла не только о распространении грамотности. Целью было не развитие «образования» в узком, техническом смысле слова, а именно Просвещение в широком, этико-философском понимании данного термина. Причем, говоря о «буржуазной культуре» как о чем-то, к чему надо стремиться и чего надо достигнуть, Ленин отнюдь не имел в виду отказ от специфически революционного характера проводимой политики, от ее социального (классового) содержания. «Речь должна идти о той по-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1965–1975. С. 363–364.

⁵ Там же. С. 364.

лузиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас»⁶.

Иными словами, для освоения передовой буржуазной культуры в специфических условиях России потребовалась именно пролетарская революция. Общественно-политическая система, существовавшая в империи Романовых, не была, конечно, принципиально враждебна народному просвещению в той мере, как считали представители радикальной интеллигенции, но она и не имела внутреннего механизма, формировавшего запрос на ширококомасштабные усилия по распространению в массах современной европейской культуры, к которой принадлежало «образованное общество». Консервативная экономика, воспроизводившая еще более консервативный социальный порядок, была способна обеспечивать рост промышленного производства в период, когда спрос на российское зерно создавал благоприятную конъюнктуру на мировом рынке, но этот рост лишь порождал новые противоречия, как социальные, так и культурные, тем самым готовя и приближая революцию.

Радикальные преобразования социальных и экономических структур оказались необходимыми для того, чтобы решить задачи, которые были провозглашены, но не реализованы на практике в дореволюционной России. Неспособность старого режима

⁶ Там же. С. 364–365.

I. Идеология культуры

справиться с задачами развития, став вровень с европейскими державами, принимаемыми самой же отечественной элитой за образец, связана была не только с характером политической власти, консервативной, опиравшейся на традиционные структуры, сохранявшей до известной степени сословный характер, но и с самой природой периферийного капитализма, сложившегося в России. Просвещение масс, накладываясь на социальные и культурные противоречия такого общества, создавало реальную угрозу для элит, поскольку усиливало потребность в повышении вертикальной мобильности, накладывалось на требование перераспределения власти, собственности и влияния в стране.

Слом старой социальной системы, появление нового государства и резкое изменение господствующей идеологии на культурном уровне запустили совершенно новую динамику, породили новые приоритеты. Правительство, созданное революционной интеллигенцией, опиравшейся на рабочий класс и значительную часть крестьянства, не могло не сделать массовое просвещение одним из своих принципов и проводить его в жизнь с настойчивостью и последовательностью, немислимыми для консервативного режима, опирающегося на традиционную иерархию и ценности.

Революция, уничтожив старые элиты, напротив, создала острейшую потребность в массовом просвещении для того, чтобы новая власть, добившаяся успеха благодаря опоре на социальные низы, смогла обеспечить себя новыми кадрами, а поддержавшим ее массам дать новые жизненные шансы и возможности карьерного роста. Одновременно ускоренное развитие экономики и форсированная индустриализация создавали потребность в новой рабочей силе, не только грамотной (литературно и технически), но и приобщенной к городской культуре. Процесс этот не мог развиваться стихийно, поскольку темпы его были

чрезвычайно высоки. Распространяя просвещение, новая власть стремилась одновременно обеспечить себе лояльность приобретаемых к культуре масс. Именно поэтому культурные задачи советской власти представлялись ее сторонникам задачами политическими, и наоборот, политические задачи воспринимались в значительной мере как культурные. Распространение знаний среди масс является способом преобразить их сознание: занимаясь «широкими культуртрегерскими задачами», надо создавать «мощный аппарат политического просвещения»⁷. С одной стороны, на протяжении всего советского периода сохранялся сформулированный еще в 1920-е годы принцип, что «просвещение по своим задачам не может быть аполитичным»⁸, но, с другой стороны, авторы первых послереволюционных лет настаивали на том, что для коммунистов «политическая организация, по существу своему, является организацией *воспитательной*»⁹.

В такой ситуации необходима осознанная и последовательная политика, направленная на преодоление возникающих культурных разрывов, которые в противном случае сами могут стать источниками социальных, политических и даже технических проблем. Другое дело, что при подобном понимании культурной политики она рано или поздно становилась заложницей экономической стратегии. Об этом с удивительной откровенностью говорили уже авторы начала 1920-х годов. Так, в программной статье, опубликованной журналом «Просвещение и культура», его ведущий идеолог Л. Пипер пишет, что после революции решение культурных задач должно быть связано с общей хозяйственной стратегией. «Просветительская политика переходного периода должна быть и будет прямым олицетворением тех зигзагов, которые про-

⁷ Просвещение и культура. 1921. № 7–8. С. 5.

⁸ Политпросветработник. 1928. № 3 (8). С. 38.

⁹ Просвещение и культура. 1921. № 3–4. С. 7.

I. Идеология культуры

дельвает переходная экономическая политика»¹⁰. Другие авторы шли еще дальше, подчеркивая, что «Наркомпрос есть экономический комиссариат, производящий духовные ценности»¹¹. Таким образом, фиксируя необходимость культурного переворота для решения задач экономического развития и модернизации, большевистская интеллигенция саму культуру начинала трактовать в экономических и технических категориях.

Политика просвещения обеспечивала поддержку для новой власти со стороны массовой низовой интеллигенции, включая национальные меньшинства и группы, идеологически не разделявшие или не в полной мере разделявшие социально-политические установки большевиков. К тому же для интеллигенции эта традиция была своего рода «мостиком», механизмом обеспечения на ценностном уровне преемственности между старым и новым миром, гарантией востребованности накопленного опыта, знаний и статусов. «Народное образование было исконной страстью интеллигенции всех национальностей. Большевистская диктатура поставила образование на самую массовую основу, тем самым перетянув на свою сторону множество рядовых меньшевиков, эсеров и просто земских интеллигентов. Грамотность обеспечивала сильную пропаганду (“Рабы — не мы!”) и одновременно производство кадров для невиданного модернизационного рывка»¹².

Реальное положение дел после революции и Гражданской войны оказалось не только не лучше, чем до 1917 г., но даже значительно хуже. Один из представителей старой интеллигенции сетовал на страницах

¹⁰ Просвещение и культура. 1921. № 7–8. С. 6.

¹¹ Просвещение и культура. 1921. № 5–6. С. 6.

¹² *Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир. Наброски на макро-социологические темы. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. С. 130.

провинциального советского журнала, что отставание России от Запада остается катастрофическим, «глубокая пропасть между нашим невежеством и их образованностью углубляется и расширяется с каждым днем»¹³. На протяжении последующего десятилетия, несмотря на значительные усилия государства, ситуация оставалась весьма драматичной. В 1929 г. на территории Российской Федерации все еще имелось 18 миллионов неграмотного взрослого населения, а в национальных республиках и автономиях дело обстояло куда хуже¹⁴.

В итоге культурный перелом совпал с переломом экономическим и политическим. Именно рубеж 1920–1930-х годов, сопровождавшийся резким переходом от авторитарного к тоталитарному политическому режиму, насильственной коллективизацией крестьянства и форсированной индустриализацией, оказался и моментом окончательного искоренения неграмотности. Репрессивно-принудительный механизм сталинского порядка обеспечил повсеместное внедрение новых культурных норм, поскольку без них система просто не могла двигаться дальше. Это тоталитарное «принуждение к культуре» не могло не отразиться на самом содержании процесса, его идеологии и ценностях. Если в первые послереволюционные годы распространение просвещения и культурный прогресс масс имели для авторов самостоятельную ценность, хотя и увязывались с общими задачами революционных преобразований и хозяйственного развития, то во второй половине 1920-х годов все более акцентируется именно связь между культурными достижениями общества и формированием социалистической промышленности.

Однако эта связь является далеко не такой односторонней и прямолинейной, как может показаться

¹³ Просвещение и культура. 1921. № 7–8. С. 27.

¹⁴ См.: Просвещение и жизнь. 1929. № 12. С. 54.

1. Идеология культуры

на первый взгляд, особенно с точки зрения публицистической «критики тоталитаризма». Напротив, сравнивая советские концепции политики просвещения, господствовавшие в конце 1920-х и начале 1930-х годов, с идеями, которые провозглашаются либеральными реформаторами образования в наше время, невозможно не заметить, что прежние представления были не только значительно более широкими, но и куда более гуманистическими. В отличие от деятелей сегодняшнего Министерства образования и науки, подчеркивающих ориентацию на решение конкретных рыночных задач с помощью распространения среди молодежи специфических «компетенций» и «навыков» (слово «знание» в 2011–2012 гг. исчезло из лексикона отечественных чиновников), авторы советского периода подчеркивали значение комплексной культурной политики, направленной на развитие личности. Если все сведется к подготовке работников для производства, то не будут решены ни специфические индустриальные задачи, ни более общие — социально-политические.

Надо, писал казанский журнал «Просвещение и жизнь» в 1929 г., «не только научить неграмотного рабочего и крестьянина навыкам в чтении, письме, счете, но нужна борьба за поднятие культурного и политического уровня трудящихся до высоты, обеспечивающей наиболее успешный ход социалистического строительства»¹⁵. За этими идеологическими формулировками, вызывающими неизбежную иронию читателя, принадлежащего к более поздней эпохе, скрывается целый комплекс культурных мероприятий. Речь идет о преодолении производственной неграмотности рабочих, которые должны освоить общие принципы и научные основания современной промышленности, об агрономическом просвещении среди крестьянства, о том, чтобы выработать у населения привычку к чте-

¹⁵ Просвещение и жизнь. 1929. № 12. С. 54.

нию и обеспечить «широкое продвижение книги и периодических изданий среди трудящихся»¹⁶.

Индустриализация должна не только резко увеличить количество заводов и фабрик, но и «качественно изменить процессы человеческого труда»¹⁷. Причем задача не сводится к формированию массы квалифицированных работников, способных понимать техническую документацию или даже обладающих общими знаниями, навыками и бытовой культурой, необходимыми для успешного развития индустриального урбанизированного общества. Некоторые авторы ставят задачи куда более масштабные, по сути, философские. Задача культурной революции, читаем мы на страницах того же журнала, состоит «в преодолении разобщения науки от труда», в вовлечении в научное творчество «всей массы трудящихся»¹⁸. Правда, практические меры по реализации этого радикально-утопического принципа предлагаются порой довольно скромные и неожиданные: изучение краеведения привьет массам вкус к исследованию истории, а через альпинизм можно приобщиться к наблюдению природы. В то же время авторы советских изданий, говоря о проблемах культуры, без колебаний используют военную и техническую терминологию. Они пишут про «культурную мобилизацию»¹⁹ и даже про «мероприятия по переделке человеческой массы»²⁰.

Точно так же, как сама советская система эволюционировала, смещая акценты государственной идеологии и политики от эмансипации трудящихся к формированию условий для развития индустриального общества, понимание просвещения становилось все

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Просвещение и жизнь. 1929. № 10–11. С. 12.

¹⁸ Просвещение и жизнь. 1929. № 2. С. 57.

¹⁹ Просвещение и жизнь. 1929. № 10–11. С. 12.

²⁰ Просвещение и жизнь. 1929. № 2. С. 52.

I. Идеология культуры

более узким, прагматическим, проникаясь тем же духом военно-промышленной мобилизации, который торжествовал во всем обществе. Однако и эта модернизационная политика с ее жесткой и авторитарной бюрократической системой, овладевшей революционной инициативой масс, которая теперь была направлена на достаточно ограниченные (но реально достижимые) цели, не могла обойтись без ставки на идеологию и ценности Просвещения. Пусть и понимаемые в гораздо более узком смысле, пусть и лишенные своего демократического и эмансипационного содержания, эти принципы продолжали служить ориентирами для принятия решений в сфере культуры, науки, в качестве идеалов, по которым переделывались быт и повседневное поведение людей. Несмотря на то что советское общество неоднократно и радикально менялось, несмотря на то что политическая система ленинского революционного авторитаризма существенно отличалась от сталинского модернизационного тоталитаризма или от посттоталитарных моделей времен Хрущева и Брежнева, установка на ценности Просвещения оставалась неизменной основой культурной политики.

Таким образом, если Советский Союз когда-либо и был обществом, пытавшимся реализовать утопию на практике, то эта практическая утопия была не коммунистической (поскольку коммунизм был именно теоретической утопией, отодвинутой в будущее), но скорее жизненным воплощением западноевропейской просветительской утопии XVIII в.

На первый взгляд, здесь можно усмотреть некоторое противоречие, поскольку советский строй, начиная с 1918 г., был основан на авторитарной политике, тогда как ценности Просвещения принято считать важнейшей идейной основой европейской демократии. При более внимательном рассмотрении, однако, обнаруживается, что все обстоит несколько сложнее. С одной стороны, советский строй, изменявшийся на протяже-

нии собственной истории, не только открыл беспрецедентные возможности для социальной мобильности низов, но и создал условия, при которых их интересы и мнения так или иначе влияли на политику власти, нуждавшейся в массовой опоре и не имевшей возможности опереться на традиционные механизмы обеспечения лояльности (религиозно-патриархальные, общинные и т.д.). В этом смысле советская эпоха была, несомненно, временем широкомасштабной демократизации, несмотря на происходившие в это же время массовые репрессии, запреты и притеснения, которые, в свою очередь, осуществлялись при активном участии «низов» (включая общественные группы, которые на других этапах сами становились жертвами репрессий и притеснений). С другой стороны, в самой идеологии Просвещения есть авторитарный компонент, который и был очень последовательно и систематично реализован в советской практике.

Идея «просвещенного абсолютизма», выдвинутая идеологами XVIII столетия, была отнюдь не случайностью, уступкой цензуре или данью прагматическим расчетам (попыткой получить поддержку власть имущих для реализации своей программы). На самом деле образование и просвещение с необходимостью предполагают некоторую авторитарность не только в плане того, что утверждают приоритет Истины, которая не может быть оспорена (недопустима, например, дискуссия об аксиомах евклидовой геометрии или преподавание альтернативной истории, отрицающей общепринятые факты). Не менее важен сам принцип Авторитета, без которого передача знаний от просвещенного меньшинства к еще пока не просвещенному большинству просто невозможна.

«Просвещенный абсолютизм» был логичной и закономерной частью концепции, поскольку должен был поставить традиционную легитимность и авторитет на службу прогрессу и рациональности. Однако на практике власть, опиравшаяся на традиционные и

консервативные структуры, не была заинтересована в резких и быстрых переменах (кроме тех случаев, когда, как в Германии времен Бисмарка, «революция сверху» осознавалась в качестве единственно возможной стратегии спасения от «революции снизу»). Большевики вслед за якобинцами пошли по иному, более логичному пути, опираясь на новую легитимность власти, порожденную массовым участием народа в революции. Но в свою очередь власть, независимо от стихийных настроений и потребностей масс, проводила последовательную политику, направленную на преодоление стихийности, на рационализацию, внедрение планового начала.

Многие советские институты на практике были воплощением этой утопии — более или менее удачным, но в первую очередь это относится к системе образования, которая стала именно «идеальной» — не в смысле отсутствия недостатков, а в платоновском смысле, как система, воплотившая все принципиальные характеристики и принципы образования «вообще», как его понимала европейская мысль со времен Декарта.

Советский Союз создал модель, обеспечившую массовое тиражирование элитарного образования, и этот опыт позднее с большим или меньшим успехом перенимали другие страны. В результате даже то, что считалось недостатком или специфической особенностью советской модели, на самом деле являлось как раз воплощением общего просветительского принципа. Прежде всего это относится к идеологической нагруженности образовательного процесса. На самом деле любой образовательный процесс нагружен идеологически, но обычно идеология скрыта и растворяется в общем потоке передачи знаний, тогда как в СССР идеологическое образование было открытым, рационально сконструированным и выделенным в самостоятельные дисциплины, что позволяло при желании учащемуся отстраниться от него и давало возможности для формирования навыков критического

и оппозиционного мышления в гораздо большей степени, чем модели скрытой идеологической обработки, типичные для традиционных обществ или западных демократий. Проблема, однако, состояла в том, что навыки критической оценки идеологического дискурса, которые приобретал советский человек, тоже были ориентированы на одну-единственную (не доминировавшую, а именно единственную публичную) идеологию марксизма-ленинизма, которая бытовала в СССР. Это сделало советского человека беспомощным по отношению к другим формам идеологического воздействия. В свою очередь, последовавшее за распадом Союза и реставрацией капитализма наступление на «советские» принципы культурно-образовательной политики обернулось неизбежно наступлением на фундаментальные принципы рационализма и Просвещения и на базовые ценности европейской цивилизации, крайним практическим воплощением которых и был СССР.

II. Политика культуры

ИРИНА ГЛУЩЕНКО

СОЛДАТ КАК ЧИТАТЕЛЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В 1920 г.¹

В 1920 г. Просветительный отдел Политического управления Реввоенсовета (ПУР) провел одно весьма любопытное исследование. ПУР захотел узнать, что читают красноармейцы. Материалы этого исследования хранятся в фонде № 2130 РГАЛИ: «Собрание анкет по изучению читательских интересов красноармейцев». Архив состоит из инструкции Просветительного отдела по проведению опроса (он называется «опыт»); заметок библиотекарей и инструкторов о проведении опроса, самих анкет, датированных 1920 г., таблиц со статистическими подсчетами анкетных сведений и итогового документа в виде брошюры «Массовый читатель и книга», изданной в 1925 г., где обобщаются и анализируются результаты опроса. Официальные документы представляют собой машинописные копии, записки библиотекарей — листки, заполненные чернилами, анкеты красноармейцев — большие листы пергамента, на которых они часто пишут простым или цветным карандашом, что иногда затрудняет чтение.

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

Еще идет Гражданская война. Однако в некоторых районах военных действий уже нет, а части не сформированы. По приказу Л.Д. Троцкого возникают так называемые трудовые армии. Они участвуют в восстановлении народного хозяйства: «К вопросу о применении армии для трудовых задач, который получил у нас огромное принципиальное значение, мы подошли эмпирическим путем, отнюдь не на основании теоретических соображений. На некоторых окраинах Советской России обстановка сложилась так, что значительные военные силы оставались на неопределенный срок свободными от боевого применения. Перебросить их на другие, активные фронты, особенно зимой, было трудно вследствие расстройств железнодорожного транспорта»², — писал Троцкий.

Библиотечное отделение Агитпропотдела ПУРа собиралось, во-первых, изучить читательские интересы красноармейских масс периода Гражданской войны, а во-вторых, проверить качественную ценность литературы, которая имела в то время в библиотеках или отправлена была в части³.

Организаторы опроса опирались на работу, проделанную в 1891 г. Комитетом грамотности, который впервые предпринял попытку изучения читательских интересов широких масс. Комитет грамотности тогда составил анкетные листы и разослал их учителям, сельским священникам, библиотекарям. Исследователи пытались выяснить условия жизни местного населения: чем занимаются, работают ли на фабриках, ходят ли в отхожий промысел и т.д., кто читает книги из библиотеки, не берут ли, кроме данной библиотеки, еще у кого-нибудь для чтения

² Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 168.

³ Массовый читатель и книга / под ред. Н.А. Рыбникова. М.: Гос. воен. изд-во, 1925. С. 3.

II. Политика культуры

книги, собираются ли крестьяне и ученики слушать читающих⁴.

В 1920 г. объектом исследования стала Красная Армия. Но поскольку речь идет об армии мобилизационной, причем к концу Гражданской войны пополнявшейся призывниками со всех концов России, именно изучение читательских интересов солдат давало возможность получить информацию о положении дел в стране в целом. Это прекрасно сознавали сами организаторы опроса. Исследователи не просто хотели узнать, что читают солдаты, но и видели в своих респондентах представителей народа, которые высказывают свое мнение о литературе: «Наконец, историко-литературное значение этой работы заключается в том, что впервые массовый читатель дал оценку писателям и хочет предъявить свои запросы и нужды.

С идеологической стороны эта работа представляет большой интерес в том отношении, что характеризует интересы читательских масс в годы гражданской войны, сознательно и твердо ставших на защиту завоеваний Октября»⁵.

Исследование проводилось при участии «буржуазных специалистов», в частности, к разработке анкетного материала привлечен был профессор Н.А. Рыбников⁶.

«Инструкция Просветительного отдела Политического управления Революционного военного совета о проведении опроса среди красноармейцев о прочитанных книгах» заслуживает того, чтобы ее привести полностью.

1. Опросу должны подлежать, по возможности, все красноармейские части. Если это почему-либо неисполнимо, то какого-то отбора делать отнюдь не следует.

⁴ Массовый читатель и книга. С. 30.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 14.

2. По распоряжению Военкома или культурно-просветительной комиссии руководитель опыта (библиотекарь, инструктор и т.д.), собравши всех красноармейцев части, должны предварительно объяснить им цель опыта, что никаких последствий для участников опыта он иметь не будет, что ответы будут анонимны и поэтому должны быть даны совершенно свободно.
3. Раздавши участникам опыта письменные принадлежности, руководитель опыта последовательно пишет на доске или диктует вопросы, опрашивая участников опыта, для всех ли ясен и понятен вопрос анкеты. В своих объяснениях руководитель не должен внушать участникам опыта определенных ответов на вопросы анкеты.
4. Каждый следующий вопрос анкеты пишется руководителем опыта (или диктуется) лишь после того, как все участники опыта успевают сделать ответ на предыдущий вопрос, причем самый вопрос участники не пишут, а пишут лишь ответ, отмечая цифру вопроса.
5. Ввиду добровольного участия в опыте, некоторые вопросы могут быть оставлены без ответа. В таких случаях участники против соответствующей цифры вопроса ставят черту. Так же поступают и те, кто не сможет справиться с тем или иным вопросом. Пусть не будет совсем вопроса, вместо того, чтобы давать фактически несоответствующий действительности ответ.
6. Каждый красноармеец должен давать не только вполне правдивые, но и вполне самостоятельные ответы, без помощи товарищей, соседей. Вот почему всякого рода разговоры во время опыта должны быть запрещены.
7. Опрос должен быть произведен в части одновременно, чтобы разговоры ранее участвующих не могли внушить другим определенного ответа.
8. Руководитель должен собрать и послать обязательно все полученные ответы, хотя бы они ему и казались малоценными.
9. К ответам руководитель должен подложить краткое описание того, как протекал опыт, были ли

II. Политика культуры

выполнены при его постановке все вышеуказанные условия, как отнеслись красноармейцы к самой постановке и т.д.⁷

Эта инструкция свидетельствует о высоком уровне подготовки организаторов опроса, которые опирались на методический материал, накопленный российской и зарубежной социологией того времени. Опрос проводился в очень больших масштабах, о которых порой не могут мечтать даже современные социологические службы.

Авторы опроса отмечали, что они опирались на различные методы изучения читателя. Среди них «анкетный метод, биографический метод, метод естественного эксперимента, метод чистого эксперимента, метод тестов, метод анализа письменных изложений, метод переписки — эпистолярный, объективный метод — реакция на чтение вслух, метод групповых показаний, метод библиотечно-статистический, метод художественно-интуитивный»⁸.

Кроме этого, разработана инструкция, объясняющая библиотекарям, проводящим опрос, как себя вести во время опыта, на что специально обращать внимание:

1. Опрос красноармейцев производится в каждой отдельной части (роте и равной ей) одновременно для всего ее состава, чтобы избежать внушающего влияния уже ответивших на подвергавшихся опросу.

2. Красноармейцы, по мере возможности, размещаются так, чтобы они не могли заглядывать друг к другу или разговаривать между собою.

...Руководитель опытов обращается к красноармейцам со следующими словами: «Я вам, товарищи, предложу сейчас несколько вопросов, на которые вам надо будет написать ответы. Вы каждый во-

⁷ РГАЛИ. Ф. 2130. Собрание анкет по изучению читательских интересов красноармейцев. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

⁸ Массовый читатель и книга. С. 16–17.

прос внимательно и спокойно выслушаете, хорошенько обдумаете, а потом искренно и откровенно напишете ответ⁹.

<...>

5. Ни в коем случае не следует торопить красноармейцев, а наоборот, терпеливо ждать пока все окончат.

6. Также не следует ограничивать красноармейцев бумагой, а снабжать каждого по мере возможности.

<...>

8. Во время опыта, кроме руководителя, присутствует также протоколист, ведущий подробно записи:

1) о времени начала и конца опыта, а еще лучше каждого вопроса и ответа;

2) об условиях размещения красноармейцев;

3) о поведении руководителя (голос, дикция, внятность речи, терпеливость);

4) о состоянии поведения красноармейцев (степень усталости, рассеянности, спокойствия, интереса и т.д.);

5) о всяких нарушениях опыта (внешнее вмешательство, разговоры, шум, смех и т.д.);

6) о всех существенных происшествиях перед производством анкеты (праздник, лекция, беседа, поход и т.д.), в особенности имеющих то или иное отношение к содержанию анкеты¹⁰.

При проведении опроса учитываются и такие тонкости, как степень усталости людей и их состояние. При этом, как пишут библиотекари, «отношение к опыту было сочувственное и даже любознательное»¹¹.

Библиотекарям также предлагалось заполнить свою анкету, и все выполнили это поручение. Библиотекари, проводившие опрос, отмечают в своих записках

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2130. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 31.

II. Политика культуры

сложности, которые возникли при проведении опроса: красноармейцы и хотели бы читать, да нет освещения¹²; хотели бы ответить на анкету, да не хватает карандашей; хотели бы написать, но неграмотны¹³. Кто-то и сам иногда делает ошибки, кто-то пишет образцовым старорежимным стилем: «Препровождая при сем анкеты о читательских интересах красноармейцев сообщаю, что заполнение таковых согласно приказа Р.В.С.Р. № 58 проходило успешно»¹⁴.

Многие отчитываются о культурно-просветительной работе в части: «В библиотеках ведется культурно-просветительная работа: организована литературная секция, которая в первую очередь приступит к разбору произведений русских классиков»¹⁵. «Устраивались (лекции) на темы общеобразовательные: “Что такое наука и зачем она нам нужна?”, “Значение просвещения”. В клубе читались лекции по истории искусства, заинтересовали красноармейцев, они стали просить книги по этому вопросу»¹⁶.

Затем приводится сама анкета, обращенная к красноармейцам и состоящая из 15 вопросов:

1. Сколько Вам лет.
2. В какой части служите, какую должность занимаете.
3. Где учились. Сколько времени.
4. Чем занимались до военной службы.
5. Любите ли читать. Самому читать, слушать.
6. Что особенно любите читать:
 - а) приключения и путешествия
 - б) о сельском хозяйстве

¹² РГАЛИ. Ф. 2130. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1.

¹³ Там же. Ед. хр. 4. Л. 31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 6.

- в) о ремеслах
- г) о здоровье, о болезни
- д) о том, как справедливо жить
- е) о любви
- ж) о том, как люди на белом свете живут
- з) исторические книги
- и) политические
- к) военные рассказы.

7. Нравятся ли короткие или длинные рассказы. Почему.

8. Что больше нравится читать: сказку или правду.

9. Из прочитанных книг, какая больше всего нравится. Почему.

10. Читаете ли газеты. Какие. Какие статьи особенно нравятся.

11. Какие из читанных Вами писателей больше всего нравятся и чем именно.

12. Читаете ли Вы на военной службе больше или меньше, чем раньше.

13. Дало ли Вам чтение что-либо полезное для жизни. Что именно.

14. Изменило ли чтение Ваши политические взгляды и как.

15. Состоите ли Вы членом какого-нибудь кружка, партии¹⁷.

Архив сохранил 11 200 анкет.

Я прочитала 75 анкет, заполненных красноармейцами караульной роты при Иваново-Вознесенском огне-складе¹⁸.

В ответах довольно много просторечных выражений («ндравица», «антиресно»), молодые люди пишут с ошибками («лублу», «читат», «слушат»). В лексическом отношении неожиданно употребление слова «землепашец» вместо «крестьянин».

Приведем полностью самую первую анкету.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 1. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 21. Л. 1.

II. Политика культуры

№ 1

1. 21.
2. При Иваново-Вознесенском огнескладе.
3. 2 года сельской школы.
4. Работал на фабрике рабочим.
5. Любит читать сам.
6. О приключениях.
7. Короткие.
8. Правду. Но ее нету.
9. —
10. Люблю читать о мире.
11. Вообще классики пишут все очень хорошо.
12. Меньше. Раньше читал больше.
13. Мало пишут правду, потому не дало.
14. Нисколько.
15. Не считаю нужным¹⁹.

Кому-то нравятся длинные рассказы, кто-то хочет узнать, как живут другие народы, одни изучают сводки военных действий с фронтов, другие любят читать о природе и о лодках, третьи — об «удобрении земли и об уходе скота»²⁰. «Что попадет, то и читаю», — отвечает 26-летний красноармеец, проходивший три года в сельскую школу²¹; «Читать не люблю, а слушать люблю», — признается его ровесник, обучавшийся «две зимы» в церковно-приходской школе²². Двадцативосьмилетний красноармеец, проучившийся четыре класса в городской школе, любит читать о справедливости²³, а 20-летний «землепашец», ходивший в сельскую школу целых «пять зим», хочет читать «о демобилизации и мире»²⁴.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2130. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 10.

²² Там же. Л. 11.

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ Там же. Л. 18.

Каков уровень образования красноармейцев? Чаще всего попадаетея ответ: три года сельской школы. Некоторые пишут: «Нигде не учился», кто-то называет себя «самоучка». Кто-то ходил в земскую школу, кто-то — в церковно-приходскую, некоторые закончили четыре класса городской школы, а один человек посещал городское начальное училище.

Численно преобладают крестьяне. Уровень их образования существенно ниже, чем у фабричных, самая большая группа — три года сельской школы. Но и среди рабочих уровень образования весьма невысок. В среднем речь идет о трех-пяти классах школьного обучения.

В ситуации, когда базовая грамотность уже достигнута, но системных научных знаний о мире почти нет, чтение книг становится важным источником, помогающим молодым людям сформировать общие представления об устройстве природы и общества: «Я избавился от гнета религии», «Я научился отличать правду от лжи и в жизни руководствоваться первой», «...дало в особенности в области познания и в отношении развития речи», «Большинство моих знаний почерпнуты из книг, следовательно, чтение дало мне пользу в смысле жизнеспособности», «Чтение изменило мои политические воззрения, оно поставило их на правильные пути научно и сознательно относиться к окружающей меня действительности», «...дало возможность делиться знаниями с другими, а без чтения чувствуешь невозможность дать другим то, что можно бы было»²⁵, «...дало развитие ума, лучшее изложение своих мыслей, а также и ответы на интересующие меня вопросы, а также что такое звезды, луна, земля и т.д.»²⁶, «Чтение принесло несомненную пользу в отношении моего мировоззрения: из идеалиста я стал материалист», «Оно научило меня понимать смысл

²⁵ Массовый читатель и книга. С. 54–55.

²⁶ Там же. С. 56.

II. Политика культуры

окружающей жизни, познакомило с жизнью людей всех времен, а это дает возможность заглянуть и вперед — составить некоторую картину будущего»²⁷.

К религиозным знаниям и соответствующим моральным представлениям организаторы опроса относятся не просто негативно, но именно как к пережитку старого режима. Соответствующим образом воспринимается ими и литература, которую читают бойцы. Довоенные занятия явно влияют на читательские интересы. Чем более урбанизирован образ жизни, тем меньше интерес к сельскохозяйственной литературе. «Крестьяне — ремесленники — рабочие — интеллигенты — в этом пункте очень ярко выразился отход от земли»²⁸.

Выявлена «теснейшая зависимость между социальным положением, профессией и читательскими интересами. Агрономическая литература, по преимуществу, указывается крестьянами... Книги о ремеслах и технике по преимуществу интересуют ремесленников»²⁹.

Профессия влияет и на отношение к художественной литературе: «Очень интересное распределение ответов по профессиям по отношению к романам. На первом месте стоят торговые служащие, потом интеллигенты, на третьем конторские служащие, на четвертом рабочие, потом идут ремесленники и, наконец, крестьяне, которые обнаруживают наименьший интерес и к другой близкой к романам группе — приключениям. Зато они занимают одно из первых мест по числу ответов, в которых упоминаются книги этического и религиозного характера. На первом месте здесь стоят интеллигенты, затем идут крестьяне, за ними ремесленники»³⁰.

²⁷ Массовый читатель и книга. С. 57.

²⁸ Там же. С. 37–39.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Там же.

Что касается книг политического содержания, то на первом месте — рабочие, потом интеллигенты и служащие, ремесленники и, наконец, крестьяне³¹.

И здесь отмечается различие крестьянского и рабочего менталитета: крестьяне обнаруживают сравнительно небольшой интерес к беллетристике, к описанию приключений.

Об этом писали и дореволюционные исследователи: «Крестьянин, говорит Анненский («Народ и книга», изд. Столяр, 1914, М.), менее впечатлителен и менее падок на сильные ощущения, чем рабочий. Он не прочь выслушать занимательный рассказ, но как бы ни была сложна и занимательна фабула рассказа, она не захватывает деревенского слушателя так сильно, как рабочего, и остается для него развлечением, забавой. Серьезно он начинает относиться к книжке только тогда, когда находит в ней что-либо полезное: поучение, указание, как жить.

...Толстой чаще всего называется этой категорией читателей за «свою поучительность». Наоборот, рабочими Толстой указывается, как писавший «правду» о народе и т.д.»³².

Рабочие сами осознают свое отличие от крестьян: «...фабричный далек от природы, в его руках покоренные, регламентированные, так сказать, силы природы... фабричный сам господин машины»³³.

Исследование 1920 г. подтвердило тенденцию, замеченную еще дореволюционными авторами: «Рабочий поучений не выносит, он выдвигает на первое место художественную правду»³⁴.

Интерес к религиозным книгам падает по мере повышения образования. Что касается интереса к тех-

³¹ Там же.

³² Там же. С. 42.

³³ Там же. С. 43.

³⁴ Там же. С. 44.

II. Политика культуры

нике, то «число ответов увеличивается с повышением уровня образованности отвечающих»³⁵, — пишут авторы брошюры.

С ответом на девятый вопрос — о любимой книге — справились не все. Кто-то написал «про Стеньку Разина», кто-то — «революция во Франции». В анкетах, которые я прочитала, попались «Железная пята», «Бова Королевич» и «Конек-горбунок».

В итоговом документе выясняется, что на 1-е место поднялся роман «Робинзон Крузо», на 2-м — «Война и мир». «Тысяча и одна ночь» занимает 7-е место, на 17-м — «Сказка о рыбаке и рыбке», вслед за ней идет «Яма» Куприна, дальше на одном уровне стоят «Пещера Лейхтвейса» и «Евгений Онегин». По одному голосу получили: «Урания», «Бедная Лиза», «Потерянный рай», «Вестник иностранной литературы», «Курс политической экономии», «Энциклопедический словарь»³⁶.

В просмотренных мною анкетах в ответе на 11-й вопрос (о любимом писателе) выразилось полное единодушие — с огромным отрывом лидирует Лев Толстой. Затем идут Горький, Пушкин, Кольцов, Некрасов, Тургенев.

Авторы брошюры насчитали 28 любимых писателей: первая пятерка практически совпадает с моими наблюдениями. Толстой явный лидер, на 11-м месте Маркс, на 13-м — Ленин, на 22-м — Бухарин, на 24-м — Шелер-Михайлов, на последнем — Рубакин³⁷.

Однако по одному — только по одному разу! — из всех 11 тысяч красноармейцы назвали таких авторов, как Загоскин, Мопассан, Зубрилин, Энгельс, Шекспир, Аверченко, Бебель, Карамзин, Боккаччо, Верхарн, Гете, Герцен, Гейне, Байрон, Жорж Санд, Руссо, Бальмонт, Спенсер, Диккенс³⁸.

³⁵ Массовый читатель и книга. С. 50.

³⁶ Там же. С. 79.

³⁷ Там же. С. 63–64.

³⁸ Там же.

Исследование показало также, как влияет профессия на выбор любимого автора. Хотя Толстой — очевидный лидер, его популярность снижается по мере роста образования и уровня приобщенности к городской культуре: крестьяне — ремесленники — рабочие — торговые служащие — интеллигенция. Что касается других авторов, то их рейтинг, говоря современным языком, тоже серьезно меняется в зависимости от социального статуса читателя: Чехова больше всего читают торговые и канцелярские служащие, Достоевского — интеллигенция, Маркса и Ленина — рабочие, Библию — крестьяне, Бухарина — ремесленники, Дюма — торговые служащие³⁹.

Отдельной темой является чтение газет. Многие бойцы не любят читать газеты и даже прямо заявляют, что газеты «обманывают, обещают, врут все, а ничего нет»⁴⁰.

Среди тех, кто газеты читает, предпочтения распределяются следующим образом:

- 1) «Беднота»;
- 2) «Известия»;
- 3) «Правда»;
- 4) «Коммунистический труд».

Такое распределение очень четко отражает социальный состав армии. На первом месте газета, ориентированная на сельского читателя, на втором — издание для самых широких слоев общества. Партийная и профсоюзная газеты занимают два последних места. «Общий итог таков, что к газете стремление есть, но ее трудно получить и большая категория отвечающих пишет, что “люблю слушать, потому что когда сам читаю — понимаю плохо”»⁴¹.

Мы видим, что армейское политическое руководство стремилось получить реальные сведения о культурных

³⁹ Там же. С. 65–66.

⁴⁰ Там же. С. 58–59.

⁴¹ Там же.

II. Политика культуры

потребностях и интересах масс. Таким образом, выстраиваемая культурная политика представляет собой не односторонний процесс насаждения определенных норм, идей и представлений, а попытку найти некий баланс между продвигаемыми сверху правилами и ценностями, с одной стороны, и стихийно формирующимися снизу потребностями — с другой.

В чем принципиальное отличие этого исследования от предыдущих?

Читательскими предпочтениями простого народа интересовались и до революции, однако «...работы по изучению читателя из народа проделывались пионерами в этой области, которым приходилось нащупывать самостоятельно методы, которые лишь в последнее время начинают привлекать внимание научных работников. Кроме того, самый объект исследования — читатель из трудовой среды — *был малодоступен, особенно для массовых опытов*»⁴².

У советской власти оказался в руках важный инструмент — политические структуры, которыми были организованы огромные массы людей. То, что до революции было волонтерской деятельностью прогрессивных интеллигентов, теперь становится государственной политикой, обеспеченной организационными возможностями власти.

Опрос проводится в армии именно потому, что здесь сконцентрированы и собраны в одном месте большие группы людей, которых легко проконтролировать. Кроме того, опрос беспрецедентно репрезентативен, поскольку армейские подразделения в масштабах страны являются идеальной стихийной выборкой, о которой может только мечтать социолог.

Опрос показывает также, как армия трансформирует деревенское население, составляющее основной костяк солдатской массы. О том, что призывная армия является не только военным, но и культурным инсти-

⁴² Массовый читатель и книга. С. 32.

тутом, много писали социологи XX в., но члены Реввоенсовета понимали это и без науки. Армия — это культурная машина, которая из деревенских парней воспитывает граждан нового общества.

Использование армии в качестве инструмента культурной политики не является изобретением советской власти, точно так же, как и сами принципы просветительской пропаганды. Работа, проводившаяся среди красноармейцев, с одной стороны, представляет собой продолжение деятельности Комитета грамотности, которая велась еще до революции, а с другой — придает этой деятельности не только беспрецедентные масштабы, но и меняет ее идеологические ориентиры.

Усилия государства и потребности масс не находились в противоречии, хотя не всегда совпадали. Так, общая установка на распространение культуры чтения среди красноармейцев явно поддержана участниками опроса. Но далеко не всегда литература, которую читают или хотят читать бойцы, соответствует тому, в чем заинтересованы работники системы политпросвета.

Это исследование позволяет более подробно и детально представить себе масштабы задач, которые ставились в рамках формирующейся советской культурной политики на самом раннем ее этапе, а также уровень осознания проблем теми людьми, которые принимали решения. В своих действиях они ориентировались не только на заранее сформулированные идеологические или культурные нормы, но и на изучение эмпирического материала и практический опыт, накопленный в ходе просветительской работы русской интеллигенции конца XIX — начала XX века.

Последующая история показывает, что подобный подход был эффективным и уже к 1930-м годам в России удалось сформировать новую читательскую массу, которая была способна потреблять стремительно растущие тиражи книжных, газетных и журнальных изданий. Таким образом, пропагандистские задачи

II. Политика культуры

новой власти решались в тесной связи с культурными и решались — для того времени — успешно.

Один из красноармейцев в анкете объясняет, за что любит Чехова: «...за его тонкое проникновение в душу самого обыкновенного человека, за его какое-то мягкое, немного грустное изображение этой серенькой, такой, обычно, хмурой жизни, а главное, за его добрую веру в то, что все-таки, несмотря на несовершенства этой жизни — будет когда-нибудь красивая, светлая жизнь»⁴³. Эти слова, пожалуй, мог бы сказать не только сам Чехов, но и кто-нибудь из его персонажей.

© Глущенко И., 2013

⁴³ Массовый читатель и книга. С. 73.

ИГОРЬ ОРЛОВ

«БОЙЦЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА»: ПОДГОТОВКА ГИДОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ В СССР

С момента зарождения международного туризма гиды-переводчики, даже без учета страновой специфики, всегда были и остаются кадровым костяком любой фирмы, специализирующейся на обслуживании иностранных гостей. Это относится и к туристским ведомствам Советского Союза, представлявшего собой, по определению П. Кенеза, специфическую форму «пропагандистского государства». Показательно, что в пик массовых репрессий 1937 г. в недрах «Интуриста» высказывались опасения, что наименование «гидами» людей, призванных вести непосредственную работу с иностранными гостями, умаляет в глазах последних значение этой категории работников¹. В общем, перефразируя поэта, можно сказать, что гид в Советской России был больше, нежели просто гид. Он был «бойцом идеологического фронта». Поэтому система подготовки гидов-переводчиков в СССР имела не только институциональное и профессиональное, но и идеологическое измерение.

Институциональные основания

До Второй мировой войны подготовка советских гидов осуществлялась силами двух ведомств — Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) и

¹ ГА РФ. Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). 1929–1991 гг. Оп. 2. Д. 41. Л. 65.

II. Политика культуры

«Интуриста». Если § 2 Устава «Интуриста» 1929 г. предоставлял ему *право* «подготавливать необходимый персонал для обслуживания интуристов», то новый Устав 1933 г. уже *обязывал* Общество готовить собственные кадры «в вузах, техникумах и фабзавучах» и предусматривал организацию соответствующих учебных заведений и курсов². Однако на практике в основу кадровой политики была положена курсовая система, в которую были вовлечены помимо самих туристских ведомств партийные и комсомольские органы, профсоюзы и даже Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).

Правда, первые планы создания курсов остались на бумаге: не получилось набрать слушателей в 1928–1929 учебном году, не состоялись специальные курсы в Москве и Ленинграде в конце 1929 г., не удалось воплотить в жизнь идею подготовки гидов-лекторов для обслуживания специализированных групп иностранных туристов³.

Из-за скудости числа гидов-переводчиков (70 человек на весь Советский Союз к 1930 г.)⁴, в этом году в Москве, Ленинграде и Тифлисе были организованы специальные коммунистические и комсомольские курсы подготовки гидов. В следующем году «Интурист» открыл уже собственные трехгодичные курсы гидов в Москве и Ленинграде с обучением не только языкам, но и основам политэкономии и экономической географии. Одновременно в 1930–1936 гг. под эгидой ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС функционировали курсы ОПТЭ.

Ведомственные документы позволяют увидеть, что в начале 1930-х годов большая часть гидов-переводчиков знали только французский и немецкий языки, в то время как не менее 90% туристов говори-

² ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Д. 5. Л. 2 об.; Д. 15. Л. 3.

³ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 31–30, 19–18, 10–3.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 9, 11.

ли на английском. Кроме того, многие гиды обнаруживали элементарное незнание географии и истории родной страны — и это на фоне расширения с 1930 г. перечня функций гидов в связи с обслуживанием членов научных конгрессов и конференций⁵. Так как курсы не справлялись с подготовкой квалифицированных гидов, в 1932 г. по инициативе руководства «Интуриста» были созданы экскурсионно-переводческие отделения в Московском институте новых языков (ЭПО МИНЯ) и Институте лингвистики в Ленинграде⁶, а в 1934–1938 гг. в Ленинграде подготовкой гидов занимался Институт иностранного туризма⁷.

В этот период были заложены основы высшего туристского образования. В частности, в МИНЯ были разработаны программы и учебные планы по ряду специальных предметов, а также служебная инструкция с текстами презентации тех или иных объектов показа⁸. В свою очередь, обучение в Институте иностранного туризма предусматривало лекции, работу в кабинетах, музеях и на спецсеминарах, а также обязательную производственную практику⁹.

Но опыт ведомственной высшей школы оказался невостребованным до создания в 1989 г. Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Партийное руководство ведомством на практике сводилось к директивам о повышении уровня подготовки кадров, тогда как нужды отрасли требовали не директивных указаний, а продуманной, многоуровневой системы подготовки специалистов.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–7.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–31 об.; РГАЭ. Ф. 413. Министерство внешней торговли СССР. Оп. 13. Д. 277. Л. 15.

⁷ После закрытия вуза решением Политбюро ЦК ВКП(б) студенты были переданы 1-му Ленинградскому институту иностранных языков.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 12. Л. 31 об.; Оп. 2. Д. 8. Л. 58.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3; Д. 46. Л. 1.

II. Политика культуры

Незначительные объемы туристских потоков ограничили образовательную стратегию «Интуриста» (в 1958 г. к нему прибавились Бюро международного молодежного туризма «Спутник» и Отдел по международному туризму Центрального туристско-экскурсионного управления (ЦТЭУ) ВЦСПС) восстановлением и развитием системы курсов разного уровня.

«Локомотивом» в системе подготовки гидов-переводчиков во второй половине XX столетия оставался «Интурист», в структуре которого еще в 1957 г. были созданы трехмесячные Постоянно действующие курсы по подготовке и повышению квалификации работников ведомства (в том числе гидов-переводчиков). Если в 1959 г. подготовка более 400 гидов велась всего в трех городах (Москве, Ленинграде и Киеве), а в 1960 г. свыше 900 слушателей готовили в 14 городах страны, то в 1970 г. курсовую подготовку 1600 гидов проходили уже в 30 городах¹⁰.

Кроме того, «Интурист», находившийся в ведомственном подчинении Министерства внешней торговли (МВТ) СССР, был включен в систему подготовки кадров министерства. Однако Постоянно действующие курсы по изучению иностранных языков при МВТ в конце 1950-х — начале 1960-х годов неохотно выполняли заявки «Интуриста». Наконец, в 1963 г. после долгих согласований при Правлении «Интуриста» было создано Отделение инокурсов МВТ для изучения переводчиками вторых и третьих иностранных языков. Программы предусматривали обучение в течение 3–5 лет, что было сопоставимо с получением второго высшего образования¹¹.

В 1964 г., когда число иностранных туристов, посетивших СССР, превысило отметку 1 млн человек, «Интурист» был выведен из системы МВТ СССР и

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 456. Л. 12, 35, 93–94; Оп. 3. Д. 552. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 315. Л. 17–19.

стал составной частью созданного Управления по иностранному туризму при Совмине СССР¹². В системе Управления в 1966 г. появились Высшие курсы, на которые была возложена задача переподготовки гидов-переводчиков, а с 1974 г. — и подготовки новых кадров¹³. В этом же 1966 г. Управление по интуризму открыло собственные Курсы иностранных языков, которые в 1980 г. функционировали в 25 городах страны¹⁴.

В связи с тем что «Интурист» не был включен в категорию учреждений, в которые выпускники распределялись согласно разнарядкам Госплана СССР (например, в министерства обороны и иностранных дел, а также КГБ СССР), в туристское ведомство нередко шли люди, либо уклонившиеся от распределения в другие организации, либо не подходящие для работы в них. Основным источником пополнения кадров переводчиков оставались 1-й Московский государственный институт иностранных языков, Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской и другие вузы столицы. В силу того что политическая подготовка выпускников (не говоря уже о студентах-старшекурсниках) оставалась слабой, они зачислялись

¹² В 1969 г. Управление было преобразовано в Главное управление при Совмине СССР, в структуру которого ВАО «Интурист» вошел на правах коммерческого управления. В 1983 г. Главное управление было реорганизовано в Государственный комитет СССР по иностранному туризму, в свою очередь упраздненный в 1989 г. при очередной реорганизации правительства. Образованный в 1991 г. Совет по иностранному туризму при Кабинете Министров СССР не успел приступить к своим обязанностям из-за событий августа 1991 г.

¹³ На базе курсов в 1975 г. был создан Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов Главинтуриста, в 1990 г. преобразованный в Высшую школу туризма и гостиничного сервиса Госкоминтуриста СССР.

¹⁴ *Дворниченко В.В.* Развитие туризма в СССР (1917–1983 гг.): учеб. пособие. М.: Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС им. Н.М. Шверника, 1985. С. 65.

II. Политика культуры

на постоянную или временную работу только после прохождения ими специальной подготовки на дневных или вечерних курсах гидов-переводчиков.

Система подготовки кадров «Интуриста» окончательно сложилась к концу 1960-х годов. И уже в 1970 г. Главинтуристом был поднят вопрос о необходимости отраслевого Института туризма¹⁵. Спустя четыре года Совет по туризму при Главинтуристе принял решение об образовании в 1980 г. Института международного туризма для подготовки и переподготовки «кадров высшей квалификации для туристской индустрии страны». Помимо этого предполагалось открыть в языковых вузах Москвы и Ленинграда две новые специальности: «Организация и экономика иностранного туризма» и «Информационно-пропагандистская работа с иностранными туристами»¹⁶. Но все эти предложения остались благими намерениями.

Что касается профсоюзного туризма, то после реорганизации в 1969 г. ЦТЭУ в составе Центрального совета по туризму¹⁷, наряду с отделами иностранного туризма республиканских советов ВЦСПС, было образовано Бюро путешествий и экскурсий для иностранных туристов. Руководящие работники, специалисты ведомства (включая гидов-переводчиков) готовились в Высшей школе профсоюзного движения им. Н.М. Шверника (Ленинград), Высшей профсоюзной школе культуры им. Н.К. Крупской (Москва) и на созданных в 1969 г. в подмосковной Сходне Центральных туристских курсах (позднее — Институт повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций).

«Спутник» строил свою систему подготовки гидов-переводчиков с учетом опыта «Интуриста». Так, в

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 552. Л. 24.

¹⁶ Там же. Д. 837. Л. 9–10.

¹⁷ С мая 1969 г. — Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС.

1960 г. на Московской базе «Спутника» были организованы учеба и стажировки переводчиков. Здесь же начали проводиться инструктивные семинары с гидами по 16-часовой программе. С 1974 г. Бюро международного молодежного туризма (БММТ) организовало 10-дневные семинары в Высшей комсомольской школе, а также в зональных и республиканских комсомольских школах. Самодостаточность курсовой системы определялась тем, что основную массу гидов-переводчиков, привлекаемых ведомством для обслуживания иностранцев (в том числе в международных молодежных лагерях), составляли преподаватели и студенты старших курсов педагогических и языковых вузов и школьные учителя языкового профиля. Помощь в деле подготовки гидов ежегодно оказывали Высшие курсы по иностранному туризму Главинтуриста. В 1974 г. руководство «Спутника» и ЦК ВЛКСМ вышли с предложениями в Министерство высшего образования СССР включить вопросы методики экскурсионной и информационно-пропагандистской работы в учебные планы студентов 4-х и 5-х курсов филологических и языковых факультетов¹⁸. Но эти предложения в то время не нашли поддержки сверху.

Отсутствие специализированных высших учебных заведений в сфере иностранного туризма делало систему подготовки кадров нестабильной, зависимой от внешних условий — сложностей межведомственного согласования кадровой политики, давления партийных постановлений и аппаратных решений.

Идеологический формат

Как уже отмечалось, специфика подготовки кадров иностранного туризма и прежде всего гидов-переводчиков определялась тем, что каждый работник «Интуриста» и других ведомств, занимавшихся приемом иностранных гостей, рассматривался как

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 837. Л. 62–63.

II. Политика культуры

«идеологический боец». Иностранному туризму расценивался руководством страны как один из участков политической работы, где требовалось умение дать отпор носителям капиталистической идеологии. По определению руководителя ВОКСа А.Я. Арсеева, гиды-переводчики играли «роль заградительных отрядов, которые идут впереди колонны»¹⁹. Отсюда пристальное внимание к идеологической составляющей подготовки гидов. К примеру, в 1932 г. специальная комиссия Наркомата просвещения и Правления «Интуриста» по проверке ЭПО МИНЯ отметила, что программы по пятилетнему плану, истории партии и искусствоведению были составлены «в духе меньшевистского оппортунизма и буржуазного формализма». Комиссия выступила против преподавания общественно-экономических и политических дисциплин на иностранных языках, так как это вело к «искажению марксистско-ленинских установок» и исключало партийный контроль преподавания «со стороны идеологической выдержанности»²⁰. В этом же году Президиум Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) и Коллегия Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР в совместном постановлении «О работе Государственного акционерного общества "Интурист"», отметив недостаточную работу по подготовке гидов, потребовали «обеспечить правильное, идеологически-выдержанное объяснение объектов показа»²¹. В общем, партийность, политическая благонадежность и идеологическая правдивость были поставлены над общекультурным и профессиональным уровнем переводчиков.

¹⁹ Цит. по: Куликова Г.Б. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4. С. 57.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 8. Л. 85–87.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б). Оп. 120. Д. 82. Л. 161–162.

Во второй половине XX столетия, в условиях «холодной войны», ситуация с идеологической подготовкой гидов мало изменилась. В частности, принятое в декабре 1961 г. совместное постановление ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, «Интуриста» и Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) нацеливало туристические ведомства на усиление пропагандистской составляющей иностранного туризма. В 1962 г. при горкомах партии были созданы специальные методические советы из представителей горисполкома, горкомов партии и комсомола, профсоюзной организации, экскурсионного бюро, «Интуриста», музеев и других организаций для контроля работы гидов²².

Программа «повышения политической и деловой квалификации основного состава гидов-переводчиков» на 1960 г. отразила очевидный перекося в распределении учебного материала: на политическую подготовку отводилось 206 часов, а на подготовку по специальности — только 156 часов. В программу переподготовки был включен ряд лекций о национально-освободительном движении, а также об экономическом и политическом положении в Индии, Ираке, Афганистане, странах Латинской Америки и некоторых других государствах «третьего мира». Также блок политической подготовки был расширен за счет тем по марксистско-ленинской философии, политической экономии и истории КПСС. Кроме того, программа включала тематический блок «Отдельные вопросы политической подготовки», особенности пропаганды с иностранными туристами и разбор наиболее типичных вопросов, задаваемых иностранцами переводчикам. Отдельно в этом блоке, наряду с актуальной информацией посольств и торгпредств об экономическом и политическом положении ряда стран, рассматривались внешнеторговые и экономические связи

²² ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 517. Л. 57.

II. Политика культуры

СССР с зарубежными государствами. В свою очередь, подготовка по специальности, помимо изучения объектов показа на иностранных языках и освоения языков, включала расширенный блок по вопросам обслуживания иностранных туристов²³.

Общая идеологическая установка, по признанию писателя и переводчика В.М. Бережкова, призвана была обеспечить, чтобы «интуристы под бдительным присмотром гидов видели только процветающее государство, которое им старались продемонстрировать»²⁴.

Постоянные колебания идеологической линии (от сталинизма к десталинизации и опять к ресталинизации) и многочисленность постановлений партийных съездов и пленумов дезориентировали руководство туристских ведомств и перегружали образовательные программы политико-идеологической компонентой в ущерб профессиональной подготовке.

Профессиональный профиль

Ведомственные документы «Интуриста» и «Спутника» позволяют реконструировать иерархию требований к профессионализму гидов. В частности, Правление БММТ «Спутник» ранжировало требования к квалификации гида-переводчика таким образом, что первую позицию занимала политическая грамотность, вторую — организаторские способности и только третью — знание языка.

В свою очередь, анализ ведомственных инструкций «Интуриста» выстраивает следующую специфическую иерархию умений и навыков гида-переводчика: во-первых, преданность «нашему делу» и политическая грамотность; во-вторых, знание иностранных языков и общая культурность; в-третьих, повышенные требования к моральному облику работника.

²³ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 456. Л. 104–111.

²⁴ *Бережков В.* Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1998. С. 194.

Однако помимо традиционных для советской кадровой политики принципов отбора, деятельность гидов-переводчиков имела свою профессиональную специфику. Прежде всего ведомственные документы обращали внимание на необходимость хорошей страноведческой подготовки и владения сравнительным методом изложения информации, умение «не по бытовательно объяснить иностранцам те или иные явления и моменты нашей жизни» и «расположить туристов... к себе, как представителю Советской страны», находчивость и способность «подавить свое внутреннее плохое настроение»²⁵.

Обнаруженный в Российском государственном архиве социально-политической истории Проект профиля подготовки экскурсоводов-переводчиков (1932) демонстрирует широкий спектр вопросов, предназначенных для изучения гидами, включая основные вопросы международной и внутренней политики СССР, характера мирового кризиса капитализма и его последствий, а также «необходимости революционного выхода из него». Программа обучения предусматривала специфический набор знаний и навыков: не только широкий политический кругозор и знакомство с промышленной и сельскохозяйственной статистикой за послереволюционный период, но и обширный круг исторических знаний (истории революционного движения и классовой борьбы, партии и Коминтерна, Октябрьской революции, борьбы рабочего класса с международной и внутренней контрреволюцией и внутрипартийной борьбы). Круг навыков и умений также формировался за счет знания уровня развития социалистической экономики СССР, теории советского хозяйства, экономической географии СССР, вопросов текущей политики и ряда специальных вопросов (например, музееведения и театроведения). Кроме того, в перечень профессиональной подго-

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 1. Л. 4; Оп. 3. Д. 339. Л. 66, 69, 71.

II. Политика культуры

товки входило изучение истории развития туризма в капиталистических странах и СССР, а также современного состояния туристического рынка. Будущий гид-переводчик должен был иметь представление о ценах и условиях обслуживания туристов за границей и в СССР, методах составления конъюнктурных обзоров туристического рынка, разработки маршрутов и калькуляции их цен, о тарифных вопросах, билетном и багажном деле. Предполагалось изучение особенностей работы экскурсоводческих баз и объектов показа, знакомство с вопросами аквизиции заграничных отделений, составлением годовых и квартальных планов «Интуриста», с рекламным и паспортно-визовым делом, вопросами транспортного обеспечения и рекламы, транзитными и валютными операциями. И наконец, гид должен был в совершенстве знать один из иностранных языков и уметь объясняться и читать еще как минимум на одном языке²⁶. Комментарии к столь обширному перечню знаний и умений, как говорится, излишни...

Программа Экскурсионно-методического отдела, составленная для курсов Правления «Интуриста» на 1960 г. (по профилю подготовки гидов-переводчиков), отводила на политическую подготовку, в отличие от вышеуказанной программы повышения квалификации, всего 118 часов против 328 часов, предназначенных на подготовку по специальности. Последняя предусматривала прежде всего обучение самостоятельному ведению экскурсий на иностранном языке. Также в профессиональную подготовку входили лекции о генеральном плане реконструкции Москвы, жилищном строительстве в городе, архитектуре, положении церкви в СССР и т.п. На отработку иностранной терминологии по темам экскурсий выделялось 60 часов. Важной составляющей подготовки были организационные вопросы по обслуживанию иностранных туристов, включая нормы

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 8. Л. 81–82.

поведения переводчиков при работе с туристами, правила этикета в театре и проч.²⁷

Судя по справкам Курсов иностранных языков Главного управления по иностранному туризму при Совмине СССР за 1975–1976 гг., основной упор делался на обучение иностранным языкам работников предприятий и прием экзаменов на процентную надбавку за владение языком, тогда как ускоренное обучение гидов второму языку и технике последовательного перевода были организованы в значительно меньших масштабах.

Система профессиональной учебы гидов-переводчиков «Спутника» в 1970-е годы также предусматривала два вида подготовки: общеполитическую и подготовку по специальности. Первый профиль включал темы о коммунистическом строительстве в СССР, мировом коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движении на современном этапе и борьбе против буржуазной идеологии. Составной частью общеполитической подготовки была тематика о комсомоле и советской молодежи, международном молодежном и студенческом движении. Профессиональная подготовка также предусматривала широкий набор теоретических тем: «Международный туризм и международные туристские связи Советского Союза»; «Международный молодежный туризм как форма интернационального воспитания молодежи и средство для пропаганды советской действительности»; «Основные правила, нормы поведения и содержание работы гидов-переводчиков с иностранными туристами» и т.п. В свою очередь, практические занятия включали такие разделы, как «Методика проведения экскурсий по городу» и «Изучение экскурсионного материала (Москва, Ленинград, Киев)»²⁸.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 456. Л. 96–103.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 5М. Бюро международного молодежного туризма «Спутник». Оп. 1. Д. 579. Л. 14–20.

II. Политика культуры

Одной из основных проблем кадровой политики «Интуриста» на всем протяжении его деятельности оставался недостаток переводчиков с редкими языками (в частности, итальянским, японским, венгерским, финским, португальским, датским, шведским и норвежским), так как языковые вузы готовили их в недостаточном количестве. Привлечение молодых специалистов по заявкам как МВТ (до 1964 г. «Интурист» не имел права самостоятельного отбора), так и Главинтуриста не удовлетворялось Госпланом и Министерством высшего и среднего образования СССР в нужном количестве и особенно по необходимым языкам. Недостающий контингент переводчиков для временной работы в туристский сезон готовился на дневных и вечерних курсах в столице и на местах, но здесь качество обучения оставляло желать лучшего. Весьма высок был и процент слушателей, отчисленных за неуспеваемость.

Можно сделать вывод, что в советской индустрии туризма сложился специфический тип работника, который при наличии довольно широких общих знаний²⁹ не обладал развитым комплексом специальных трудовых навыков и профессиональных умений, необходимых для обслуживания различных категорий зарубежных гостей нашей страны. Следствием этого стали многочисленные претензии к гидам-переводчикам со стороны как иностранцев, так и проверяющих органов, отложившиеся в архивах ведомств.

© Орлов И., 2013

²⁹ Об этом свидетельствует сохранившееся в архивах большое число благожелательных отзывов иностранных туристов о работе гидов-переводчиков.

АННА ГАНЖА

«ЛЕГЕНДАРНОГО
ВРЕМЕНИ КРЕСТНИКИ»:
РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО
УНИВЕРСАЛИЗМА
ИЗ РЕФЛЕКСИИ
КОЛЛЕКТИВНОГО
ПОГРУЖЕНИЯ
В ОБНОВЛЯЮЩУЮ СТИХИЮ
ТЕМПОРАЛЬНОГО¹

Советская «песня о времени» — не просто тематически обособленный жанр. История (советского) как такового может быть прочитана как история нарастания и обострения рефлексии коллективной погруженности в темпоральное. В этой истории можно выделить ряд этапов. Первый этап, послереволюционный, подытожен в «Марше времени» Маяковского из футуристической и карнавальной пьесы «Баня» (1929) — драмы «с цирком и фейерверком». Здесь звучат призывы — «скорей стереть старье», «шагать быстрее», «на пятилетке сэкономить год», «налечь на непрерывный ход», «бить сильнее — пусть вымрет быт-урод» — под знаменитый рефрен: «Вперед, время! Время, вперед!» Несмотря на кажущуюся революционность, жест тотального отрицания старого посредством радикального ускорения времени — это жест вполне буржуазный и эстетский: машина инженера Чудакова в конечном счете решает задачу *упразднения*

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

II. Политика культуры

времени, к тому же не для всех, а только для избранных. Эти избранные становятся в буквальном смысле *потребителями* времени: уплачивая дорогую цену за каждый день проживаемого в трудах и заботах настоящего, счастливики получают тайм-бонус в 100 лет для *потребления*, т.е. *уничтожения*, которых им не придется потратить ни единой секунды. Подобная арифметика имеет смысл только при условии конечности совокупного ресурса времени: коммунизм — это конечное время, данное сразу во всей своей полноте, т.е. бесконечно ускоренное. Очевидно, однако, что полнота бесконечно стертого и бесконечно сэкономленного времени — это полнота небытия. Коммунизм как результат бесконечного ускорения времени ничем не отличается от абстрактного буржуазного идеала, в котором время — единственное препятствие на пути неограниченного потребления, — напротив, бесконечно замедлено. Так или иначе, этот глубоко буржуазный в своей основе футуристический императив — бесконечно ускорить время, чтобы рано или поздно бесконечно замедлить его — в массовой песне первых революционных десятилетий реализован не был.

Следующий период, окончание которого можно очень условно отнести к середине 1960-х годов, характеризуется, во-первых, растущей вариативностью модальностей рефлексивного отношения ко времени и, во-вторых, постепенным обнаружением некоего общего знаменателя всех этих разнообразных модальностей. Так или иначе, осознанное и деятельное переживание времени фиксируется в многочисленных песенных формулах и становится по-настоящему массовым. Футуристический мотив *ускорения времени* сохраняется и даже усиливается, претерпевая, тем не менее, серьезное переосмысление. Уже в песне Исаака Дунаевского на стихи Василия Лебедева-Кумача «Марш веселых ребят» (а это 1934 г.) время понимается как нечто, требующее своего *покорения* наряду с пространством: «Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева

земли!» — покорения методом «шагания по жизни с песней», а вовсе не какого-то ускоренного или усиленного шагания. Песня подчиняет человека своему ритму, дает ему меру и устанавливает предел, превышение которого равносильно утрате контроля над временем. С песней люди погружаются в неукрошенную стихию времени, образуя коллективное звучащее и резонирующее тело, — и время покоряется песне, начиная течь, идти или бежать сообразно ее ритму. Песня представляет собой ту самую соломинку, ухватившись за которую, мы перестаем быть пленниками времени и становимся его господами; такой исход возможен для нас потому, что песня — это образ упорядоченного и упорядочивающего Времени, связывающего начала и концы, возрождающего нас к Правде и сообщающего нам «мужество быть».

За несколько десятилетий формируется своего рода традиция ускорения времени, поэтому такое ускорение уже никак не может сопровождаться тотальным отрицанием «старого» — ведь этим «старым» неизбежно становится то самое «новое», за которое проливали кровь «герои былых времен». Только теперь, когда мы выкуплены из рабства у безвременья кровью павших на полях сражений героев, — кровью, ставшей Песней и Памятью, — только теперь мы можем трезво, осознанно и рефлексивно соотнести себя со временем. Время перестало кружиться «чертовым колесом», оно выпрямлено, заведено и ускорено. Мы можем услышать мерную поступь времени в звуках заводских гудков, школьных звонков и даже просто в тиканье часов. Все, что нас окружает, перестает быть только самим собой и становится образом времени. Но теперь, в отличие от эпохи нэпманского безвременья, время не поработщает нас, не увлекает в свой пьянящий круговорот без нашего согласия, не лишает нас воли, разума и памяти соблазном «вечного настоящего». Чтобы «вовремениться», стать частью общего времени — Большого времени — и удостоиться гордо-

II. Политика культуры

го звания современника, каждый из нас должен приложить серьезное *личное* усилие. Фактически только теперь, в эпоху советской зрелой классики, становятся актуальными строки Маяковского: «Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем. Это было с бойцами, или страной, или в сердце было в моем». Только теперь время вытягивается в струну, только теперь оно начинает звучать и звать за собой. Задача советского человека — откликнуться на этот призыв.

В рассматриваемый период — примерно до середины 1960-х — появляется множество песен, так или иначе фиксирующих *ход времени*: здесь тематизируется не просто переживание субъективной погруженности в неупорядоченную стихию темпорального, но наличие устойчивого и объективного порядка, которому эта стихия подчинена. Заботы, дела, дружный труд; эталонное «московское время», по которому живет и трудится народ; пути и дороги, которые мы прошли и которые нам еще предстоит пройти; эстафета поколений — все это можно назвать одним словом — «жизнь». Для советского человека, в отличие от нас, сегодняшних, «жизнь» ни в коем случае не является эвфемизмом для обозначения чего-то, выходящего за последние пределы человечности, чего-то несправедливого, уродливого, каких-то не имеющих адекватного выражения в человеческом языке темных страстей и отвратительных проявлений. Жизнь — это исполнение, перформанс Большого времени в коллективном советском теле. Жить — значит «слушать время», слушать буквально, так, как оно явлено в советской песне, и дружно шагать туда, куда оно зовет.

Жизнь — это еще и преодоление смерти. В советской песне «классического» периода жизнь, преодолевающая смерть, — это, во-первых, Память, а во-вторых, Юность или Молодость. Именно обобщенная песенная формула памяти предельно наглядно обнаруживает метафизический образ времени — в той мере,

в какой время является также и Большим временем, конституирующим «советское» как таковое. Это формула различия памяти как *забвения* и памяти как *собрания* и *обретения*. Советская модель памяти строится на отождествлении памяти-забвения с личной памятью, а памяти-обретения — с памятью коллективной, народной. Противоположная советской — назовем ее буржуазной — модель памяти, напротив, отождествляет массовую, социальную, объективированную и овеществленную память с памятью-забвением, а память частную и субъективную — с памятью-обретением.

Критики советской эпохи, усматривающие в «советском» прежде всего ложь, страх и унижение человеческого достоинства, могут быть правы в частности, однако они упускают из виду главное — самоопределение советского человека как *алчущего и жаждущего правды* и находящего эту правду в обновляющей стихии темпорального. Все дело в том, что критики советского воспроизводят в своих рассуждениях принципиально иную, «буржуазную» модель памяти и времени. В рамках этой модели интерсубъективная, объективированная память представлена в форме музея — мертвого хранилища исторических и культурных ценностей.

Музей сам по себе ничего не транслирует: он является всего лишь удобным инструментом государственной идеологии. У буржуазного индивида музей — в широком смысле совокупного культурного продукта человечества, поддерживаемого в состоянии хотя бы минимальной актуальности (в отличие от запасника), — не вызывает доверия: неустраняемая случайность в подборе «артефактов» и в их сочетании служит поводом к подозрению в «манипуляциях» со стороны менеджера музея — государства. Буржуазный индивид отказывается воспринимать музей как целое, — как общую для всех культурную почву, — его интересуют только *отдельные* артефакты, только частности и детали, только то, что *отклоняется*, а следовательно, не

II. Политика культуры

вписывается в навязываемый образ единства. Именно в «авторитарном» конструировании исторического и культурного единства, в пренебрежении к особенному и не охватываемому системой категорий потребитель и усматривает ту самую «стратегию забвения», которая делает музей местом лжи и манипуляции.

Очевидно, что единственным способом пробиться сквозь «тотальность беспамятства» к чему-то в высшей степени специфическому и потому *живому* становится для индивидуалиста-потребителя образ его взаимодействия с собственным прошлым, его персональная память-обретение. Буржуазная личная память устроена наподобие камеры-обскуры: она выхватывает из прошлого — точнее, из резервуара переживаний и эмоций, которые так никогда и не становятся чем-то окончательно прошлым, — некий *момент*, который делается предметом созерцания, имеющего целью полное, детальное воспроизведение и *оживление* всей сцены целиком, включая наблюдающего ее индивида. Буржуазный индивид испытывает непреодолимую потребность ежесекундно проецировать на любую жизненную ситуацию образ *себя самого*, наблюдающего данную ситуацию как заведомо завершенную и обрамленную рамкой окрашенного субъективного отношения картину.

Если советский человек вполне доверяет врожденной, природной памяти и использует ее анестетические свойства для того, чтобы наполнить свою жизнь высшим, универсальным содержанием, то потребитель-индивидуалист развивает свою память так, чтобы она выполняла противоестественную задачу абсолютной, фетишизирующей фиксации на частном, обособленном объекте; результат такой фиксации — *мемориальный фетиш* — индивид потребляет в качестве собственного внутреннего смысла. Несколько огрубляя, можно охарактеризовать принимаемую потребителем на вооружение стратегию взаимодействия с музеем как приписывание музейному артефакту свойств ме-

мориального фетиша. Именно так современный нам российский потребитель взаимодействует с «музеем советского» — он всячески сопротивляется любому осмыслению советского в качестве *единства*, и если и видит какое-то оправдание существованию подобного музея, то таковым оправданием становится возможность трактовки его артефактов исключительно как свидетельств *частной жизни* — как *фетишей*, ускользающих от любого обобщения и любого понятия.

Как и Память, советская Юность имеет две стороны — это, во-первых, юность *уходящая* или *ушедшая*, и, во-вторых, юность *бессмертная*. В советской песне совершенно отсутствует представление о юности как об особом замкнутом мире, пребывание в котором обусловлено возрастом. Есть мир детства, мир школы, есть даже особый студенческий мир, но вот мира юности нет. Школьный мир существует именно потому, что пребывание в нем хоть и конечно, но занимает довольно много времени.

С юностью все иначе. Юность не является чем-то таким, что начинается в один момент времени и заканчивается в другой: «Нет у юности начала, нет у юности конца» («Песня о вечной юности» Яна Френкеля на стихи Марка Лисянского, 1960). Юность — это зов вечности, звучащий в наших сердцах, и мы юны в той мере, в какой откликаемся на этот зов. И наоборот, простое физиологическое ощущение себя молодым и полным энергии вполне совместимо с душевной дряхлостью и изношенностью, «ветхостью». Юность не дается советскому человеку раз и навсегда — однажды услышав зов вечности и откликнувшись на него, мы не можем на этом успокоиться и предоставить все естественному ходу вещей. Мы должны каждый миг предельным личным усилием воссоздавать вот эту некогда установленную нами связь с *бытием по истине*. Вот почему юность одновременно переживается советским человеком и как *уходящая* — поскольку первый опыт соприкосновения с нетленным, самотождествен-

II. Политика культуры

ным бытием остался в прошлом, и как *бессмертная, вечная* — поскольку Правда, верность которой мы доказываем ежедневным подвижническим трудом, не знает ни тени перемены — она вчера, и сегодня, и во веки та же.

Юность *вечно жива* в первую очередь благодаря народному подвигу. Время народного подвига — Великой Революции и Великой Войны — это время, каждая секунда которого насыщена вечностью, время, ставшее неисчерпаемым источником вечной юности для следующих поколений советских людей. По причастности к Большому времени юность ломает пределы, поставленные ей природным ритмом человеческой жизни. Молодость отнюдь не дистанцируется — ни исторически, ни эстетически — от легендарного времени, в котором она черпает свои силы. Именно из-за отсутствия ретроспективной дистанции — из-за того, что юность не просто *помнит* о славных временах героев, но сама облечена в славу и «окутана славой» («Весенняя песня» Анатолия Лепина на стихи Михаила Светлова, 1941) — она, юность, и может шагать вперед стройными рядами маршевых колонн, мчаться весенним потоком и открывать новые просторы.

Романтический ореол советской юности рождается не из «индивидуалистического бунта», не из непосредственного «переживания» мира как вызова и, следовательно, как инструмента персональной идентичности; «чудеса» и «мечты» — это вовсе не бегство в пространство внутренней свободы из тюрьмы реального. Советская романтика — это романтика сбывшейся мечты и «ежедневного чуда» (песня Бориса Фиготина на стихи Леонида Дербенева «Доброе утро», 1960-е годы). Мечта *уже* сбылась — точнее, вечно сбывается — в легендарном времени Подвига, и поэтому наш сегодняшний «новый день» нов не оттого, что мы продолжаем верить в мечту и надеяться на чудо, — в таком случае вечно повторяющееся настоящее не сулило бы нам ничего по-настоящему нового, — а оттого и в той мере, в

какой мы проживаем наш день в измерении свершившегося Чуда — в той мере, в какой этот день актуально, бытийно «полон сил и вдохновенья, <...> светел и чудесен» (песня Анатолия Лепина на стихи Михаила Матусовского «День моей страны», 1961). Чудесен же он потому, что «голоса и звуки песен далеко ему слышны» (Там же). Новый день напоен звучащей, плывущей вдаль и разливающейся вширь поэзией до состояния сущностной, радикальной, резонирующей полноты, в которой зримо и осязаемо наличествует связь времен, голосов, стихов и песен.

Подытоживая сказанное о репрезентации Времени, Памяти и Юности в советской песне «классического» периода, отметим, что стадия окончательной кристаллизации советских музыкально-поэтических смыслов, в том числе и в «песнях о времени», приходится на период «оттепели». Именно в этот период советская песня обретает подлинную всеобщность и цельность, начинает играть роль субстанции советского как такового. Песни о времени — а советская песня всегда так или иначе соотносит себя со временем, «малым» или «большим» — образуют в своей совокупности некую обобщающую трехчастную формулу «советского»: связь времен (настоящее обретает смысл только в памяти о легендарном прошлом) дана как полнота времени (память о прошлом не просто субъективно и эмоционально переживается, но объективно и деятельно исполняется, вершится в настоящем: настоящее — это момент вечности), которая в отношении к будущему обладает качеством абсолютной новизны (неполное, текучее, незавершенное настоящее является ветхим по определению, поскольку его незавершенность требует наступления чего-то иного и нового; полное же время, напротив, является новым в сравнении с любым возможным будущим, поскольку это будущее — не более чем повторение и, возможно, обособление, «приватизация» того, что уже дано в целостности наличной полноты времени).

II. Политика культуры

Отталкиваясь от формулы «советской классики», приступим к характеристике последнего периода эпохи СССР. Этот период, начало которого мы условно датировем серединой 1960-х годов, можно назвать «советской эклектикой» или, к примеру, «советским эллинизмом». Главной чертой периода — в интересующем нас аспекте — становится разложение «классического» темброакустического и песенно-интонационного единства советского мира. Распадается связь времен: все чаще практикуется дистанцирование и рефлексия в отношении советского прошлого, его эстетизация и художественно-риторическое конструирование; память о прошлом перестает непосредственно определять настоящее в его тотальности, оседая в локальных, частным образом обживаемых «местах памяти», каковыми могут выступать и отдельно взятый кинофильм, и отдельно взятая песня — например, «бардовская» песня о Гражданской войне, звучащая в кинофильме.

Прошлое обособляется в виртуальных, имитационных, знаковых формах, к моменту распада СССР окончательно консервируясь в виде хаотичного множества «мемориальных фетишей», играющих роль символических подпорок для индивидуальных актов «потребления прошлого». Утрачивается и *полнота времени*, и *радикальная новизна*: не только прошлое замыкается в обособленных фетишистски-потребительских анклавах, настоящее также обособляется, «приватизируется», укореняется в инертной, ревокативной стихии ветхого, становится непроницаемым для одновременно разрушительных и обновляющих энергий Большого времени — что советский человек с еще пока живой темпоральной чувствительностью безошибочно опознает как «застой». Новое потребительское сознание обуржуазивающегося индивидуалиста усматривает в прошлом — и непременно в более далеком прошлом, чем недавнее советское прошлое, — подлинность, а в будущем — новизну как обретение новой, качествен-

но иной и гораздо более масштабной подлинности. Почувствовавший вкус к *самозабвению* homo soveticus ощущает себя выброшенным за борт истории; его новая программа *темпоральной идентичности* заключается в неограниченном потреблении материальных знаков актуального, модного и современного.

В массовой песне периода эклектики эта тенденция проявляется в постепенном отходе от универсальности поэтического текста и исполнительской интонации. Поэтический текст «классической» советской песни — мы имеем в виду, конечно же, некий «идеальный тип» — универсален в меру своей открытости: он легко дробится на отдельные фразы, представляющие собой готовые формулы — схемы социальной самоидентификации субъекта, пропевающего таким образом некий обобщенный и реализуемый в коллективном опыте социальный смысл, в котором он, субъект, обнаруживает смысл собственного существования. Множество таких вот песенных формул обретает единство и общезначимость в горизонте монотематизма и унивокальности советского песенного мира.

Интонационная универсальность «классического» советского исполнителя — в качестве образцов здесь можно назвать Владимира Трошина или Олега Анофриева периода 1960-х — заключается в предельной *транзитивности* голоса-медиума: любой слушатель легко подхватывает исполняемую таким голосом песню, начинает подпевать ей, а потом снова и снова пропевать ее вслух или про себя; он опознает звучащий голос-медиум в качестве *собственного внутреннего голоса* и, таким образом, инкорпорирует транслируемый исполнителем универсальный смысл. Поэтический текст позднесоветской песни становится все более и более закрытым. Этому в значительной мере способствовало поэтическое возрождение периода «оттепели». Композиторы все чаще пишут песни на «непесенные» стихи известных советских поэтов, в том числе на переводы зарубежной классики; вместе с тем

II. Политика культуры

советские поэты, пишущие песенные тексты, все реже делают скидку на «низкий жанр».

Текст песни обретает самостоятельную ценность, он все чаще рассчитан на эстетизирующее обособление слушателем в качестве самостоятельного поэтического микрокосма и все реже годится для разложения на отдельные смысловые единицы, в свернутом виде содержащие готовую социально-миметическую схему. Советский песенный космос становится все более *политематичным* и *эквивокальным* — он распадается на эксклюзивные поэтически-песенные миры, обживаемые все более частным образом. Мир Роберта Рождественского отличается от мира Николая Добронравова, а оба эти мира, в свою очередь, совершенно не похожи на миры Владимира Высоцкого, Юлия Кима или Булата Окуджавы. Множественности поэтических миров отвечает множественность исполнительских интонаций; при этом общая тенденция заключается в образовании замкнутых «кластеров», объединяющих родственные музыкальные, поэтические и вокально-интонационные феномены.

Частная интонация — ее частный характер проявляется по-разному у тех же Высоцкого и Окуджавы, у Вадима Мулермана и Валерия Ободзинского, у Яака Йоалы и Николая Гнатюка, у Людмилы Зыкиной и Валентины Толкуновой, у Валерия Леонтьева и Аллы Пугачевой, у бардов и солистов ВИА, и т.д., и т.д. — это интонация с *ограниченной транзитивностью*: дело тут не только в том, что далеко не все слушатели опознают голос Высоцкого или Кикабидзе в качестве собственного внутреннего голоса; гораздо важнее то, что условием успешности события «темброакустической идентификации» и присвоения транслируемого голосом социального смысла в данном случае является нарушение социального слуха со стороны субъекта.

Социальная глухота заключается в том, что голос всеобщего, голос общезначимой истины, голос нравственной правды звучит в нас как что-то внешнее и

принудительное, что-то такое, от чего хочется спрятаться, — средством «демпфирования», защиты от призывающей универсальности становится своего рода миметическая сентиментальность: мы находим особое удовольствие в том, чтобы создавать внутри себя некую манящую, щекочущую пустоту, заполняемую разнообразными темброакустическими ощущениями и «эмоциями». Выражаясь метонимически, мы не желаем слышать внутри голос Трошина и поэтому настойчиво упражняемся в мысленной имитации то Высоцкого, то Окуджавы, то Гребенщикова, то — нет предела падению! — Стаса Михайлова. Крайним выражением этой тенденции является практика слушания иностранных исполнителей. Западная индустрия развлечений становится в годы «застоя» внутренней родиной всех тех, кто отрицает «советское» в качестве горизонта персональных жизненных смыслов.

III. Национальная и религиозная политика

ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВ

«ЭТО НЕ АРМИЯ»: НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНО- НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1920–1930-е ГОДЫ)¹

Вождь большевиков В.И. Ленин однажды высказался в том духе, что война представляет собой превосходную «проверку на прочность» учреждений, порядков и мероприятий, созданных и осуществленных в мирное время. В ходе войны, писал Ленин, «все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию “огнем и мечом”». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее². Это высказывание с полным правом может быть применено и к на-

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

² Ленин В.И. «Сожаление и стыд» [1911] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1965–1975. С. 245.

циональной политике большевистской партии в области военного строительства, одним из магистральных направлений которой стало создание национальных воинских частей на окраинах бывшей Российской империи. Уроки строительства этих частей и соединений в Красной Армии в 1920–1930-е годы с учетом особенностей советской национально-культурной политики крайне актуальны и для современной Российской Федерации, национальные проблемы в которой не только не сглаживаются, но и имеют ярко выраженную тенденцию к обострению.

Уже Французская революция и порожденная ею эпоха революционных и наполеоновских войн (1789–1815 гг.) выявили превосходство национальных армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности, над армиями многонациональных империй. Войны XIX в. между европейскими державами только подтвердили эту истину. Настоящим «большим человеком Европы» в этом плане была Австрийская (с 1867 г. — Австро-Венгерская) империя. Так, уже современникам было ясно, что одной из главных причин поражения «королевской императорской армии» Австрийской империи в австро-итало-французской войне 1859 г. был ее многонациональный состав, создававший колоссальные дополнительные проблемы как при подготовке воинских частей, так и при управлении ими в боевой обстановке. Личный состав императорской королевской армии набирался по городам и весям всей этой обширной центрально-европейской империи, в результате чего в армии говорили на десятке языков и множестве различных местных диалектов. К началу XX в. 29% личного состава армии Австро-Венгрии составляли немцы, 18 — венгры, 15 — чехи, 10 — южные славяне (сербы, хорваты, словенцы и боснийцы), 9 — поляки, 8 — русины, по 5 — словаки и румыны и 1% — итальянцы. В то же время офицерский корпус практически полностью состоял из немцев и вен-

III. Национальная и религиозная политика

гров с небольшими вкраплениями хорватов, чехов и поляков³. Это вело к непониманию и розни между командным и рядовым составами, равно как и между отдельными группами солдат, набранных из разных национальных окраин империи. Новобранцев обучали всего лишь несколькими словами по-немецки, вроде «Ruht!» («Вольно»), «Habacht!» («Смирно!»), «Abtreten» («Разойтись!»), и поэтому в случаях, не предусматривавших использования простых команд, приходилось прибегать к услугам переводчиков. Если в полку представители какой-то одной национальности составляли свыше 20% военнослужащих, их язык признавался полковым и его знание на уровне, необходимом для нормального несения службы, требовалось от всех офицеров и унтер-офицеров части⁴. Помимо всего прочего, многочисленные конфликты, рождавшиеся на почве межнациональных отношений, равно как напряженные отношения между различными народами и национальностями в самой империи не лучшим образом сказывались на боевом духе австрийской армии.

Эти пороки многонациональной императорской королевской армии пышным цветом расцвели в годы Первой мировой войны, ярким свидетельством чему служат бессмертные «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» Ярослава Гашека. Макс Вебер, выступая в июне 1918 г. в Вене с лекцией о социализме перед австрийскими офицерами, особо отметил те титанические усилия, которые предпринимал немецкоязычный офицерский корпус Австро-Венгерской империи для поддержания боеспособности вверенных ему частей и подразделений. Говоря о взаимоотношениях между офицерским корпусом, унтер-офицерским корпусом и рядовым составом в современной армии, Вебер отметил, что эта пробле-

³ Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М.: КоЛибри, 2011. С. 237.

⁴ Указ. соч.

ма наиболее остро стоит в армиях многонациональных государств, комплектуемых по принципу всеобщей воинской повинности. Крайним проявлением слабости австро-венгерской армии в период Первой мировой войны были примеры массового перехода на сторону противника, в данном случае Российской империи, военнслужащих-славян — чехов, сербов, хорватов, украинцев, русинов и т.д. «Если я вообще имею какие-то представления о внутренних взаимоотношениях в императорской королевской армии, — говорил Вебер, — то это представления о совершенно чудовищных объективных трудностях, которые вытекают для меня уже просто из языковых отношений. Офицеры запаса императорско-королевской армии многократно пытались объяснить мне, каким образом удастся, не обладая реальным знанием языка рядового состава, все-таки поддерживать с ним такой контакт, который необходим как раз для того, чтобы оказывать какое-то влияние, выходящее за рамки служебных отношений»⁵.

В русской армии времен Первой мировой войны таких проблем практически не существовало. В то время русская армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности в основном из представителей славянских народов Империи — русских, украинцев и белорусов, — тогда как число национальных формирований, вроде знаменитого Кавказского туземного конного корпуса, набранного из горцев Северного Кавказа, или же созданных в годы Первой мировой войны латышских, польских и чехословацких стрелковых частей, было сравнительно невелико. Более того, представителей около 40 национальностей, прежде всего Средней Азии, Кавказа, Степного края, Сибири и Крайнего Севера, вообще не брали в армию. Такая система действовала со времен военной реформы 1860–1870-х годов,

⁵ Вебер М. Социализм [1918] // Вебер М. Политические работы (1893–1919) / пер. с нем. М.: Практикс, 2003. С. 300–301.

III. Национальная и религиозная политика

проведенной военным министром Д.А. Милютиним (1816–1912). Закон о всеобщей воинской повинности, принятый в Российской империи в 1874 г., декларировал призыв в армию православных, протестантов, католиков и евреев. Призыву не подлежали мусульмане (с определенными исключениями), кочующие инородцы, буддисты, а также некоторые христиане-сектанты, в частности молокане и штундисты. Кроме того, действовало правило, согласно которому в каждой воинской части должно было служить не менее 75% «русских» — великороссов, украинцев и белорусов⁶. Иными словами, несмотря на то что закон 1874 г. декларировал введение в стране всеобщей воинской повинности, отдельные категории населения Российской империи были от нее освобождены. Когда в ходе Первой мировой войны в 1916–1917 гг. людские резервы русской армии оказались близки к исчерпанию, так что военному министерству пришлось даже засекретить данные о военнообязанных от своих союзников⁷, царское правительство 25 июня 1916 г. приняло решение о проведении мобилизации людских ресурсов из числа коренного населения в Средней Азии для использования их на трудовых работах в тылу. Однако первые же мероприятия по мобилизации натолкнулись на сопротивление местного населения и в конечном счете спровоцировали восстание туземцев. Оно вспыхнуло 4 июля 1916 г. на узбекских землях и в короткий срок охватило значительную часть Степного края и Туркестана. Избегая столкновения с крупными воинскими частями, восставшие нападали на представителей царской администрации и убивали русских колонистов. Не-

⁶ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. С. 299.

⁷ *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918 / отв. ред. А.Л. Симонов. М.: Наука, 1968. С. 151.

смотря на то что царское правительство бросило на подавление восстания значительные воинские формирования и, не стесняясь, применяло грубую силу и тактику «выжженной земли» против взбунтовавшихся, восстание с переменным успехом продолжалось вплоть до падения самодержавия в феврале 1917 г. и лишь после этого постепенно сошло на нет после объявленной Временным правительством амнистии. Так неудачно закончилась в годы Первой мировой войны попытка поставить азиатские народы Российской империи на службу «белому царю»⁸.

После победы большевиков в Гражданской войне ими был взят курс на создание национальных воинских формирований. Это стало одним из магистральных направлений советской национальной политики, выработанной на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. и на IV совещании ЦК РКП(б) в июне того же года. В принятой съездом резолюции «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» было рекомендовано усилить «воспитательную работу в Красной Армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза» и осуществить «практические мероприятия по организации национальных воинских частей, с соблюдением всех мер, необходимых для полной обороноспособности республики»⁹.

Резолюция по национальному вопросу, принятая на IV совещании ЦК РКП(б), подтверждала неотложность мероприятий, принятых на XII съезде, и требовала взять курс на «создание военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущих послужить потом ядром для организации националь-

⁸ О среднеазиатском восстании 1916 г. см.: *Каррер д'Анкос Э.* Евразийская империя: Российская империя с 1552 г. до наших дней / пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2007. С. 141–144.

⁹ XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. С. 696.

III. Национальная и религиозная политика

ных воинских частей»¹⁰. В резолюции ставилась задача формирования национальных милицейских частей в Татарии и Башкирии, констатировалось, что в Грузии, Армении и Азербайджане уже создано по национальной дивизии, и предлагалось создать по одной национальной милиционной дивизии в Белоруссии и на Украине. Как провозглашалось в резолюции, «вопрос о создании национальных войсковых частей имеет первостепенное значение, как в смысле обороны от возможных нападений со стороны Турции, Афганистана, Польши и т.п., так и в смысле возможного вынужденного выступления Союза Республик против соседних государств. Значение национальных войсковых частей с точки зрения внутреннего положения Союза республик не требует доказательства»¹¹. Выступая на совещании с обоснованием идеи создания национальных воинских частей, И.В. Сталин произнес: «Я думаю, мы значительно опоздали в деле выработки мероприятий в этом отношении. Мы обязаны создать национальные воинские части. Конечно, в один день их не создашь, но сейчас можно и нужно приступить к созданию военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущего послужить ядром для организации национальных войсковых частей. Начать это дело и двигать его дальше абсолютно необходимо. Если бы мы имели надежные национальные войсковые части с надежным командным составом в таких республиках, как Туркестан, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, то наша республика была бы много лучше обеспечена как в смысле обороны, так

¹⁰ Резолюция IV совещания ЦК РКП(б) по второму пункту порядка дня («Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции») // Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП(б). М.: Инсан, 1992. С. 285.

¹¹ Там же.

и в смысле вынужденных выступлений, чем это имеет место теперь»¹².

Курс на создание национальных воинских частей был составной частью политики «коренизации» в национальном вопросе, провозглашенной на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) и перешедшей в плоскость конкретных мероприятий после XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) и IV совещания ЦК РКП(б) (июнь 1923 г.)¹³. Согласно этой политике, ключевую роль в разработке которой сыграл Сталин, для завоевания симпатий к советской власти на национальных окраинах предполагалось выдвигать на первый план национальные кадры из числа местного населения, создавать национальные системы высшего, среднего и начального образования на местах, поощрять развитие национальных языков, культур и наук в национальных республиках и областях¹⁴. Говоря о задачах политики «коренизации», Ста-

¹² Сталин И.В. Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Доклад по второму пункту порядка 10 июня (Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9–12 июня 1923 г.) // Сталин И.В. Соч. Т. 5. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. С. 323.

¹³ IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей состоялось 9–12 июня 1923 г. в Москве. С основным докладом «Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу» на совещании выступил И.В. Сталин. Были заслушаны также сообщения представителей 20 организаций о положении на местах. На совещании были подведены промежуточные итоги проведения политики «коренизации», провозглашенной XII съездом РКП(б), и намечен целый комплекс практических мер по ее реализации.

¹⁴ Основные направления политики «коренизации» были сформулированы в постановлениях по национальному вопросу X и XII съездов РКП(б) и в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.).

III. Национальная и религиозная политика

лин на XII съезде отмечал, что ее главная цель заключалась в том, чтобы сделать советскую власть близкой инациональному крестьянству на западных и восточных окраинах СССР. «Для того чтобы Советская власть стала и для инационального крестьянства родной, — необходимо, чтобы она была понятной для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт нерусских национальностей»¹⁵. В действительности речь шла не только о приоритетном выдвижении местных кадров и развитии национального языка и школы, но о целом комплексе мероприятий, осуществление которых должно было подтянуть уровень социально-экономического и культурного развития нерусских народов на национальных окраинах Союза ССР до положения его великорусского ядра. Современные исследователи советской культурно-национальной политики 1920–1930-х годов в связи с этим даже говорят о политике «положительной дискриминации» нерусских народов Союза ССР, а сам Советский Союз указанного периода называют «империей положительной деятельности»¹⁶.

Формирование национальных воинских частей проходило в рамках военной реформы, осуществленной в СССР в 1924–1925 гг. После окончания Гражданской войны в условиях экономической разрухи страна не могла содержать большую армию, поэтому с декабря 1920 г. по 1923 г. численность Красной Армии сократилась с 5,5 млн до 516 тыс. человек, т.е. бо-

¹⁵ *Сталин И.В.* Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) (23 апреля 1923 г.) // *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 240–241.

¹⁶ *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина* / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2011. С. 88–116.

лее, чем в 10 раз¹⁷. Одновременно происходил переход к территориально-милиционной системе комплектования армии, что должно было позволить сократить расходы на ее содержание, но в то же время обеспечить военную подготовку всего мужского населения Союза ССР и сохранение кадрового костяка Рабоче-крестьянской Красной Армии. В июне 1921 г. в Петрограде создается первая милиционная бригада, а в январе 1923 г. на территориально-милиционную основу переводится 10 кадровых дивизий¹⁸. Однако наиболее активно переход на территориально-милиционный принцип организации и комплектования начался после издания 8 августа 1923 г. декрета ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся». В 1925 г. в Красной Армии было уже 46 стрелковых и одна кавалерийская территориально-милиционные дивизии¹⁹.

В декабре 1923 г. по решению Реввоенсовета Союза ССР армия перешла на национально-территориальный принцип комплектования. Под руководством председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого была принята первая программа национального войскового строительства в СССР. «Как известно, — пишет Е.Ю. Борисёнок, специалист-историк по “советской украинизации”, — Троцкий был сторонником создания в республиках национальных армий, которые должны были составить общесоюзную Красную Армию. Это должно было продемонстрировать нерусским народам последовательность советской власти в решении

¹⁷ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П.Н. Бобылев, В.П. Бокарев, С.В. Липицкий, М.Е. Мониин. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. С. 128.

¹⁸ Отчет Народного комиссариата во военным и морским делам за 1923/1924 год. М., 1925. С. 52.

¹⁹ Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Воен. изд-во, 1958. С. 96.

III. Национальная и религиозная политика

национального вопроса. К тому же, по мысли Троцкого, такие армии могли бы пригодиться для мировой революции»²⁰.

Тем не менее центральное руководство Союза ССР во главе с И.В. Сталиным относилось к этой идее довольно настороженно, резонно видя все минусы в плане национал-сепаратизма, к которым могло привести создание национальных армий в союзных республиках. Опасаясь, что такие армии станут легкой добычей в руках националистов, оно дало согласие лишь на формирование отдельных национальных воинских частей²¹.

Первоначальная программа 1924 г. по национально-войсковому строительству выполнена не была. Уже в марте 1924 г. она была пересмотрена в сторону сокращения, а центр тяжести в формировании национальных частей был перенесен в восточные республики Союза ССР. При непосредственном участии М.В. Фрунзе и благодаря работе специальной комиссии под руководством Ф.Э. Дзержинского был разработан и в 1924–1925 гг. осуществлен компромиссный вариант военной реформы, отходивший от крайностей построения Красной Армии по милиционнно-национальной модели, принятой в 1923 г. В конце 1924 г. Реввоенсовет Союза ССР принял новый пятилетний план (1924–1929) национального строительства РККА, одобренный впоследствии III съездом Советов. В его основу был положен принцип единства Советских Вооруженных Сил. Более того, Фрунзе прямо указывал на опасность тенденции к «превращению национальных формирований в ядро национальных армий» и заявлял о несоответствии такой позиции «классовым интересам рабочих

²⁰ Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006. С. 112.

²¹ Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 231–232; Борисёнок Е.Ю. Указ. соч. С. 112.

и крестьян»²². Уже к весне 1925 г. национальные воинские части составляли 10% от общей численности Красной Армии. Эти воинские формирования были территориально-милиционными по своему составу, поскольку они на 70% состояли из населения коренных народностей окраин Союза ССР. К 1928 г. территориальные части составляли свыше 70% стрелковых войск и 12% кавалерии РККА²³.

Согласно официальным советским оценкам, «военно-национальное строительство не только расширило мобилизационные возможности страны, но и укрепило дружбу советских народов, способствовало развитию экономики и культуры национальных республик»²⁴. Эта политика получила законодательное оформление и подтверждение в постановлении III съезда Советов о Красной Армии (1925), одобрившего работу Реввоенсовета Союза ССР в области национального строительства и поручившего Советскому правительству «обеспечить выполнение намеченной программы национальных формирований, как отвечающей интересам всех народов Союза ССР, в деле защиты общего их социалистического отечества». В резолюции съезда было «с особым удовлетворением» отмечено «создание национальных формирований на Востоке, являющееся фактором национального и культурного роста угнетенных в прошлом народов и соответствующее установлениям межнационального мира». Вместе с тем в постановлении выражалась озабоченность, что «строительство национальных войск может быть обеспечено лишь... путем создания необходимой для этого базы как в отношении образования прочных кадров командного и политического состава,

²² «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 153; Борисёнок Е.Ю. Указ. соч. С. 112.

²³ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. С. 130.

²⁴ Там же. С. 135.

III. Национальная и религиозная политика

так и в смысле подготовки населения к отбыванию воинской повинности на общих началах»²⁵.

Несмотря на сокращение программы национально-войскового строительства, реализация ее шла тяжело. Характерный пример таких проблем представляет собой «украинизация» 1920-х годов Красной Армии на Украине. В соответствии со скорректированной программой национально-войскового строительства 1924 г. в Украинской ССР предполагалось в течение пяти лет «украинизировать» четыре территориальные дивизии. В рамках осуществления программы предусматривалось комплектование этих дивизий рядовым и командно-политическим составом из числа украинцев, использование украинского языка при несении воинской службы и в партийно-политической работе, а также «украинизация» военных школ. Эта политика принесла свои плоды: к середине 1920-х годов большинство красноармейцев Украинского военного округа по своему этническому происхождению были украинцами²⁶.

Тем не менее «украинизация» в Красной Армии шла со скрипом. Мало кто из командно-политического состава владел украинским языком, а подготовка говорящих на украинском военных кадров не покрывала имеющихся потребностей. В частности, в 1925 г. в украинизированных дивизиях 40,9% командиров и 37,1% политработников не владели украинским языком. В 1926 г. выпуск командно-политических кадров из украинизированных военных школ смог покрыть потребности только двух территориальных дивизий в кадрах²⁷.

²⁵ Постановление III съезда Советов о Красной Армии (20 мая 1925 г.) // Хрестоматия по истории СССР / отв. ред. Д.А. Чугаев. М.: Изд-во соц.-эк. лит.-ры, 1963. С. 637.

²⁶ «Українізація» 1920–30-х років. С. 155; *Борисёнок Е.Ю.* Указ. соч. С. 113.

²⁷ «Українізація» 1920–30-х років. С. 155–156; *Борисёнок Е.Ю.* Указ. соч. С. 113.

В мае 1927 г. Реввоенсовет Союза ССР утвердил шестилетний план национально-войскового строительства на 1927–1933 гг., согласно которому национальными должны были стать еще две территориальные дивизии. Однако и здесь положение дел оказалось далеко не идеальным. Проведенная в 1929 г. проверка показала, что командный состав с трудом изъясняется на украинском языке, а на низовом уровне политика «украинизации» в Красной Армии приводит к многочисленным трениям на национальной почве между красноармейцами — русскими и украинцами. Доходило до того, что русские красноармейцы демонстративно отказывались «разговлять» на «петлюровской мове», которую они пренебрежительно звали «китайской грамотой», а красноармейцы-украинцы требовали «всё украинизировать»²⁸. Правда, в начале 1930-х годов, после хлебозаготовительных трудностей и голода на Украине и в южных районах РСФСР, а также перехода к форсированной индустриализации, политика «украинизации» была постепенно свернута²⁹.

Что же касается судьбы национальных воинских частей, то в конце 1930-х годов в связи с переходом к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности и отказу от организационного построения РККА по территориально-милиционному принципу ЦК ВКП(б) и СНК СССР в марте 1938 г. приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА», согласно которому национальные воинские части и соединения, а также военные училища и школы РККА преобразовывались в общесоюзные, с экстерриториальным принципом комплектования, а граждане национальных республик и областей долж-

²⁸ «Українізація» 1920–30-х років. С. 160, 162; *Борисёнок Е.Ю.* Указ. соч. С. 113.

²⁹ *Борисёнок Е.Ю.* Указ. соч. С. 209–238; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2012. С. 291–423.

III. Национальная и религиозная политика

ны были призываться на воинскую службу на общих со всеми другими национальностями основаниях³⁰. Как подчеркивалось в той части постановления, в которой излагалась мотивация соответствующих изменений, «Красная Армия и Военно-Морской флот полностью перешли от территориальной системы к экстерриториальным постоянным кадровым формированиям, вследствие чего самостоятельные национальные части находятся в противоречии с общегосударственным принципом строительства Красной Армии и военно-морского флота и не позволяют гражданам национальных республик и областей выполнять их почетные функции граждан СССР по защите государства»³¹. Проведя преобразование национальных воинских частей постепенно (так, осенью 1937 г. национальные воинские части были передислоцированы в европейскую часть СССР), советское руководство не только избавилось от потенциальной «пятой колонны» в лице националов, но и создало условия для перехода к кадровой системе комплектования и боевой подготовки РККА. Вслед за этим было принято решение о призыве на действительную воинскую службу карел, финнов, литовцев, латышей, эстонцев, немцев, поляков, болгар и греков, прежде в армию и во флот не призывавшихся. Призыву не подлежали только юноши из числа этих национальностей, проживавшие на территориях Эстонской, Латвийской, Литовской ССР, Северной Буковины и Бессарабии, не так давно присоединенных к СССР³².

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 95–96. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» (7 марта 1938 г.). Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 382–383.

³¹ Там же. С. 383.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 29. Л. 2–3. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об очередном призыве в 1940 г. в Красную Армию, Военно-морской флот и войска НКВД и увольнении в запас рядового и младшего начсостава, вы-

Ликвидация национальных воинских частей вынудила советское партийное и военное руководство принять срочные меры по обучению призывников из национальных республик русскому языку, которым те владели очень плохо (или же не владели вовсе)³³.

Таким образом, отказ от национальных воинских частей был обусловлен как переходом от смешанной системы военного строительства (территориально-милиционной и кадровой) к единой кадровой системе, так и политическими соображениями советского партийного руководства. Этот переход был вызван прежде всего резким обострением международной обстановки в 1930-е годы и медленным, но верным сползанием мира к новой войне. Существовавшая в Советском Союзе смешанная система строительства Вооруженных Сил, когда большинство дивизий были территориально-милиционными, не способствовала высокому уровню боевой подготовки войск, которые отличались низкой мобильностью и не могли в кратчайшие сроки осваивать новые виды техники и вооружений, поступавшие в войска. В этих условиях Реввоенсовет СССР разработал ряд мероприятий, направленных на повышение обороноспособности страны. В мае 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило, а Совнарком СССР утвердил план, в центре которого лежала идея перехода к кадровой системе комплектования и боевой подготовки частей и соединений Красной Армии. Если до 1935 г. 74% дивизий РККА были территориально-милиционными и только 26% дивизий — кадровыми, то к началу 1936 г. кадровыми стали 77% дивизий³⁴. В течение 1936–1938 гг.

служившего срок действительной воинской службы» (31 августа 1940 г.). Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 560–561.

³³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 9.

³⁴ Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воен. изд-во, 1978. С. 195.

III. Национальная и религиозная политика

оставшиеся 23% дивизий также были переведены на кадровые принципы комплектования и боевой подготовки. Благодаря этим преобразованиям в период с 1933 г. по осень 1939 г. численность личного состава РККА и ВМФ возросла с 885 тыс. до более чем 2 млн человек³⁵.

В Конституции СССР 1936 г. были сняты все социально-классовые ограничения на службу в рядах Вооруженных Сил. В статье 132 Конституции провозглашалось, что «всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР»³⁶. 1 сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны, Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской обязанности, который подытожил переход к единой кадровой системе. Закон провозглашал: «Все мужчины — граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать военную службу в составе Вооруженных Сил СССР». В отличие от Закона о воинской службе 1925 г., предполагавшего ограничения социально-классового толка в комплектовании Красной Армии, и в полном соответствии с новой Конституцией 1936 г. закон предусматривал принцип всеобщей воинской повинности, согласно которой на действительную воинскую службу призывались все граждане СССР, достигшие 19 лет (а окончившие полную среднюю школу — с 18 лет). Все новобранцы теперь проходили действительную службу только в

³⁵ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. С. 144.

³⁶ *Сталин И.В.* Доклад о проекте конституции Союза ССР. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Парт. изд-во ЦК ВКП(б), 1936. С. 61.

кадровых частях, которые формировались по экстерриториальному принципу³⁷.

Накануне войны благодаря принятию Закона о всеобщей воинской обязанности, увеличению срока службы и призыва в армию и на флот некоторых категорий военнообязанных из запаса численность Вооруженных Сил СССР увеличилась с 1513 тыс. человек в 1938 г. до 5,3 млн человек к июню 1941 г.³⁸ Проблема, однако, заключалась в том, что качество нового состава Вооруженных Сил СССР, причем призванного не в последнюю очередь из национальных республик, было крайне низким. Прежде всего это касалось владения русским языком. Процессы «национализации» школы и культуры на национальных окраинах, приоритетного развития языка и письменности туземных народов не прошли даром: многие призывники из республик Средней Азии и Кавказа просто-напросто не владели в достаточной степени русским языком.

Характер процессов воспитания и образования подрастающих поколений в Союзе ССР в 1920–1930-е годы в значительной степени определялся национально-территориальным принципом построения СССР как «союза равных» национальных республик и национально-территориальных образований. Это вело к тому, что приоритет в системе образования отдавался изучению местного языка и культуры, прежде всего так называемых «титульных наций», тогда как изучение русского языка, литературы, истории и культуры России отходило на второй план³⁹. Об этом совершен-

³⁷ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. С. 144–145.

³⁸ Перечнев Ю.Г. Уроки «блицкрига». М.: Московский рабочий, 1985. С. 27.

³⁹ Выступая на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. по вопросу о преподавании русского языка в школах национальных республик и областей СССР, Сталин не без раздражения заметил: ничего ясного от Наркомата просвещения по поводу того, как преподают русский язык в националь-

III. Национальная и религиозная политика

но недвусмысленно свидетельствуют официальные партийные документы второй половины 1930-х годов,

ных республиках и областях, мы не смогли добиться. «Где со второго класса начинают изучать русский язык как обязательный предмет, где с третьего, где с четвертого, а где и вообще не вводили» (Стенограмма выступления И.В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах (12 октября 1937 г.) // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 299). В свою очередь, в докладной записке наркома просвещения РСФСР П.А. Тюркина отмечалось, что «1. Русский язык в подавляющем большинстве национальных школ совершенно не преподается. Так, из 728 школ Туркменской ССР русский язык преподается всего лишь в 321 школе; из 667 начальных школ Киргизской ССР русский язык изучается только в 189 школах, по данным 255 неполных средних школ Казахской ССР русский язык преподается лишь в 39 школах и только в 7 средних школах (из 75 школ). Отнюдь не лучше обстоит дело с преподаванием русского языка в школах Таджикской, Узбекской и др. республик. 2. В большинстве школ, где в данное время проводится обучение детей русскому языку, уровень преподавания его остается крайне неудовлетворительным, и в результате этого успеваемость учащихся — крайне низкой» (Докладная записка наркома просвещения РСФСР П.А. Тюркина секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову об итогах совещания по вопросам преподавания русского языка в национальных школах союзных республик (2 февраля 1938 г.) // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 347–348). Не лучше обстояли дела и с преподаванием русского языка на Украине, где он исторически занимал особое место. Вот что говорил о положении русского языка на Украине Н.С. Хрущев в своем выступлении на XIV съезде КП(б)У, в котором он подвел итоги большевистской политики «украинизации» следующим образом: «Враги делали все для того, чтобы вытравлять русскую школу из Украины, чтобы вытравлять русский язык из украинских школ... Во многих украинских школах изучали немецкий, французский, польский и другие языки, но только не русский. Враги всячески отрывали культуру украинского народа от русской культуры» (Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева XIV съезду ЦК КП(б)У (13 июня 1938 г.) // Политическое руководство Украины. 1938–1989 / сост. В.Ю. Васильев, Р.Ю. Подкур, Х. Куромия, Ю.И. Шаповал, А. Вайнер. М.: РОССПЭН, 2006. С. 42–43).

когда процессы национализации и «коренизации» из источника легитимности новой власти стали на глазах превращаться в источник новых проблем и вызовов для нее. Это привело к отказу в тот период от политики «коренизации», на смену которой пришла политика расширения преподавания русского языка в национальных республиках и областях СССР, продиктованная как новыми социально-экономическими императивами, лежавшими в плоскости форсированной индустриализации, так и потребностями укрепления обороноспособности страны.

Новый вектор политики партии и правительства в национальном вопросе задал не кто иной, как Сталин, выступивший в октябре 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) с программной речью, посвященной проблемам изучения русского языка в национальных республиках и областях. Сталин не стал скрывать, что пристальный интерес руководства страны к этому вопросу продиктован прежде всего задачами укрепления Вооруженных Сил СССР, повышения их боеготовности и мобильности, потребностями освоения новой боевой техники, а также переходом к кадровой армии, комплектуемой на основе принципа всеобщей воинской обязанности. Результаты проведения политики «коренизации» в области военного строительства и образования Сталин оценил резко негативно, сказав о частях, сформированных на национальных окраинах СССР: «Это не армия». Говоря в выступлении на пленуме о реализации положения Конституции СССР 1936 г. о всеобщей воинской обязанности, Сталин развил свою мысль: «Мы встали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например в Узбекистане, Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком. При таком положении приходится их оставлять на месте, и тогда наши дивизии и бригады превращаются в территориальные. Это не армия. Мы не так смотрим на армию. Мы считаем, что каждая боевая

III. Национальная и религиозная политика

единица — состоит ли она из полка, из бригады, или из дивизии — она должна быть не местной армией, а армией всего Союза, составлять часть всей армии нашего Союза. Ее можно передвигать и нужно передвигать в разные районы. Украинцы, призванные на Украине, необязательно должны стоять на Украине. Интересы государства могут подсказать: набранных на Украине перевести, скажем, на Кавказ или в Сибирь и т.д. Иначе у нас не будет армии. У нас будет территориальная и национальная армия, которую никуда не передвинешь и которая не составляет части той армии, которая является армией СССР, а не каких-либо отдельных армий»⁴⁰. Выход Сталин видел в обязательном преподавании русского языка в национальных республиках и областях и в подготовке закона о преподавании русского языка в школах народов СССР: «Есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, — это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным. Хорошо было бы, если бы все призываемые в армию граждане мало-мальски изъяснялись бы на русском языке, чтобы, передвигая какую-нибудь дивизию, скажем, Узбекскую в Самару, чтобы она могла с населением объясняться. Вот отсюда и родилась абсолютная необходимость при всеобщей воинской повинности, при условии призыва всех граждан, абсолютная необходимость обладать красноармейцам одним каким-нибудь языком, на котором они могут изъясняться во всех краях и областях Союза. Этот язык — русский»⁴¹.

В соответствии с решением пленума ЦК ВКП(б) было подготовлено и 13 марта 1938 г. принято специ-

⁴⁰ Стенограмма выступления И.В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах (12 октября 1937 г.). С. 298.

⁴¹ Там же. С. 299.

альное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁴². Одновременно с массированным внедрением русского языка закрывались национальные школы, педучилища и институты, а также реорганизовывались учебные заведения на территориях, включенных в 1939–1940 гг. в состав СССР⁴³. Однако драгоценное время, необходимое для полноценной постановки преподавания русского языка в школах национальных республик и областей, было упущено, да и инерция советской политики «положительной дискриминации» нерусских народов оказалась необычайно велика, так что переломить ее не удалось даже «кремлевскому горцу»

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 103–107. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (13 марта 1938 г.). Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 391–394. Об истории введения преподавания русского языка в национальных школах в 1938 г. см.: *Блитстейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. С. 310–335. В своей статье Блитстейн особо подчеркивает инструментальный характер предпринятых мер (в национальных школах в 1938–1953 гг. русский язык всегда оставался предметом изучения, а не предметом обучения) и, возражая тем исследователям, которые видели в введении преподавания русского языка в национальных школах «русификацию», отмечает, что «хотя все эти изменения увеличивали количество часов на изучение русского языка в нерусских школах, предложения более радикальных изменений в политике были отклонены по прошествии более десяти лет проволочек и сомнений. В значительной степени это было следствием равно серьезного отношения режима к образованию на родном языке и поддержки этого принципа со стороны чиновников союзных республик» (Указ. соч. С. 327).

⁴³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 9.

III. Национальная и религиозная политика

(как назвал Сталина Осип Мандельштам)⁴⁴. В мае 1940 г., за год до начала войны, нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко докладывал советскому руководству о результатах призыва в армию всех граждан призывного возраста — уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии: «Часть новобранцев, прибывших в войска, оказались совершенно не владеющими русским языком и не понимающими русской разговорной речи, вследствие чего

⁴⁴ Насколько далеко зашла инерция политики «коренизации» к концу 1930-х годов, свидетельствует тот факт, что даже эти, по существу, продиктованные исключительно инструментальными соображениями мероприятия властей по организации преподавания русского языка в нерусских школах встретили настороженное отношение со стороны старых партийных деятелей, для которых «борьба с великорусским шовинизмом» стала краеугольным камнем советской национальной политики. Сразу после прошедшего 7 марта 1938 г. совещания ЦК ВКП(б) супруга покойного вождя большевизма Н.К. Крупская пишет Сталину письмо, в котором выражает озабоченность тем, не приведет ли это нововведение к росту «великорусского шовинизма». После ритуальных фраз «Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. Это хорошо. Это поможет укреплению дружбы народов» Крупская переходит к главной теме своего письма. «Меня очень беспокоит, — пишет она, — как мы это обучение будем проводить. Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм. Например, я считаю вредным введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке, считаю вредным введение единого букваря для всех народностей, букваря, переведенного с русского» (Н.К. Крупская — И.В. Сталину (7 марта 1938 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179). Если вспомнить о том, что Эрнст Геллнер писал о значении унифицированного общенационального языка и культуры, транслируемых молодым поколениям с помощью неспециализированной и стандартизированной системы обучения, для современного индустриального общества, то станет явной не только антикварная озабоченность Крупской «великодержавным шовинизмом», но и очевидно «антимодернистский» характер ее замечаний (Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. С. 72–76).

большое количество времени было потрачено командованием частей на усвояемость новобранцами разговорной русской речи и командного языка, что, безусловно, отражалось на боевой и политической подготовке частей армии»⁴⁵. За политику «коренизации» в образовании, равно как и за затянувшуюся борьбу с «русским великодержавным шовинизмом», пришлось заплатить дорогую цену на полях сражений Великой Отечественной войны.

© Дмитриев Т., 2013

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 125. Л. 45. Докладная записка наркома обороны СССР С.К. Тимошенко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о призыве в армию уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, не владеющих русским языком (26 мая 1940 г.). Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 552.

ФЕДОР СИНИЦЫН

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА (1925–1946)

После Октябрьской революции советская власть встала перед необходимостью построения не только новой политической системы, но и новой культуры — одного из важнейших инструментов государственной идеологии. Однако в ходе реализации «культурной реформы» в традиционно буддийских регионах страны — Бурятии и Калмыкии — власть столкнулась с трудностями особого рода. В этих республиках отсутствовали национальные учреждения культуры светского характера — культура и искусство здесь носили исключительно религиозный характер. Как признавался председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов, власть была поставлена перед фактом, что «вся жизнь в культурно-национальном отношении... концентрировалась вокруг дацанов¹, масса ориентировалась на дацаны, ибо вся культурная сила, национальная интеллигенция, главным образом, выковывалась в стенах дацана»².

Именно принятие буддизма в XVI–XVIII вв. явилось толчком для развития национальной культуры бурят и калмыков, а буддийские священнослужители стали их первыми просветителями. Авторитет ламы — не только как представителя религии, но и как учителя, культурного человека — в Бурятии и Калмыкии всегда был очень высок. Буддийские религиозные учреждения играли решающую социально-культурную роль

¹ Дацан — буддийский монастырь (у бурят). Калмыцкое название — «хурул», тувинское — «хуре».

² *Ербанов М.Н.* Вопросы национально-культурного строительства Бурятии. Краткий очерк. Верхнеудинск: Бурмонгиз, 1926. С. 17.

в условиях кочевого уклада жизни. Являясь единственными оседлыми «населенными пунктами», они выполняли роль основного места социализации для разбросанных по степям кочевников, став «национальными центрами»³, где возникла, развилась и откуда распространялась народная культура. Фактически буддийские храмы и монастыри служили для местного населения единственным источником театрального (религиозные мистерии), музыкального (дацанские оркестры), изобразительного (иконы-танка) и всех остальных видов искусства. Кроме того, буддийские храмы и монастыри были единственными очагами науки и издательского дела. В частности, вплоть до второй половины 1920-х годов в Бурят-Монголии практически отсутствовали как периодические, так и непериодические издания на бурятском языке, за исключением буддийской религиозной литературы⁴.

Несмотря на агрессивную антирелигиозную пропаганду, буддийские храмы и монастыри сохраняли роль «народных центров»⁵ вплоть до середины 1930-х годов. Буддийские праздники были «событием, выбивавшим степного жителя из надоедливой степной жизни», поэтому люди спешили на них «как на великое событие, собирались задолго до праздника, готовились»⁶. В частности, очень популярными были цамы — религиозные мистерии, которые обычно проходили под открытым небом перед храмами. Очевидцы отмечали, что эти празднества собирали много зрителей⁷. В 1928 г. празднование цама в Гусиноозерском дацане

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 567. Л. 280.

⁴ Там же. Л. 281.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 590. Л. 75.

⁶ *Кануков Х.Б.* Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Калмиздат, 1928. С. 81.

⁷ *Барадин Б.* Вопросы сценического искусства бурят-монголов // Жизнь Бурятии. 1924. № 6. С. 77.

III. Национальная и религиозная политика

было заснято съемочной группой советского кинорежиссера В.И. Пудовкина и впоследствии вошло в качестве эпизода в фильм «Потомок Чингисхана». В июле и августе 1933 г. на цаммах в Гусиноозерском и Иройском дацанах присутствовали участники экспедиции, организованной Центральным советом Союза воинствующих безбожников, Институтом философии Коммунистической академии и Институтом культуры Бурят-Монгольской АССР. Они отмечали, что уже в 4 часа утра в дацане было несколько десятков молящихся и значительное число зрителей. Участники экспедиции были впечатлены силой воздействия буддийского искусства на массы. По их мнению, «та энергия, с которой ими (ламами. — Ф. С.) организо[вы]вался цам, те проверенные многовековым опытом методы воздействия на массу, которые они при этом применяют» заслуживали «серьезного внимания»⁸.

Итак, когда перед властью встала проблема создания новой бурятской и калмыцкой культуры («национальной по форме, социалистической по содержанию»), закономерно возник вопрос о том, можно ли для этого применить достижения культуры религиозной.

Советские исследователи в целом признавали ценность буддийской культуры. П. Дамбинов писал, что буддийское искусство «оригинально, колоритно... необычайно по своей яркости для европейского искусства»⁹. Б. Бадрино выявил, что «секрет силы и популярности дацанского искусства» заключался не только в его «технических достоинствах (музыка, ритмика и другие “орудия” воздействия)», но и в «приспособлении к условиям жизни и быта кочевников-скотоводов». Он подчеркивал, что «ламство живо откликается на “те-

⁸ Урсынович С. Цам (будд-ламаистский праздник заклипания духов) // Антирелигиозник. 1933. № 6. С. 25–26, 30.

⁹ Дамбинов П. О национально-художественном строительстве Бурятии // Бурятияведение. 1929. № I–II (9–10). С. 191.

кущий момент” (неурожай травы, падеж скота и т.д.), воплощая лучшие традиции шаманизма (бегá, борьба, стрельба из лука), мобилизуя массу на коллективной основе». Бадрино высоко оценивал воздействие исполнения музыки ламским оркестром и «фантастических пантомимных танцев... актерами-профессионалами, где каждый актер имеет свои всю жизнь исполняемые роли», благодаря чему «достигает поразительной техники исполнения»¹⁰.

Многие ученые отдавали дань буддийской музыкальной культуре, которая, как они выявили, объединяла «в течение веков сложившуюся традицию и музыкальную письменность», «систему подготовки кадров», «методику владения техникой игры на отдельных инструментах» и «производство этих инструментов»¹¹. Непосредственное отношение к буддийской музыкальной культуре имело исполнение молитвы, определенное как «завершенная, стоячая, вызубренная (но очевидно, совершенная) форма молитвенных текстов», которая «превратилась в религиозную оперу, с точной мелодией... оркестровыми номерами... учтенным аккомпанементом инструментов... сольным и хоровым речитативом». Отмечалось, что в буддийской культуре «отношение к музыке сознательное, и словопроизношение превращено в рационально обработанный акт»¹².

Некоторые государственные и общественные деятели, в частности сам председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов, считали необходимым «использование всего того, что имеется полезного в

¹⁰ Батор-Бадрино. О путях развития бурятского национального театра // Жизнь Бурятии. 1930. № 4. С. 86–87.

¹¹ Берлинский П. Строительство национальной музыкальной культуры в БМАССР // Советская Бурятия. 1933. № 1. С. 37.

¹² Инкижинов В.И. Проблемы бурят-монгольского театра // Жизнь Бурятии. 1929. № 3–4. С. 51–52.

III. Национальная и религиозная политика

ламаизме, для развития национальной культуры»¹³ с целью «сделать все богатство искусства дацанов достоянием широких масс»¹⁴. Дамбинов, высказывая в общем отрицательное отношение к буддизму, отмечал, что ламское искусство — это «куски ценностей, которые нужны и для нашего строительства». Он предлагал осуществить «специальное изучение и разработку вопросов дацанского искусства в целях использования, а также привлечение художников дацана... к общественно-полезному искусству»¹⁵. С. Боннар восхищался архитектурой, скульптурой и живописью дацанов, организацией зрелищ, отмечая, что советским театральным режиссерам «было бы чему поучиться у лам»¹⁶. Б. Бадрино указывал на то, что дацанский театр — это «поучительный урок для деятелей искусства». Он призывал «заставить» ламский окрестр «если это технически возможно, говорить нашим советским языком, революционными мотивами»¹⁷.

В то же время другие ученые Института культуры из Бурят-Монгольской АССР предлагали «отстраненное» изучение ламского искусства, без цели его дальнейшего использования. В 1927 и 1929 гг. институт предпринял научные экспедиции по изучению дацанского изобразительного искусства. В 1929 г. руководством института были намечены сбор «музыкальных материалов путем нотной и фонографической записи... дацанских музыкальных мелодий», «подготовка к печати материалов экспедиционных работ 1927 и

¹³ *Ербанов М.Н.* Указ. соч. С. 27–28.

¹⁴ *Мункин Д.* Национально-культурное строительство Бурятии на новом этапе (К пленуму Обкома ВКП(б)) // Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 1. С. 10.

¹⁵ *Дамбинов П.* Указ. соч. С. 190–191.

¹⁶ *Боннар С.* В Бурят-Монгольской республике // Безбожник у станка. 1928. № 9. С. 16–17.

¹⁷ *Батор-Бадрино.* Указ. соч. С. 86–87.

1929 г.», «разведочные поездки» с целью «изучения дацанского изобразительного искусства методами копирования и фотографирования»¹⁸. В принятом в 1930 г. пятилетнем плане работы института было отведено место изучению «дацанского изобразительного искусства», предложенному в двух вариантах: «Если... целью будет признано создание специального музея в результате отбора и регистрации всех художественных ценностей дацанов, — в течение трех лет силами одного-трех художников будет произведен беглый осмотр по возможности всех дацанов (с ежегодным охватом 8–10 дацанов)», «если же проект организации музея будет отложен... выбрать отдельные пункты работы, в которых, на основе имеющихся сведений, можно ожидать наличия интересного художественного материала». Институт культуры предлагал направить экспедицию в составе нескольких художников для ежегодной работы в одном-двух дацанах, «учитывая все заслуживающее внимания, копируя наиболее интересные образцы». Таким образом, предполагалось, что «в процессе работы будет создан набор экспонатов и проведено углубленное изучение материалов»¹⁹.

В итоге победила точка зрения, что буддийское искусство для Советского государства является чужеродным и даже более опасным, чем буддийская философия, так как, по мнению антирелигиозников, не через философию, а именно через искусство, «по преимуществу призванное поражать и устрашать», ламы осуществляли «свою одурманивающую роль»²⁰. В частности, считалось, что дацанская музыкальная культура «была одним из значительных звеньев в общей системе отравления сознания трудящихся масс и

¹⁸ В Институте культуры // Жизнь Бурятии. 1929. № 6. С. 88.

¹⁹ Пятилетний план научной деятельности Института культуры // Жизнь Бурятии. 1930. № 2–3. С. 115–116.

²⁰ Там же. С. 115.

III. Национальная и религиозная политика

угнетения их при помощи буддийского религиозного учения». Было выявлено, что «основная идея психологического воздействия через музыку» ламством «осуществляется двумя путями» — во-первых, «системой гипнотизирующих утомительных ритмов и интонаций притупить сознание и волю» и, во-вторых, «внешней пышностью оркестра, большой научностью и довольно значительным богатством тембровых красок поразить воображение... державшегося в невежестве степняка». Советские исследователи делали вывод, что «неискушенному сознанию... весь этот комплекс... наносил значительную “религиозную травму”»²¹.

Пропаганда говорила о «классовой сущности» ламского искусства, так как якобы «оно проводит в сознание населения идеи, угодные духовным феодалам, какими по существу являются дацаны»²². Отмечалось, что с помощью буддийской культуры «классовый враг трудящихся стремится удержать их под своим влиянием»²³. Например, одной из целей организованного ламами «массового представления» на Сурхарбане²⁴ было объявлено то, что «кулачество и ламство всевозможными ухищрениями... стремятся задержать приток бедняков-индивидуалов в товарищество»²⁵.

Изучать дацанское искусство «как искусство религиозное» предписывалось лишь с целью улучшения борьбы с ним. Ставилась задача «развенчать» это искусство и путем его «преодоления» и «отчасти использования его приемов... построить новые художествен-

²¹ Берлинский П. Указ. соч. С. 37.

²² Пятилетний план научной деятельности Института культуры. С. 115.

²³ Антирелигиозник. 1933. № 6. С. 30.

²⁴ Бурятский народный праздник.

²⁵ Брауэр Г.В. Массовое представление на Сурхарбане в Агинском аймаке в 1930 году // Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 6. С. 98.

ные формы». Достигнуть «развенчания» предполагали «путем изучения и анализа дацанских художественных образов под углом... воздействия их на психику верующих с целью дальнейшего использования тех же факторов с иной установкой» — для ведения антирелигиозной пропаганды²⁶.

Таким образом, с середины 1920-х годов государственная политика была направлена на всемерное противодействие влиянию буддийской культуры и встречное развитие «социалистической культуры», которое проходило с серьезными затруднениями. Власти обвиняли в этом «сильное распространение ламаизма... как института по насаждению не только религиозного мировоззрения, но и экономической эксплуатации бурят-монгол». Утверждалось, что буддийская культура — это «фактор, отрицающий и не могущий не отрицать социалистическую культуру». Считалось, что новая культура «перерастает и должна перерасти ламаизм, подобно тому, как социализм перерастает и уничтожает капитализм»²⁷.

Особенно важным для власти стало противодействие положительному и даже просто терпимому отношению к буддийской культуре в государственных и партийных органах, а также среди интеллигенции. В августе 1926 г. IV пленум Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) осудил «стремление... к насаждению национальной культуры через дацаны путем своеобразного культивирования и сращивания духовной (ламаитско-буддийской) культуры со светской национальной культурой»²⁸. Отдельное внимание уделялось пресечению открытия представительств советских, кооперативных и прочих учреждений при дацанах²⁹ —

²⁶ Пятилетний план научной деятельности Института культуры. С. 115.

²⁷ Ербанов М.Н. Указ. соч. С. 3, 17–18, 27–28.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 567. Л. 281.

²⁹ Ербанов М.Н. Указ. соч. С. 3, 17–18, 27–28.

III. Национальная и религиозная политика

намерений вполне здравых, учитывая почти полное отсутствие оседлых населенных пунктов.

В 1928 г. обком призвал «решительно бороться» с идеей, «что ламская культура представляет один из основных элементов национальной культуры бурят-монгол» и что без ее привлечения «немыслимо успешное развитие национальной культуры»³⁰. В 1930 г. было указано, что «всякие разговоры о насаждении... восточной культуры, забывая пролетарскую советскую культуру, являются по существу реакционной идеей», так как «восточная (китайская, тибетская, монгольская и проч.) культура — в основном, капиталистическая, полуфеодално-религиозная»³¹. Теория «заимствования, насаждения ламайско-дацанского искусства» была напрямую увязана с проявлениями «местного национализма»³². Критиковалась даже картина художника А. Хангалова, на которой было изображено строительство Кыренского дацана, представленное автором «как достижение национального строительства, как подъем социалистической Бурят-Монгольской республики»³³. Таким образом, власть в конце 1920-х годов четко определила необходимость борьбы «против... практики заимствования клерикально-ламской культуры», которая рассматривалась как «извращение линии партии»³⁴.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 590. Л. 74.

³¹ Тезисы тов. Мункина о латинизации бурят-монгольского языка, принятые орфографическим совещанием при Институте культуры, одобренные обкомом ВКП(б) // Известия Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) и ВЛКСМ. 1930. № 4. С. 18.

³² Дашидондобэ О. К итогам сентябрьского объединенного пленума Бурят-Монгольского ОК и ОКК ВКП(б) // Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 6. С. 4.

³³ Батор-Бадрино. Указ. соч. С. 83.

³⁴ Мункин Д. Указ. соч. С. 9–10.

В 1930 г. в рамках «дела» по разгрому Бурят-Монгольского института культуры в вину его руководству и сотрудникам было поставлено в числе прочего «влияние ламайщины в искусствоведческой работе»³⁵. Руководство института обвиняли в том, что оно «ревностно боролось за пропаганду... буддийского искусства» как «национального», в «комбинировании и гармонировании» феодально-теократической индо-буддийской культуры с буржуазно-европейской», а также в их «сращивании». В вину сотрудникам Института ставился призыв привлекать лам к «общественно-полезному искусству». Одним из «преступных деяний» Института культуры была объявлена постановка некоей пьесы, осуществленная в начале 1930 г. под руководством П. Дамбинова и Д. Иванова, — «националистического панмонгольского характера по содержанию, и дацанского религиозного по форме, где не было даже элементов демократии». Звучало обвинение в том, что в сфере национальной музыки проявилось «чрезвычайно большое увлечение дацанской (религиозной) музыкой, и наоборот, отсутствие внимания к живым революционным народным мотивам». Утверждалось, что партийные органы не допустят согласования «искусства монашеской касты с динамикой трудовой творческой жизни трудящихся масс, строящих социализм», и потому это не удастся «никакими “алхимическими” ухищрениями и софистикой»³⁶.

В 1930 г. Бурят-Монгольское областное партсовещание осудило «идеи заимствования искусства дацана» и «ориентации на феодально-теократические элементы в музыкальном строительстве», в том числе позицию

³⁵ О перестройке научно-исследовательской работы // Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 1. С. 5.

³⁶ Манжигинэ. Против пропаганды националистической идеологии в Бурято-Монголии и гнилого либерализма по отношению к ней // Революционный Восток. 1932. № 1–2 (13–14). С. 242–243, 247–249.

III. Национальная и религиозная политика

Бадрино, который предлагал использовать ламское музыкальное искусство для нужд советской власти. На его предложение «заставить ламский оркестр говорить советским языком, революционными мотивами» была дана саркастическая отповедь: «Дацанская музыка и вся пышность дацанской музыкальной культуры поражала сознание не только неискушенных степняков дореволюционной Бурятии», но «ею было “поражено” и сознание некоторых теоретиков советского периода»³⁷ (имелся в виду Бадрино).

В 1932 г. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) выявил, что в национальном театральном искусстве была распространена недозволенная «точка зрения, проповедующая условно-мистический принцип... выражающий идеалистическое мировоззрение». Партийные органы осудили любые «попытки ориентации на Восток — теократический Тибет и дореволюционную ханскую Монголию с их феодально-теократической культурой», включая «дацанское искусство, как проявление правого оппортунизма, местного национализма и контрреволюционного панмонголизма». Были признаны вредными «выступления», сделанные представителями «правого уклона» в ВКП(б), которые «требовали заимствования от ламства его теократического кастового дацанского искусства на основе максимального использования элементов “дацанского театра”»³⁸.

В 1933 г. антирелигиозники осудили намерение бурятских «национал-демократических культуртрегеров» использовать «цам как образец бурятского национального театра». Цам и другие атрибуты буддийской культуры были еще раз заклеены как искусство «внешнее, чужое, занесенное из Тибета». Культуроло-

³⁷ Берлинский П. Указ. соч. С. 38–39.

³⁸ Сборник директив Бурят-Монгольского Областного Комитета ВКП(б) по вопросам национально-культурного строительства. Верхнеудинск, 1932. С. 42–43, 15.

ги считали, что оно «насквозь пронизано буддийско-ламаистскими религиозными представлениями», и поэтому «мертво» и «не имеет будущего»³⁹.

Кроме пропаганды, на противодействие буддийской культуре было направлено развитие сети советских учреждений культуры — клубов, кинотеатров, театров, библиотек, изб-читален и т.п. Подчеркивалось, что так как «дацаны в условиях советской демократии не могут быть культурными центрами», необходимо «взять курс на создание новых советских культурных центров»⁴⁰. Местное население всеми возможными способами поощрялось к посещению этих учреждений культуры в противовес буддийским храмам и монастырям.

Однако власть столкнулась с тем, что на деле противопоставить традиционной буддийской культуре было нечего. В резолюции бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 июня 1928 г. по докладу «Современное положение ламства и задачи дальнейшей борьбы с ним» отмечалось, что роль культурных центров «дацаны будут сохранять до тех пор, пока мы не развернем национально-художественное строительство, не организуем национальный театр, музыку, не научимся использовать кино... одним словом, пока мы не удовлетворим национально-художественные запросы широких слоев»⁴¹. Была также поставлена задача преодолеть влияние «на широкие массы трудящегося населения» буддийской литературы — «этих феодально-теократических опимных произведений»⁴². Партия призывала развивать и использовать «наиболее близкие» советской

³⁹ Антирелигиозник. 1933. № 6. С. 26.

⁴⁰ Ербанов М.Н. Указ. соч. С. 3, 17–18, 27–28.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 590. Л. 75.

⁴² Дашидондобэ О. Об одной вреднейшей антимарксистской теории (о панмонголизме) // Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 1. С. 28.

III. Национальная и религиозная политика

власти «демократические элементы искусства трудящихся... в противовес буржуазному и феодально-теократическому искусству»⁴³.

Для решения этих вопросов власть пыталась найти какую-то «другую» национальную культуру, кроме буддийской. В первую очередь предполагалось резко отграничить культуру «ламскую» от культуры «народной», так как первая была якобы «совершенно лишена национального облика», и любой человек, приобщавшийся к ней, «тем самым невольно отрывался от народных масс»⁴⁴. Утверждалось, что ламская культура прежде всего «является кастовым монопольным достоянием лам», в котором нет «ни одного атома народного творчества». Пропаганда подчеркивала, что буддийская культура «изолирована в монастырских стенах от творческой народной жизни» и «поэтому... отражает только жизнь ламских каст, причем, больше всего, верхушки ламской знати... живущей за счет эксплуатации населения». Поэтому делался вывод, что буддийская культура «непонятна и чужда широким слоям трудящего советского населения»⁴⁵. В пример приводилась ситуация в Монголии, где до революции 1921 г. «не издавалось ни одной газеты, ни одного журнала», так как их «заменяли церковные издания и астрологические календари лам», причем «все это печаталось на совершенно непонятном народной массе тибетском языке». Монастырские религиозные мистерии, как подчеркивали антирелигиозники, «ни по содержанию, ни по происхождению не были национальными — они, как и вся монастырская культура и искусство, были заимствованы из Тибета». Утверж-

⁴³ Сборник директив Бурят-Монгольского Областного Комитета ВКП(б) по вопросам национально-культурного строительства. С. 42–43.

⁴⁴ *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отд-ние, 1921. С. 309.

⁴⁵ *Манжигинэ.* Указ. соч. С. 248–249.

далось, что простые верующие «в ламских мистериях ничего не понимали»⁴⁶.

Вместе с тем буддийская конфессия обвинялась пропагандой в обратном — в том, что она приспособила для своих нужд и «всячески использовала народное искусство», а «нерелигиозное искусство» преследовала⁴⁷ — в частности, что «ламаизм приспособился» к «народному празднику цагалган» (Новый год)⁴⁸. Подчеркивалось, что цагалган на самом деле не религиозный праздник, так как «напротив, в этот день, с рассветом, ламы и послушники освобождаются от своих духовных занятий и могут проводить время в развлечениях»⁴⁹.

В результате борьбы советского государства с буддийской культурой властные органы с удовлетворением констатировали ее «упадок». Уже в мае 1928 г. на заседании бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) отмечалось, что «если ламам от культурно-национального строительства кажется все плохо, то надо полагать, что напор на развитие нашей культуры стал сильнее», поэтому ламы и «впадают в панику»⁵⁰. Советская историография впоследствии подчеркивала, что в буддийских регионах страны «взамен... религиозному искусству, подавлявшему человека и внушавшему ему страх, пришло светлое, жизнеутверждающее, гуманистическое по своей сути искусство социализма, будившее творческие силы народных масс»⁵¹.

⁴⁶ Даурский В. Культура новой Монголии // Безбожник (журнал). 1939. № 8. С. 9–10.

⁴⁷ Вампилов Б. Искусство бурят-монгольского народа // Безбожник (газета). 1940. 20 октября. С. 1.

⁴⁸ Более точное наименование — сагаалган (*бур.*), цаган сар (*калм.*).

⁴⁹ Цыбиков Г.Ц. Цагалган // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 71–72.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 590. Л. 2.

⁵¹ Убушиева С.И. Атеистическая пропаганда в Калмыкии. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1986. С. 44.

III. Национальная и религиозная политика

В то же время главнейшую роль в разгроме буддийской культуры в СССР сыграли не пропаганда и создание сети советских учреждений культуры, а репрессии, с особой силой развернутые в отношении буддийской конфессии в 1930-х годах. Принудительное закрытие храмов и монастырей, аресты священнослужителей и верующих мирян привели к тотальной ликвидации очагов буддийской культуры, а также физическому исчезновению либо маргинализации буддийских священнослужителей — носителей и создателей этой культуры. В ходе репрессий были навсегда утрачены многие произведения буддийского искусства — картины, ксилографы, рукописи. Факты уничтожения ценностей, которое совершали в основном низовые органы милиции, были вопиющими. Листами рукописей, многие из которых имелись только в единственном экземпляре (их не было даже в Тибете), оклеивались оконные рамы. Ксилографы выбрасывались на улицу, где они и сгнивали. Книги, изъятые из Цугольского дацана, использовались как топливо⁵². Попытки спасти буддийские реликвии, предпринятые Институтом востоковедения АН СССР и Комиссией по делам религиозных культов при ВЦИК в 1934–1935 гг., запоздали, так как разграбление и варварское уничтожение многих памятников буддийской культуры к этому времени уже было практически завершено⁵³.

В конце 1930-х годов, после фактической ликвидации буддийской конфессии в СССР, борьба с буддийской культурой и искусством потеряла для власти актуальность. В годы Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда, в том числе антибуддийская, была приглушена — вначале в связи с необходимостью мобилизовать всех граждан страны, в том числе верующих, на защиту Отечества, впоследствии в связи со взятым советским руководством курсом на

⁵² ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 132. Л. 88–89.

⁵³ Там же. Л. 81, 97.

максимальное использование религиозных конфессий в целях внутренней и внешней политики.

Тем не менее буддийская культура оказалась поистине народной, что подтвердил интерес населения к возрождению буддийских религиозных институтов, которое произошло в 1946 г. (открытие Иволгинского дацана в Бурятии и создание Всесоюзного духовного управления буддистов). Верующие и ушедшие в «подполье» священнослужители сохранили буддийскую культуру как духовно, так и физически, спасая от уничтожения и поругания предметы религиозного искусства. Буддийские религиозные церемонии проводились в течение всей советской эпохи — как официально, так и тайно (см., например, Дело Дандарона, Флоренция, 1974). Окончательное возрождение буддийской культуры в нашей стране произошло в конце 1980-х годов.

IV. Наука и жизнь

БОРИС СТЕПАНОВ

ИНЕРЦИЯ РЕФОРМЫ: СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА 1950–1960-х ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ¹

Развитие исследований советского общества характеризовалось усложнением исследовательских представлений об обществе и советском человеке, о взаимоотношениях культуры и власти. Обращение к более сложным социальным и антропологическим моделям было связано как с преодолением идеологических составляющих предшествующих концепций (в частности, концепций тоталитаризма), так и с привлечением новых групп источников и методов анализа². Эти тенденции, впервые оформившиеся в области

¹ В данной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта 10-01-0163 «Советская историческая периодика 1940–1980-х гг.: структурные характеристики и конструирование образа дисциплины», выполненного в рамках программы Научного фонда НИУ ВШЭ в 2010–2012 гг.

² Об этом см., напр.: *Krylova A. The Tenacious Liberal Subject of Soviet Studies // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 121–131; Хаген М. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 127–171; Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // Политические исследования. 1998. № 1. С. 36–51.*

социальной и культурной истории, сегодня определяют и исследования по истории советской науки. Задача заключается в том, чтобы работа в этой области не только стала формой возвращения (и, шире, канонизации) забытых имен и инструментом формирования и трансляции корпоративной памяти, но и способствовала адекватному пониманию институциональных рамок взаимодействия ученых и культурных механизмов, определявших образ науки и ее место в жизни общества. В этой статье обсуждаются возможности такого изменения исследовательской оптики на материале исторической периодики 1950–1960-х годов.

Для изучения профессиональной периодики в контексте культурной политики представляется полезной перспектива социологии культуры. В рамках нижеследующих — поневоле эскизных — рассуждений не затрагивается роль исторических журналов в формировании того, что называется сегодня «политикой истории», т.е. их влияние на содержание советской исторической культуры в описываемый период. Речь пойдет о модернизации системы исторической периодики, о направлениях и пределах ее дифференциации в контексте взаимодействия политики, науки и журналистики и соответственно о том, в какой степени общими или специфическими были процессы, происходившие в академической сфере, по отношению к другим дисциплинам и, шире, другим сферам социальной и культурной жизни. Предлагаемый подход, как представляется, позволяет не только наметить возможности изучения культурной истории науки. Исследования журналов можно считать одной из лабораторий, где происходит выработка представлений о профессии. Выработка на этом материале нового понимания соотношения науки, культуры и политики могла бы стать вкладом в изменение характера профессиональной саморефлексии историков.

Советские исследования журналов были посвящены преимущественно становлению исторической пе-

риодики в первые послереволюционные десятилетия и призваны были представить ее формирование как часть партийного строительства и, естественно, носили апологетический по отношению к советской историографии характер. Эта концепция была спроецирована и на послевоенную периодику³. В постсоветской историографии деятельность исторических журналов рассматривалась преимущественно в контексте противостояния научного сообщества и власти. Не случайно безусловным лидером в рейтинге исследовательского интереса оказывается журнал «Вопросы истории» в период редакторства А.М. Панкратовой (1953–1957), ставший своего рода символом оттепельной историографии и породивший целую исследовательскую традицию⁴. Деятельность этого журнала рассматривается исследователями как одно из наиболее ярких проявлений курса на десталинизацию исторической науки как в содержательном (пересмотр господствующей версии истории и, в частности, доминировавшей интерпретации роли различных политических партий

³ См., напр.: *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика 1917 — середина 1930-х годов. М.: Наука, 1989. С. 4-5; *Алаторцева А.И.* Историческая периодика // *Очерки истории исторической науки в СССР*. Т. 5. М.: Наука, 1985. С. 91–109.

⁴ *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997; *Савельев А.В.* Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 годах // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 148–162; *Кан А.С.* Анна Панкратова и «Вопросы истории». Новаторский и критический исторический журнал в Советском Союзе в 1950-е годы // *Историк и время*. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН, 2000. С. 85–100. См. также: *Кныш Н.А.* Журнал «Вопросы истории» как транслятор образа советской исторической науки и историка // *Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.* / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. С. 248–287.

в революционном движении начала XX в.), так и в организационном плане (попытка перестройки научной коммуникации, организации публичных дискуссий и т.д.). В целом этот курс пользовался поддержкой партийного руководства и лично Н.С. Хрущева, однако в связи с изменением внутри- и внешнеполитической обстановки и в ходе противостояния, возникшего внутри исторического сообщества, деятельность журнала была осуждена постановлением ЦК «О журнале “Вопросы истории”» от 9 марта 1957 г.⁵, а созданная А.М. Панкратовой редколлегия — расформирована.

Подробный анализ деятельности журнала «Вопросы истории» оказался значимым с точки зрения выстраивания новой версии развития исторической науки, описывающей ее в контексте нарастания и надлома оттепельных веяний. Дальнейшее развитие подобных исследований потребовало выработки более сложного понимания политической подоплеки этих событий и корректировки жесткой версии о том, что этот процесс определялся противостоянием «культуры и власти», ретроградов и консерваторов. Привлечение документов из партийных архивов дало возможность увидеть этот конфликт не только как идеологическое противостояние, но и как результат борьбы внутри научного сообщества и самих партийных структур⁶. Другим результатом этих исследований можно считать стрем-

⁵ Этому постановлению предшествовало упоминание статей журнала в письме ЦК «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Об этом письме как реакции на венгерские события 1956 г. см., напр.: *Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. С. 154–155.*

⁶ Речь идет прежде всего о работах А.В. Савельева: *Савельев А.В. Номенклатурная борьба... С. 148–162; Савельев А.В. Необычная карьера академика А.М. Панкратовой. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 148–180.* Остается только пожалеть, что в этой обстоятельной биографии А.М. Панкратовой сюжет о перипетиях конфликта вокруг «Вопросов

ление не просто усмотреть в деятельности журнала «вехия оттепели», но оценить резонанс, вызванный и самой этой деятельностью, которую уже историки той эпохи соотносили с деятельностью «Нового мира»⁷, и разгромом журнала в 1957 г.

Если мы обратимся к систематическому анализу состояния исторической периодики, то последнее событие не будет уже выглядеть только лишь надломом оттепельных вехий, каким оно предстает в постсоветской историографии⁸. Стоит отметить, что постановление 1957 г. было последним в череде проработочных указов, объектом которых становились исторические журналы⁹. Вместе с тем практически одновременно с развернутой партийными инстанциями кампанией

истории» оказался в конечном счете встроен в нарратив о противостоянии подлинных историков и псевдоисториков.

⁷ См.: Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 3. С. 152; Кан А.С. Анна Панкратова и «Вопросы истории»... С. 99. По мнению А.В. Савельева, деятельность панкратовских «Вопросов истории», которую он характеризует как «легальный самиздат», представляет собой пример гораздо более радикальной демократизации, чем даже деятельность «Нового мира». См.: Савельев А.В. Необычная карьера... С. 163.

⁸ Наиболее радикальная формулировка этой позиции связана с утверждением, что события, развернувшиеся вокруг «Вопросов истории», перечеркнули «эвристическую направленность не только данного, но и других изданий специального научного профиля». См.: XX съезд КПСС и его исторические реальности / под ред. В.В. Журавлева. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. С. 250. Цит. по: Савельев А.В. Номенклатурная борьба... С. 158.

⁹ Это постановление, хотя и упоминалось как пример реализации принципа партийности в руководстве массовой печатью (см., напр.: От редакции // Отечественная история. 1957. № 3. С. 4; Боголюбов К.М. Журналы в СССР. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. С. 41), но все-таки, по-видимому, не оказало большого влияния на дальнейшее развитие политики КПСС в области пропаганды. Ср. характеристику этого постановления: Савельев А.В. Номенклатурная борьба... С. 158.

против «Вопросов истории» происходит радикальное преобразование системы исторических журналов, которое в определенном смысле можно считать началом нового этапа существования советской историографии и организации воспроизводства исторического знания в Советском Союзе.

Дело заключается в том, что созданные в 1945 г. «Вопросы истории» были на момент окончания войны почти единственным настоящим историческим журналом в СССР. Конечно, уже в первые послевоенные годы началось возрождение изданий, существовавших в довоенный период. Практически сразу же вслед за созданием «Вопросов истории» в 1946 г. были возрождены «Вестник древней истории» и «Советская этнография», «Ученые записки МГУ» и «Ученые записки ЛГУ» (с 1947 г.). В 1946 г. создан новый журнал «Преподавание истории в школе». Кроме того, было возрождено и несколько периодических сборников: «Исторические записки» (с 1945 г.), «Советская археология» (с 1945 г.) «Советское востоковедение» (с 1945 г.), «Труды МГИАИ» (с 1946 г.), «Исторический архив» (с 1949 г.), а также «Византийский временник», издание которого прекратилось еще в 1928 г.

Однако радикальный характер изменение журнального пространства приобрело в середине 1950-х годов. В 1955 г. сборники «Исторический архив» и «Советское востоковедение» были преобразованы в одноименные журналы, а в 1956 г. был создан бюллетень «Вопросы архивоведения», который через 10 лет будет превращен в журнал «Советские архивы». В 1957 г. возникли журналы «История СССР», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории КПСС», «Вестник истории мировой культуры», «Украинский исторический журнал», «Народна творчість та етнографія», на базе сборника «Советская археология» был создан одноименный журнал. Кроме того, в 1959 г. возрожден закрывшийся до войны «Военно-исторический журнал». Уже приведенный список изданий свидетельствует о

существенном расширении диапазона специализации академических изданий, происходившем в различных направлениях: и региональном (российская история, востоковедение), и хронологическом (современная всемирная история), и субдисциплинарном (археология, архивное дело), и предметном (история партии, история культуры, военная история). Таким образом, в системе научных коммуникаций была зафиксирована новая структура организации исторического знания, гораздо в большей степени соответствующая дифференцированному характеру современной науки и развернутая как совокупность крупных тематических блоков. В это же время в журнальном пространстве происходит институционализация и других гуманитарных дисциплин (примерами могут служить создание «Вопросов психологии», возникновение семейства литературоведческих журналов во главе с «Вопросами литературы» в 1957 г.), однако по масштабу она несопоставима с тем, что происходило в исторической науке.

Наряду с формированием системы журналов, издаваемых Академией наук, в организацию корпуса исторической периодики начинают включаться другие институты. Прежде всего это, конечно, касается системы высшего образования. В 1958 г. Министерство высшего и среднего специального образования начинает выпускать журнал «Научные доклады высшей школы», в рамках которого впоследствии будет создана и историческая серия. Гораздо более значимым в перспективе развития системы университетской периодики стало реформирование в 1950-е годы «Вестников» Московского и Ленинградского университетов¹⁰. Эти вестни-

¹⁰ В процессе этой реформы «Вестники» были разделены на серии и постепенно вытеснили «Ученые записки [соответствующих] университетов». По аналогии с этими изданиями в 1958 г. был создан «Вестник Киевского университета», впрочем, так и не вошедший в число специализированных изданий по истории, а 1969 г. — «Вестник Белорусского го-

ки сформируют тот образец, по которому будут впоследствии, в постсоветский период, перестраиваться университетские издания.

Важной составляющей формирования дифференцированной системы исторической периодики стало изменение принципов организации и оценки ее работы. Ярким свидетельством нового понимания роли исторического журнала можно считать выступление на Всесоюзном совещании историков в 1962 г. одного из главных партийных кураторов исторической науки, секретаря ЦК КПСС академика Б.Н. Пономарева, указавшего на основополагающее значение этих изданий в координации научных исследований, в информационном обеспечении науки и создании пространства для научных дискуссий¹¹. Вместе с тем в рамках новой системы деятельность каждого из журналов оценивалась уже не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения функциональности. Как и в массовой печати той эпохи, место каждого издания стали описывать при помощи понятия «профиль издания»¹². Особенно актуальным это стало для старых изданий, и в частности, для «Вопросов истории», которые оказались в кризисе после разгона панкратовской редакции. Обсуждение проблемы «профиля журнала» на заседании ученого совета, проходившее с участием известных историков М.В. Нечкиной, А.Л. Сидорова, В.М. Хвостова и др., демонстрирует попытки определить его задачи не только тематически

сударственного университета», историческая серия которого впоследствии станет главным специализированным периодическим изданием в Белоруссии.

¹¹ Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вопросы истории. 1963. № 1. С. 24–25.

¹² О значении проблематики профиля журнала в хрущевскую эпоху см.: Волковский Н.Л. Отечественная журналистика. 1950–2000: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 202–203.

IV. НАУКА И ЖИЗНЬ

(освещение «комплексных», «всемирно-исторических проблем», «элементы историографичности, проблемности, теории исторического процесса»), но и функционально («журнал журналов»)¹³.

Однако функциональность академических журналов была связана не только с определением их места в системе научной периодики, но и с их экономической эффективностью и способностью привлечь массовую аудиторию¹⁴. С организационной точки зрения движение навстречу читателю означало необходимость встраиваться в новую реформируемую систему книгораспространения, в которой тиражи в гораздо большей степени определялись при участии книготорговых организаций¹⁵. Знаковым явлением 1960-х годов, обсуждавшимся в том числе и на заседаниях редколлегий исторических журналов, стало интенсивное развитие научно-популярных изданий¹⁶. В 1960 г. руководство

¹³ Стенограмма заседания Ученого совета ИИ АН СССР от 28 апреля 1960 г. Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 451. Л. 74–102. Это нашло свое отражение в установочной публикации редколлегии. См.: О профиле и структуре журнала «Вопросы истории» // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 19–21. Пример того, как поиск профиля журнала может быть связан с осмыслением жанров исторических текстов, дает проведенное в том же 1960 г. обсуждение судьбы созданного еще до войны периодического издания «Исторические записки»: Стенограмма заседания Ученого совета ИИ АН СССР от 27 октября 1960 г. Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 458. Л. 29.

¹⁴ С точки зрения попытки придать научному знанию новый публичный статус показательны также и то, что параллельно с созданием академических журналов были закрыты многие «Труды», «Краткие сообщения и доклады», которые выпускались академическими институтами. См.: *Алаторцева А.И.* Историческая периодика... С. 101–102. Некоторые из изданий были созданы буквально за два-три года до этого.

¹⁵ *Богданов Н.Г., Вяземский Б.А.* Справочник журналиста. Л.: Ленинград. изд-во, 1971. С. 128–129.

¹⁶ Наиболее ярким выражением этого процесса, как известно, стал журнал «Наука и жизнь», тираж которого на

Академии наук обращается к редакциям журналов с требованием представить свои предложения о мерах по повышению эффективности работы журналов и улучшению системы их распространения. По мнению редакторов, этому препятствуют рамки системы академического книгоиздания, связанные как с высокой себестоимостью производства журналов и нежеланием РИСО увеличивать тиражи, так и с ограниченными возможностями системы распространения академических журналов¹⁷.

Поиски решения этой проблемы достаточно сильно повлияли как на форму журналов, которые начинают публиковать на обложке анонсы номеров, так и на их содержание, в котором увеличивается доля популярных жанров (очерки, мемуары, биографии и т.д.) и публикаций. Свидетельством этого может служить выдержка из анонса одного из номеров журнала «Новая и новейшая история»: «Наряду с историческими исследованиями “Новая и новейшая история” публикует научно-популярные статьи, очерки, мемуары государственных и военных деятелей СССР и зарубежных стран. Особое внимание уделяется нерешенным проблемам истории Второй мировой войны, а также движению сопротивления против фашистских захватчиков. Среди авторов публикуемых материалов —

протяжении 1960-х годов увеличился более чем в 15 раз — с 206 тыс. до 3106 тыс. экземпляров.

¹⁷ Переписка с президиумом, РИСО и учреждениями АН СССР о работе журналов отделения. Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 330. Л. 22–43. Ср. также: *Осипян Г.С.* О работе издательства АН СССР по выпуску исторической литературы // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 191–196. К этому периоду относится и реорганизация издательской базы Академии, завершившаяся созданием издательства «Наука». См. об этом: *Комков Г.Д.* Крупнейший центр научной печати // Вестник АН СССР. 1973. Т. 43. № 6. С. 106; *Васильев В.И.* Становление и развитие издательского комплекса РАН (к 270-летию академического книгоиздания) // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 4. С. 349–358.

видные военачальники, политические и общественные деятели, дипломаты. Многочисленные эпизоды, привлекающие остротой, драматичностью и невероятностью ситуаций лежат в основе работы А.М. Некрича “В лабиринтах тайной войны”. ...Интерес читателя вызовет статья “Терроризм в политической жизни США (от убийства Линкольна до убийства Кеннеди)”. Очерки “Фавориты фортуны (к социологии авантюризма в XVIII в.)” — яркий рассказ о нравах минувшей эпохи. В журнале введен раздел “Из зарубежной книги”. В нем читатель найдет отрывки из наиболее интересных работ иностранных историков»¹⁸.

Сформировавшаяся на рубеже 1960-х годов система исторических журналов не претерпела сколько-нибудь принципиальных изменений вплоть до эпохи перестройки и осталась — как и в целом система советской периодики — весьма недифференцированной¹⁹. Парадокс произошедшей на рубеже 1950–1960-х годов модернизации заключался в том, что попытка сделать эти

¹⁸ По свидетельству В.Д. Вознесенского, одним из принципов академика А.Л. Нарочницкого, назначенного в 1962 г. главным редактором «Новой и новейшей истории» и круто изменившим работу журнала, был следующий: «В журнале должна быть кровь и женщины». Комментируя этот принцип, В.Д. Вознесенский отмечал: «Должно быть все популярно, все привлекательно. Это, так сказать, фигурально, конечно, кровь и женщины, но чтобы это все читателя привлекло. То есть исторические сюжеты, исторические какие-то исследовательские работы, но облеченные в литературную хорошую форму, которая привлекала бы внимание читателя, и он бы читал этот материал и, одновременно, приобщался к знанию истории. И с этого времени, с момента Нарочницкого, эта линия все время соблюдалась и при нем, и при следующем редакторе, Тихвинском, ныне академике, и при Севостьянове» (Интервью с В.Д. Вознесенским. 7.05.2010 — архив Б.Е. Степанова).

¹⁹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Журнальная структура и социальные процессы // Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994. С. 288–352.

издания частью более дифференцированной и динамичной системы организации печати не сопровождалась развитием инфраструктуры изданий, созданием приложений, библиотечек бюллетеней и т.д.²⁰ Несмотря на интенсификацию и количественный рост академического научного сообщества и, соответственно, научной продукции, количество этих изданий, периодичность их выхода и объемы остались практически неизменными. Начиная с конца 1950-х годов в сообществе историков неоднократно возникали проекты создания популярного исторического журнала, однако до конца 1980-х годов ни один из них не был реализован²¹. При этом попытка соединить в исторических журналах функции не только профессиональных, но и популярных изданий довольно существенно повлияла на структуру этих изданий. В 1990-е годы во многом

²⁰ Хромов С.С. Идеино-воспитательные функции советской исторической науки // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 18. По данным С.С. Хромова, серийно организованное популярное историческое книгоиздание исчерпывалось историко-революционными и военными сериями.

²¹ Так, в 1986 г. обсуждался конкретный проект организации такого издания при участии Отделения истории АН СССР и издательства «Молодая гвардия». См.: Павленко В.Н. Круглый стол: Каким быть научно-популярному журналу по истории? // Вопросы истории. № 12. С. 148–149. Основанием для проектируемого журнала должен был послужить опыт издания популярных сборников «История» и «Памятники отечества». Однако этот проект так и не был реализован. Более успешным, по-видимому, можно считать попытки организовать взаимодействие между научными и популярными изданиями, такими как «Огонек» и «Неделя». См.: Всесоюзное совещание историков. I. Пленарные заседания 18–19 декабря // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 22. Показательна в этом смысле описываемая Ю.А. Поляковым история с публикацией мемуаров В.В. Шульгина. См.: Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 347–360. Как известно, дефициты изданий по гуманитарной тематике в некоторой степени компенсировались естественно-научными популярными изданиями, такими как «Наука и жизнь», «Химия и жизнь» и др.

IV. Наука и жизнь

распалась сформированная в этих изданиях система мониторинга научной жизни, призванная координировать научные исследования. Между тем в воспроизводстве популярных рубрик можно увидеть инерцию реформы конца 1950-х — начала 1960-х годов, которая продолжала и отчасти продолжает действовать и в 1990–2000-е в ситуации резкого падения тиражей и утраты государственной поддержки изданий.

© Степанов Б., 2013

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ В СССР КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Парадокс в отношениях науки и общества заключается в том, что наука, с одной стороны, всегда стремилась подчеркивать собственную идеологическую, институциональную, политическую автономию, а с другой — не просто реагировала на запросы общества, но активно обращалась за общественной поддержкой и вниманием, не пренебрегая данной формой легитимации. Активность ученых в диалоге с обществом базировалась не только на ожиданиях финансовой поддержки и обретении статусной позиции, но и на символическом подкреплении своей профессиональной деятельности. Эпоха Просвещения заложила идейные и практические основания популяризации науки, выведя эксперимент из тайных алхимических лабораторий на свет аристократических салонов, кунсткамер и рыночных площадей, сделав искусство эффектной демонстрации научных результатов необходимым навыком ученого. Увлечение просветителей масштабными проектами разнообразных энциклопедий опиралось на желание сделать систематизированные и верифицированные научные знания доступными для широкой аудитории. В XIX в. достижения науки стали по-настоящему видимыми, войдя в повседневную жизнь европейских обществ вместе с паровым двига-

¹ Статья подготовлена в рамках коллективного исследовательского проекта «Popular Science: к социологическому пониманию пограничных состояний научного знания» № 12-05-0016, поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ и реализуемого Научно-учебной группой исследований науки и профессий (<http://soc.hse.ru/profscience/>).

телем, телеграфом, дагерротипами, что подогревало интерес к «науке», понимаемой широко — от почти любительского изобретательства до собственно научного поиска в академических лабораториях. Всемирные выставки стали витриной научно-технического прогресса, который, как тогда казалось, идет рука об руку с прогрессом социальным. На волне энтузиазма и веры в прогресс возникали многочисленные научные общества, учреждавшие научно-популярные журналы, проводившие циклы публичных лекций и послужившие связующим звеном между наукой и широкой аудиторией. Магия науки очаровывала так же сильно, как и религия, а семена просвещенческого антиклерикального настроения многих интеллектуалов дали обильные всходы в гражданских верованиях нового типа — от позитивизма до фундаменталистского материализма. В России, как и в других европейских странах, любовь к науке, выразившаяся в организации разнообразных просветительских обществ, нередко замещала другие формы гражданской и политической активности².

Появление советской индустрии популяризации науки было предопределено как предшествующим эффектом, который произвели «чудеса науки» на широкую публику, так и упрощенной версией марксизма, материализм которого из философской доктрины превратился в доктрину идеологическую. Кроме того, народническое движение пореформенной России в совокупности со специфическим сознанием русской интеллигенции сформировало собственные практики популяризации научных знаний для широкой аудитории посредством народных школ, библиотек, курсов,

² См.: *Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society*. Harvard, 2009; *Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 77–89.

публичных лекций и т.п.³ Вместе с ростом грамотности во второй половине XIX в. активизировалась издательская деятельность в этой сфере: специальные книжные серии и журналы для семейного чтения обогащали читателей географическими, техническими, естественно-научными знаниями. Например, первая версия знаменитого научно-популярного журнала «Наука и жизнь» была выпущена в 1890 г.

Таким образом, популяризация научно-технических знаний в СССР была всеохватывающим массовым феноменом, вплетенным в культурную политику, идеологическую работу и систему профессиональной ориентации. Обращение к социальной истории популяризации науки в СССР позволяет лучше понять суть идеологического проекта советского государства, который может служить одним из примеров попытки буквалистской реализации идей эпохи Просвещения, прошедших перековку в марксистских, позитивистских, народнических интеллектуальных течениях XIX в.

Прежде всего можно обозначить несколько функций распространения научно-популярных знаний в советский период. Во-первых, это замещение религиозного мировоззрения упрощенной версией научного, материалистического мировоззрения. Религиозная картина мира уже в XIX в. перестала быть довлеющей в образованной среде, хотя и оставалась доминирующей на массовом уровне. Революция 1917 г. предполагала не только глубокое переустройство политического, социального и экономического уклада российской жизни, но в первую очередь создание «нового человека», наделенного сознанием и мировоззрением нового типа. Обеспечить создание такого человека были призваны радикальный атеизм и материализм, подпитываемые показательными научными фактами. Распро-

³ Отметим, что реформистские идеи, основанные на просвещении, стали основой возникновения концепции *life-long education* (непрерывного образования) в Великобритании.

странение научной информации среди широких масс стало необходимым инструментом строительства «нового человека», освобожденного от религиозных предрассудков, хотя и наделенного новой формой верований — абсолютной верой в науку.

Во-вторых, индустриализация и нужды армии требовали технически подготовленной и образованной рабочей силы, готовой принять технократическую идеологию, в которой современные наука и техника становились необходимым условием построения коммунизма. Поэтому распространение научно-технических знаний отвечало прагматическим интересам государства, и соответствующая система пронизывала всю страну, охватывая все возрастные категории, хотя акцент делался на школьников, молодежь и трудоспособное население.

Попробуем вкратце охарактеризовать некоторые ключевые этапы интегрирования популяризации науки в культурную политику СССР. Первые шаги были предприняты сразу после революции, когда в 1919 г. в Госиздате организовали научно-популярный отдел, занимавшийся выпуском просветительских брошюр для разных читательских аудиторий: «Начатки науки», «Наука для всех», «Книжная полка рабочего», «Природа вокруг нас» и др. Все 1920-е годы прошли под знаком ликвидации безграмотности, становления начального и среднего образования, атеистической пропаганды, где популяризация научно-технических знаний играла существенную роль. Тогда были созданы журналы «Знание—сила» (1926), «Юный натуралист» (1928), которые изначально ориентировались на подростков и молодую аудиторию. Многочисленные технические общества и клубы, включая Осоавиахим, а также пионерская и комсомольская организации стали важными площадками распространения технических знаний и материалистического мировоззрения.

Новый этап формирования системы распространения научно-популярных знаний наступил вместе

с разгромом «старой» Академии наук в 1929–1930 гг., когда в состав Академии вошла группа «академиков-коммунистов», в числе которых был известный теоретик марксизма Н.И. Бухарин. Именно он активизировал деятельность Академии наук по распространению научных знаний и популяризации истории науки и техники⁴. Бухарин призвал к демократизации знания⁵, что было воплощено в создании новых научно-популярных изданий и в организации Института науки и техники, который был призван заниматься систематическим обобщением и изучением научной, промышленной и технической истории страны. При участии Бухарина инициировано издание серии классических работ по естествознанию, которая открылась публикацией труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» в переводе К.А. Тимирязева (под ред. Н.И. Вавилова). С 1933 г. начал издаваться журнал «Техника молодежи», в концепции которого были реализованы идеи Бухарина о тесной связи распространения научно-технических знаний среди молодежи с ростом эффективности промышленности. И хотя вместе с опалой, а затем и гибелью Бухарина в 1938 г. многие его начинания были прекращены, популяризация науки стала неотъемлемой частью деятельности Академии наук.

Следующая кампания популяризации науки пришла на послевоенные годы сталинского правления. Эта кампания шла параллельно с идеологической «охотой на ведьм», развернувшейся почти по всем научным дисциплинам — от биологии до философии, когда академические дискуссии были вытеснены обвинениями оппонентов в политической неблагонадежности и целые научные школы оказались под ударом репрес-

⁴ Подробнее см.: Есаков В.Д. Бухарин Н.И. и Академия наук // Природа. 1988. № 9. С. 80–96.

⁵ Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6–11 апреля 1931 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1931. С. 60–61.

сий. Конечно, самым известным примером торжества лженауки была «лысенковщина» в биологии, однако схожие, хотя и менее громкие политические кампании разворачивались и в других дисциплинах. Общим здесь стала подмена научной аргументации политической и стигматизация несогласных как «приспешников вражеской буржуазной науки». В конце 1940-х — начале 1950-х годов эти кампании были подкреплены «борьбой с космополитизмом», что подразумевало организованную волну антисемитизма, апофеозом которой стало «дело врачей» 1952–1953 гг., к счастью, не завершённое из-за смерти «отца народов». Иначе говоря, сама советская наука в 1945–1953 гг. нередко давала вполне яркие примеры искажений принципов научной дискуссии и могла служить источником лженаучных знаний, если мы имеем в виду мертоновское различие научного и ненаучного знания.

Другим важным фоном культурной политики в сфере популяризации науки стал патриотический имперский проект, возникший еще во время Великой Отечественной войны, но получивший настоящее идеологическое воплощение в последние годы сталинского правления. Суть сталинского патриотизма заключалась в утверждении лидерства «советского» и «русского» во всех сферах жизни — от научных открытий и изобретений до литературы, искусства, военного дела и т.п. Пожалуй, содержание этого идеологического вектора наилучшим образом характеризуется ироническим высказыванием: «Россия — родина слонов», когда основные изобретения и открытия приписывались русской и советской науке. Симбиоз популяризации научных знаний и патриотической культурной политики осуществлялся по нескольким направлениям. Прежде всего подчеркивалось мировое лидерство советской науки, опережающей в своем развитии науку буржуазных стран. Этот тезис оказался настолько живучим, что и сегодня в дискуссиях о путях реформирования российской науки и высшего образования

нередко используется аргументация, отсылающая к «уникальным достижениям советской академической системы», которые, конечно, были, но к середине 1970-х годов система находилась в застое.

Именно в этот период жанр «жизнь замечательных людей» применительно к людям науки обрел черты житийного нарратива, утвердившего пантеон «выдающихся русских и советских ученых и изобретателей». По законам жанра читателям или зрителям предлагалось типизированное жизнеописание героя-изобретателя или талантливого ученого. Если речь шла о дореволюционных временах, то чаще всего типичным героем был «изобретатель-самородок из народа» или «ученый — русский интеллигент», внешне схожий с А.П. Чеховым. Житие изобретателя-самородка нередко предполагало, что он был крепостным крестьянином или рабочим казенного завода, которые даже в условиях гнета помещиков или заводчиков строили первые велосипеды, подводные лодки, воздушные шары и паровозы, т.е. «подковывали блоху», подобно лесковскому Левше. По законам жанра, судьба смекалистых самородков оказывалась печальной — самодуры-помещики были неспособны оценить порыв фантазии, изобретатель воспринимался как подозрительный чужак, а сам он чаще всего вскорости умирал, оставаясь непонятым окружающими. Биография ученого-подвижника тоже имела типовые элементы: трудное детство и путь к университетскому образованию сквозь бедность и невзгоды, затем упорный труд, неприятие со стороны косных царских академиков и чиновников, открытие, после которого следует тяжелая борьба за признание в среде ретроградной профессуры. Конец типичной биографии русского ученого имел варианты — либо отсутствие прижизненного признания и преждевременная кончина, либо победа над скептиками и заслуженная слава. Примером таких историй могут служить фильмы «Александр Попов» (1949) об изобретателе радио, «Пржевальский» (1951)

о русском путешественнике и географе. Оба фильма сняты в эпоху «малюкартинья»⁶.

Буквально через несколько дней после смерти И.В. Сталина в «Литературной газете» была опубликована статья известного писателя-фантаста и ученого И.А. Ефремова, в которой он наметил принципы и направления распространения научно-технических знаний⁷. Во-первых, предлагалось сделать научно-популярную литературу по-настоящему занимательной и демонстрирующей связи между различными науками — то, что сегодня назвали бы междисциплинарным подходом. Во-вторых, Ефремов критикует доминирующий в то время жанр «историко-биографического исследования», когда за описанием биографии ученого теряется суть сделанных им открытий и научных достижений. Писатель полагает долгом каждого ученого активное участие в популяризации науки. В-третьих, в этой статье утверждалось, что научно-популярная литература должна не просто доступным языком описывать научные факты и открытия, относительно которых уже есть конвенция научного сообщества, но и обсуждать новые гипотезы, спорные теории и факты. В-четвертых, Ефремов уделяет много внимания роли фантастической литературы в популяризации науки. По его мнению, эта литература является «могучим средством пропаганды и распространения научных

⁶ «Малюкартинья» — характеристика состояния советского кино в период 1945–1953 гг., когда был резко сокращен выпуск новых фильмов в СССР. Предполагалось, что каждый фильм должен стать шедевром соцреализма. В этот период, помимо жизнеутрадных комедий и хвалебных од Сталину, были сняты фильмы в жанре патриотических биографий русских ученых, путешественников, композиторов. Считается, что важным этапом в формировании государственной политики «малюкартинья» стало постановление ЦК ВКП(б) «О кинофильме “Большая жизнь”» от 4 сентября 1946 г.

⁷ Ефремов И.А. О широкой популяризации науки // Литературная газета. 1953. 24 марта. С. 3.

знаний»⁸. В заключении статьи ученый и писатель-фантаст подчеркивает ведущую роль Академии наук на этом поприще. Небольшую статью Ефремова можно назвать программной, поскольку она предопределила развитие индустрии распространения научно-популярных знаний в СССР вплоть до 1991 г.

За несколько лет до выхода статьи И.А. Ефремова была создана организация, которая сыграла существенную роль в популяризации научных знаний. Речь идет о Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. — общество «Знание»), чья работа была призвана обеспечить тотальное проникновение научно-популярных знаний в массы посредством лекций, издания журналов и брошюр, выставочной работы. Недаром «лектор по линии общества “Знание”» стал персонажем интеллигентского фольклора 1960–1980-х годов: при этом сами представители интеллигенции становились лекторами общества «Знание», поскольку это давало дополнительный заработок, точно так же как многие художники неофициального искусства «халтурили», подрабатывая заказами в сфере монументальной пропаганды, оформляя интерьеры предприятий, дворцов культуры и домов отдыха. Общество «Знание» миллионными тиражами распространяло малоформатные брошюры, посвященные самым разным научным дисциплинам и проблемам: от кибернетики до тайны Тунгусского метеорита. Ежегодно обществом издавалось 750 наименований книг и брошюр общим тиражом около 160 млн экземпляров⁹, многие из которых были доступны в любой сельской и районной библиотеке. И хотя знания, почерпну-

⁸ Там же.

⁹ Григорян Г. Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР // Новые знания. Образовательный журнал для взрослых. 2012. № 10 (<http://novznanian.ru/>).

IV. НАУКА И ЖИЗНЬ

тые из таких брошюр, считались поверхностными, масштабы работы этой организации в значительной степени определяли характер и методы популяризации научного знания в СССР, тем более что авторы книг и брошюр нередко становились известные ученые, а во главе общества стояли нобелевские лауреаты — академики Н.Н. Семёнов (1960–1963) и Н.Г. Басов (1978–1989)¹⁰. Впрочем, к концу советской эпохи формы работы общества «Знание» выглядели все более архаичными, что отчасти предопределило его распад в 1991 г.

Но ядро индустрии популяризации науки, конечно, составляли научно-популярные журналы, ориентированные на все возрастные группы и читательские аудитории с разным уровнем образования. К концу 1960-х годов номенклатура периодических изданий в основном сложилась¹¹ и просуществовала в неизменном виде до распада СССР. Тогда же определились и концепции этих изданий, которым часть из них следует до сих пор¹².

В 1956 г. стал издаваться журнал «Юный техник», рассчитанный на подростков, интересующихся техническим творчеством; в 1961 г. журнал «Наука и жизнь» изменил концепцию и стал изданием для всей семьи — научно-популярные статьи в нем соседствовали с кроссвордами, полезными советами и рекомендациями по сборке кубика Рубика:

¹⁰ Григорян Г. Указ. соч.

¹¹ Журнал «Квант», первый номер которого вышел в 1970 г., своим созданием завершил формирование системы научно-популярных журналов СССР.

¹² При характеристике журналов научно-популярной тематики используются материалы интервью с российскими популяризаторами науки и научными журналистами, которые были получены в рамках проекта «Popular Science: к социологическому пониманию пограничных состояний научного знания» № 12-05-0016, поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ.

Тогда вперед пошли семейные ценности, и у нас в журнале появилось вязание, садоводство, какие-то поделки руками, какие-то разделы для детей. Они занимали примерно треть журнала, а две трети всё равно были рассказы о науке: беседы с учеными, были и переводные статьи. В общем, журнал для всей семьи. Предполагалось, что там и мужчина найдет себе, что почитать про технику, про науку, и для женщины будет, если она не интересуется естественными науками, то для нее есть там история, есть литература какая-то, и для тех, кто любит прикладные вещи тоже что-то должно быть (редактор научно-популярного журнала).

Если говорить о содержании и стиле научно-популярных журналов 1960–1980-х годов, то они соответствовали ожиданиям и потребностям появившейся многочисленной группы советской интеллигенции, детища массового инженерного образования, оттепели и быстрой послевоенной урбанизации. Поэтому журнальная верстка и иллюстративный ряд были вполне современными, обязательная идеологическая программа ограничивалась 10–15 страницами, посвященными очередной революционной годовщине или партийному съезду, в начале номера, тогда как весь остальной номер содержал добротные материалы научно-популярного характера. Другое дело, что перестроечные массовые увлечения НЛО, экстрасенсами, снежным человеком и другими «загадками планеты» берут свое начало в занимательных материалах массовой советской научно-популярной литературы эпохи застоя. Недаром в романе В. Орлова «Альтист Данилов» окружение главного героя интенсивно обменивается слухами и суевериями о пришельцах, футурологии, геологических находках на вулкане Шивелуч и уникальном Синем Быке. Весь этот городской фольклор сотрудииков бесчисленных НИИ и канцелярий в значительной мере появился в результате чтения научно-популярных журналов, в которых серьезные полуакадемические статьи разбавлялись увлекательными очерками о необъяснимых современной наукой феноменах.

Пожалуй, самым эстетским с точки зрения верстки, иллюстративного ряда и содержания стал журнал «Химия и жизнь», созданный по вполне банальному поводу: в начале 1960-х годов стартовала кампания по химизации народного хозяйства. Кампания предусматривала интенсивное развитие химической промышленности, производства полимеров и удобрений. Население и даже многие специалисты с подозрением относились к новым материалам и технологиям в области современной химии, а поэтому требовалась информационно-разъяснительная работа, которая отчасти и была возложена на новый журнал. Однако миссия издания вышла далеко за пределы популяризации химии, и в 1970–1980-е годы журнал стал привлекать художников, писателей, молодых ученых, многие из которых впоследствии стали известными популяризаторами науки и научными журналистами.

Все, конечно, читали журнал «Химия и жизнь», он был такой вполне культовый, между строк всё так вычитывали: всё это было ново, интересно, необычно — современный был журнал. А потом этот журнал объявил набор в школу-студию научной журналистики. На самом деле, это были такие клубные посиделки, вечеринки в редакции (редактор научного журнала).

«Химия и жизнь» привлекала в качестве иллюстраторов известных художников, что способствовало становлению Science Art в советском изобразительном искусстве. Даже для современного читателя содержание, язык, графика и верстка журнала 1970–1980-х годов не выглядят устаревшими, а многие материалы до сих пор читаются с интересом.

Советская фантастика многому обязана научно-популярным журналам. Следуя идее И.А. Ефремова об использовании фантастики для повышения интереса аудитории к науке, все ведущие научно-популярные журналы страны («Знание—сила», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Техника молодежи»

и др.) имели рубрики, в которых публиковались фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. Да и в целом на фоне успехов освоения космоса, развития атомной энергетики и распространения телевидения и других технических новинок фантастика воспринималась не только как полет свободной мысли, устремленной в неопределенное грядущее, но и как описание вполне реалистичного и вероятного будущего, где наука и технический прогресс станут эффективным средством построения коммунизма. Другое дело, что бесчисленные романы о космических полетах «героических советских ученых» с детальным описанием технических новинок быстро наскучили читателям, а интерес самих авторов сместился к рассмотрению проблем общественного развития. В частности, эта трансформация произошла с А.Н. и Б.Н. Стругацкими. Уже во второй половине 1960-х годов они сами иронизировали над своими первыми произведениями («Страна багровых туч», «Стажеры») в повести «Понедельник начинается в субботу», главный герой которой попадает в картонный мир идеологически выдержанной советской фантастики 1950-х годов.

Визуальные медиа (кино и телевидение) также активно участвовали в популяризации науки и технических знаний. Мы уже упоминали о послевоенных картинах, посвященных биографиям Попова и Пржевальского. Конечно, в новостной кинохронике 1930–1950-х годов, предвещающей большинство киносеансов, регулярно появлялись сюжеты о героических ученых-полярниках, успехах советской агрономии и медицины, что работало на пропаганду советской науки. Были и интересные опыты в области кинофантастики, когда создатели фильмов стремились придерживаться имеющихся на тот момент научных сведений о невесомости, ландшафте других планет и устройстве межпланетных кораблей. Показательными здесь стали фильмы «Космический рейс» (1935), где научным кон-

сультантом был К.Э. Циолковский, и «Планета бурь» (1962), который поставил талантливый режиссер научно-популярного кино на космическую тематику П.В. Клушанцев.

Центральная студия научно-популярных и учебных фильмов («Центрнаучфильм») не только поставила на конвейер производство учебного кино для школ, училищ и вузов, но в позднесоветское время послужила площадкой оригинального авторского научно-популярного кино, лидером которого был В.М. Кобрин, использовавший поэтику артефактов научной лаборатории для отображения сложной системы отношений между человеческим сознанием, научными фактами и философскими размышлениями. Сам Кобрин так характеризовал место науки и научно-популярного кино в советском мировоззрении:

Немаловажную роль при формировании «советского сознания» играла «советская наука». Будучи связанной с научно-техническим прогрессом, она, с одной стороны, пробуждала чрезмерные социальные ожидания. С другой стороны, она элиминировала себя как науку, когда естественно-научный критерий человек-универсум применила к отношению индивидуум и государство-партия... Основой и главной идеей советского «естественно-научного» мировоззрения является то, что вершина длившейся миллионы лет эволюции жизни на Земле выражена в триумфе «гомо советикуса». Научно-популярное кино в Советском Союзе должно было служить этой сверхидее... Справедливости ради нужно сказать, что научно-популярное кино всегда было очень любимо публикой. С наступлением культурной революции 1920-х и 1930-х годов с помощью государства распространялись иллюзии, что познание мира элементарно и что всякое научное усилие вознаграждается, если только оно совпадает с идеями, идущими сверху. Вероятно, поэтому для меня и моих друзей было очень важно внести именно в научно-популярный фильм неопределенность, некоторую таинственность и в результате вместо этакого «советского порно» делать многозначное эротичное кино. Само собой разумеется, что на этом пути было много сопротивления... но все

же очень важной была следующая точка зрения: а именно — окружающий нас мир намного сложнее, чем все те застывшие модели, которые мы должны были представлять¹³.

На массовую телеаудиторию многие годы работали три научно-познавательные программы, которые охватывали географию, биологию и естественно-научные дисциплины. Этими программами были «Клуб кинопутешествий» (ведущий Ю.А. Сенкевич), «В мире животных» (ведущие В.М. Песков и Н.Н. Дроздов) и «Очевидное — невероятное» (ведущий С.П. Капица). Эти три телепрограммы, как и научно-популярные журналы периода застоя, могут служить иллюстрацией формирования «мягкой» политики популяризации науки.

Как уже отмечалось, необходимость содержательного обогащения и смягчения форм распространения научных знаний обуславливалась изменившимся характером аудитории, которая, с одной стороны, стала более образованной и требовательной, а с другой — сторонилась прямолинейной пропаганды превосходства советской науки. Поэтому последние три советских десятилетия стали периодом расцвета научно-популярной тематики. Занимательность, отсутствие дидактики, содержательная насыщенность, современный иллюстративный и визуальный ряд отличали произведения научно-популярного жанра. В немалой степени этому способствовал приход туда талантливых журналистов, ученых, операторов и графиков, которые не хотели работать на идеологическом фронте, с одной стороны, и не желали покидать профессию — с другой. Поэтому относительно неполитизированный жанр «науч-попа» стал удобной нишей для них, точно так же как детские журналы и литера-

¹³ Кобрин В.М. Несколько вопросов к Владимиру Кобрину, заданных Сабиной Хэнсен, литературоведом. См. сайт, посвященный памяти В. Кобрин: <http://kobrin.su/st3.html>

тура привлекали неформальных художников уровня И.И. Кабакова и В.Д. Пивоварова.

В советское время платили очень приличные гонорары. Сотрудники нашего журнала получали нормальную зарплату, но плюс гонорары, которые они получали за публикации в нашем журнале. Нас ограничивали, мы писали не очень много, но был великий спрос на нас в других изданиях, поскольку мы могли рассказывать просто о сложном. Какой-нибудь журнал «Пионер», «Радио», Общество «Знание» выпускало брошюры — им позарез нужны были авторы. То есть в итоге это выливалось в очень приличные деньги. И, скажем, мои коллеги могли позволить себе купить машину на эти собранные деньги. Именно потому, что этот труд ценился и высоко оплачивался. Потому что все понимали, что это могут немногие, это такая работа, вполне себе тяжелая (редактор научно-популярного журнала).

В целом на фоне информационной закрытости советской системы индустрия популяризации науки стала очень важным фактором формирования мировоззрения, языка и читательских привычек советской интеллигенции, поскольку не только открывала двери в мир научных открытий, но и знакомила с современной литературой, искусством, мировыми техническими новинками. В эпоху позднего СССР прагматические задачи распространения научных и технических знаний были существенно дополнены функциями организации семейного досуга, участием в создании читательской культуры и хобби.

Данный очерк не позволяет сделать детальный обзор форм, инструментов и подходов к популяризации науки в Советском Союзе. В частности, здесь мы не рассматриваем роль естественно-научных и технических музеев, так же как и детских и подростковых кружков, которые служили мощными инструментами воздействия на мировоззрение. Мы лишь обратили внимание на ключевые этапы трансформации науки в контексте изменений культурной политики, сделав акцент на роли научно-популярных журналов, худо-

жественного и документального кино, а также показав, каким образом стиль и практики советской популяризации науки менялись вместе с идеологическими перипетиями и ожиданиями населения, для которого увлечение популярной наукой стало неотъемлемой частью культурного досуга.

V. Учреждения и практики

ЕЛЕНА ЮШКОВА

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР НА ШКОЛУ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН В МОСКВЕ В 1920-е ГОДЫ

Воспитание гармонично развитого и свободного человека было одной из давних идей Айседоры Дункан. Танцовщица тратила огромные деньги на организацию и поддержание своих школ: сначала — в Германии (1904), затем, при поддержке миллионера Зингера, — во Франции (1914). Поскольку в послевоенное время ни одна европейская организация не соглашалась финансировать дорогостоящий образовательный проект, Дункан в 1921 г. приняла приглашение Советского правительства основать школу в Москве¹. 24 июля 1921 г. Айседора Дункан приезжает в Советскую Россию с целью создания школы для обучения как минимум 1000 детей.

История создания школы вполне может служить своего рода призмой, через которую преломились основные моменты формирования политики советского государства в 1920-е годы не только в сфере культуры, но и в сферах педагогики, спорта, органи-

¹ См.: Дункан И., Макдуггал А.Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / пер. с англ. М.: Московский рабочий, 1995. С. 25–26; Маквей Г. Московская школа Айседоры Дункан (1921–1949) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2004. С. 329–331.

зации массовых праздников. Школа Дункан в Москве, безусловно, затрагивала и международные отношения, и процесс становления советского театра, танца, пластической культуры, а также междисциплинарной сферы, которая получила название «искусство движения»². Кроме того, на примере сотрудничества с Дункан мы видим, как государство училось использовать зарубежных интеллектуалов для повышения своего престижа, что впоследствии станет вполне обычной практикой в СССР.

Приезд Дункан в РСФСР летом 1921 г. казался бы явлением удивительным, если бы не ряд обстоятельств. Айседора еще до революции пользовалась в России огромным успехом (гастроли проходили в 1904, 1905, 1907–1908, 1913 гг.), была лично знакома со многими представителями российской культуры. Что еще немаловажно, Дункан была революционеркой в искусстве и достаточно авантюристичным и бесстрашным человеком. Кроме того, после потери детей в 1913 г. она стремилась в «горячие» точки — в 1913 г. даже работала медсестрой на Балканах³. В репертуаре Дункан уже были «Марсельеза», «Славянский марш», которые описывались современниками как революционные по духу. В начале 1920-х годов она интенсивно искала возможность продолжать свою педагогическую работу, но не смогла реализовать эту идею в Европе.

На такую подготовленную почву попало приглашение молодого советского государства, которое исходи-

² См.: Жбанкова Е.В. «Искусство движения» в русской культуре конца XIX века — 1920-х годов: от эстетической идеи к идеологической установке: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004; Сироткина И.Е. Свободное движение и пластический танец в России. М.: НЛО, 2011–2012.

³ Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / автор-сост. А.А. Кац. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007. С. 658.

ло от полпреда страны в Лондоне Л.Б. Красина, увидевшего Дункан на концерте в английской столице в начале 1921 г.⁴ Затем довольно быстро прошел период согласования, было получено одобрение А.В. Луначарского после консультаций с «товарищами», в том числе с В.И. Лениным⁵, и вот уже в июне 1921 г. Дункан оказалась в Москве, что стало неожиданностью даже для самого автора пригласительных телеграмм в ее адрес, наркома просвещения Луначарского⁶.

Абсурд происходящего в тот исторический момент никого не смущал. Пригласить мировую знаменитость для обучения тысячи пролетарских детей, не имея при этом ни помещения, ни средств, ни внятной программы, ни цели существования подобного заведения, — на такое безрассудство не согласился бы, пожалуй, ни один руководитель государства. Но в стране тогда очень остро стоял вопрос о развитии физической культуры пролетариата⁷, которая воспринималась гораздо шире, чем просто физкультура⁸, а также вопрос о развитии образования. В искусстве пока еще господствовал авангард, допускающий реализацию крайне смелых идей; в общественной жизни царил плюрализм, проявлявшийся в бурных дискуссиях. Кроме того, Дункан в России давно уже воспринималась как символ свободы⁹, ее идеи оказали влияние на

⁴ Маквей Г. Указ. соч. С. 456.

⁵ *Roslavleva N.P. Prechistenka 20: The Isadora Duncan School in Moscow // Dance Perspectives. 1975. Vol. 16. Winter. P. 8.* См. также: РГАЛИ. Ф. 1604. Зелинский Корнелий Люцианович. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 27.

⁶ Маквей Г. Указ. соч. С. 330.

⁷ См.: Жбанкова Е.В. Указ. соч.

⁸ *Grant S. Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s. Routledge: Taylor & Francis Group, 2013. P. 1–4.*

⁹ *Souritz E. Isadora Duncan's Influence on Dance in Russia // Dance Chronicle. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 283.*

развитие балета, драматического театра¹⁰, на создание многочисленных пластических студий¹¹. Почти с самого начала возникновения государства встал вопрос о формировании нового советского человека¹², который должен быть воспитан по-новому.

Но следует учитывать и то, что приглашение Дункан исходило в большей степени из сферы политики¹³. Это отчасти подтверждают документы по организации ее первых двух концертов в ноябре 1921 г., приуроченных к четвертой годовщине революции. Луначарский, активно ходатайствовавший о выделении денег, объяснял, что «в деле Дункан заинтересованы три Наркомата: Наркоминдел, Внешторг и Наркомпрос, которые постановили оказывать всяческое внимание Дункан, принимая во внимание соображения международной известности актера»¹⁴.

Луначарский содействовал и выделению под школу особняка на Пречистенке, 20, и подбору обслуживающего персонала. В частности, именно он пригласил на должность директора школы И.И. Шнейдера, сыгравшего большую роль в дальнейшем сохранении и под-

¹⁰ Souritz E. Isadora Duncan and Prewar Russian Dancemakers // The Ballets Russes and Its World. New Haven; L.: Yale University Press, 1999. P. 98–115.

¹¹ См.: Суриц Е.Я. Московские студии пластического танца // Авангард и театр 1910–1920-х годов / отв. ред. Г.Ф. Коваленко. М.: Наука, 2008. С. 384–429; Souritz E. Isadora Duncan Influence on Dance in Russia; Сироткина И.Е. Указ. соч.; Мислер Н. Вначале было тело. Ритмопластические эксперименты начала XX века. Хореологическая лаборатория ГАХН. М.: Искусство — XXI век, 2011.

¹² Stüdemann N. Dionisos in Sparta. Isadora Duncan in Russland. Eine Geschichte von Tanz und Körper. Bielefeld: Transcript Verlag, 2008; Grant S. Op. cit.; Сироткина И.Е. Указ. соч.

¹³ Souritz E. Isadora Duncan's Influence on Dance in Russia. P. 288.

¹⁴ ГЦТМ. Ф. 152. Макаров В.В. Оп. 206. Документы по устройству вечеров-концертов Айседоры Дункан.

держании школы, а позже написавшего мемуары как о Есенине¹⁵, так и о Дункан — вторые были опубликованы на английском языке в Англии и США в середине 1960-х годов¹⁶.

Луначарский объяснял потом, что, конечно же, чувствовал некоторую неуместность открытия школы в Москве. Во-первых, он считал, что «лучшие годы Айседоры Дункан позади», во-вторых, вовсе не был уверен, что «дальнейшие... шаги нашей культурной работы, когда самые трудные фазы борьбы позади, пойдут по линиям, совпадающим с эстетическими (в оригинале — эстетскими. — Е. Ю.) идеалами Айседоры»¹⁷. Но тем не менее идею поддержал и уже в августе 1921 г. опубликовал в «Известиях» довольно пространную статью «Наша гостя», наполненную трескучими революционными объяснениями, почему Дункан приехала в Россию. «Ей, как редкому типу самого подлинного художника, претит та атмосфера, которой заставляют дышать каждого человека нынешние буржуазные господа обнаглевшей, оголенной, разоренной, дышащей ненавистью и разочарованием буржуазной Европы»¹⁸. Таким образом, пропагандистский момент присутствовал уже с самого начала, когда надо было обосновать необходимость организации школы в стране с далеко не лучшей экономической ситуацией. Луначарский объясняет цель Дункан, которая «лежит в области педагогической... Айседора Дункан давно уже является своего рода революционером в области воспитания детей, главным образом физического и эстетического»¹⁹.

¹⁵ Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. М.: Советский писатель, 1966.

¹⁶ Shneider I.I. Isadora Duncan, the Russian Years. L.: Macdonald, 1968.

¹⁷ Айседора. Гастроли в России: сб. ст. / сост. Т.С. Касаткина. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. С. 368.

¹⁸ Там же. С. 289.

¹⁹ Там же. С. 293.

Нарком связывает идею открытия школы (для чего еще в тот момент не было никаких реальных перспектив) с социальной революцией и с невозможностью воспитывать детей по-новому в старом буржуазном мире. «Дункановская реформа останется всегда фантастическим цветочком в крапиве буржуазного общества, пока реформа эта не сделается частью общей перестройки школы, что возможно только с социальной революцией»²⁰.

Таким образом, нетрудно заметить, что с самого начала государственные мужи пытались объяснить народу необходимость приглашения танцовщицы, подчеркнуть ее глубинную связь с народом, ее революционную сущность и напряженную борьбу с прогнившим буржуазным обществом. Особенно данные мотивы сильны в статье П.С. Когана, который в 1921 г. стоял у истоков создания ГАХН, а затем стал ее президентом²¹. Ему удалось сформулировать четыре основных точки соприкосновения Дункан и советского государства: она вышла из народа, всегда боролась с христианским отношением к телу и с буржуазным искусством, а самое главное — хотела воспитывать нового человека, «свободного от буржуазных оков, которыми европейское мещанство сковывало всякий свободный порыв

²⁰ Там же. С. 294.

²¹ Государственная (сначала — Российская) академия художественных наук — научно-исследовательское учреждение (1921–1930) в Москве, «высший центр научного искусствоведения» — см.: Государственная Академия художественных наук. М., [1925]. С. 2. См. также: *Кондратьев А.И.* Российская Академия Художественных Наук // Искусство. Журнал Российской Академии Художественных Наук. 1923. № 1. С. 407–449; Академия художественных наук // Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1922. Кн. 1. Январь–март. С. 331; Язык вещей. Философия и гуманитарные науки в русско-немецких научных связях 1920-х годов: <http://dbs.rub.de/gachn/index.php?pg=17&r0=2&l=ru> (дата обращения 11.03.2013).

человека»²². Автор также отмечает, что искусство Дункан «волнует, как рев революционной трубы»²³ и что «творческие стремления ее созвучны беспредельным замыслам революции»²⁴. Фразы — одна цветистее другой — чередуются с наукообразными объяснениями волновой природы движения, связанными с теориями самой Дункан²⁵, дореволюционными цитатами из Розанова и поэтическими гимнами в честь разрушения старого мира.

Статья Когана была перепечатана в виде предисловия к брошюре «Движение — жизнь», содержащей манифест Дункан²⁶ и программу первого концерта 7 ноября, в который были включены вступительное слово А.В. Луначарского, «Интернационал», Шестая «Патетическая» симфония и «Славянский марш» Чайковского и еще один «Интернационал» — уже с большой группой подготовленных в течение трех месяцев детей²⁷.

Когану вторит передовой журналист Михаил Кольцов. Он не только убеждает советских людей в том, что танцовщица горит желанием «отдать накопленное... миллионам людей с полей и фабрик, которым должна быть возвращена первородная радость человеческой пляски, украденная и затаенная в балетных школах»²⁸, но и формулирует мысль, что «в могучей тяжелой рит-

²² Айседора. Гастроли в России. С. 241.

²³ Там же. С. 237.

²⁴ Там же. С. 241.

²⁵ *Duncan Is., Cheney Sh. The Art of the Dance.* N.Y.: Theatre Arts, Inc., 1928. P. 54; *Jowitt D. Images of Isadora: The Search for Motion // Dance Research Journal.* 1985. Vol. 17. No. 2. P. 27.

²⁶ Дункан А. Движение — жизнь. Издание школы Дункан. М., 1921.

²⁷ *Roslavleva N.P.* Op. cit. P. 13.

²⁸ Айседора. Гастроли в России. С. 236.

мике, в счастливой поступи революционных масс... разве не в этом высшее очарование нашей революции в глазах мира?»²⁹. Здесь он явно приближается к объяснению необходимости создания той зрелищной физической культуры, которая впоследствии воплотится в массовых парадах эпохи сталинизма.

Танцовщица отвечает руководителям государства взаимностью. Ее заявления 1921 г. проникнуты чувством революционного романтического порыва. «Настоящий коммунист безразличен к жаре, холоду и голоду и к материальным страданиям. Как ранние христианские мученики, они живут идеями и просто не замечают остального»³⁰, — писала она под впечатлением от общения с большевиком Н. Подвойским, который занимался воспитанием нового советского человека, основываясь на физической подготовке молодежи. Или: «...русских не очень понимают. Они могут не иметь достаточно еды, но они абсолютно уверены, что искусство, образование и музыка должны быть бесплатны для всех»³¹.

И действительно, планировалось, что школа Дункан будет бесплатной для учащихся. Это стало одним из условий приезда Айседоры в Россию³². Но очень скоро жизнь внесла коррективы. Во-первых, вместо желанной тысячи пролетарских детей было набрано всего 40 — ровно столько кроватей вмещалось в общежитие³³. И — что гораздо хуже — вскоре после открытия нового учебного заведения, которое состоялось 3 декабря 1921 г., в финансовой помощи школе было

²⁹ Там же. С. 237.

³⁰ *Duncan I., Rosemont F. Isadora Speaks: Uncollected Writings & Speeches of Isadora Duncan.* San Francisco: City Lights Book, 1981. P. 68.

³¹ *Дункан И., Макдуггал А.Р.* Указ. соч. С. 63.

³² *Маквей Г.* Указ. соч. С. 329.

³³ *Roslavleva N.P.* Op. cit. P. 12.

отказано, и Дункан приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы добывать дрова и еду для детей. В апреле 1922 г., когда поддержка американской организации помощи АРА прекратилась, начался набор в платную группу³⁴. В октябре 1923 г. пресса отмечает, что из 50 человек только 35 учатся бесплатно³⁵.

Школа основывалась на принципах пансиона и отрыва детей от неблагоприятного влияния родителей, как и две предыдущие школы, где учащихся погружали в атмосферу красоты и гармонии. Принципы сформировались еще в 1904 г., ко времени открытия первой немецкой школы в Грюневальде — о них оставила свои свидетельства ее выпускница Ирма Дункан, в дальнейшем — приемная дочь и помощница Айседоры, единственная из шести первых учениц, решившихся сопровождать танцовщицу в Россию³⁶.

Итак, правительство выделило под школу двухэтажный особняк на Пречистенке, 20, в начале XX в. принадлежавший балерине Большого театра А. Балашовой и ее супругу, чаеоторговцу, А. Ушкову. Помещения поражали воображение причудливой смесью ампира и рококо и служили «яркой иллюстрацией напыщенной дурной склонности к богатству русского буржуазного интерьера»³⁷, что, с одной стороны, плохо вязалось с убогой российской действительностью, но с другой — вызывало необыкновенный восторг обучавшихся³⁸, освободившихся от тягот нехитрого послевоенного быта.

Начало 1920-х годов — довольно бурное время как для советского театра в целом, так и для развития тан-

³⁴ Маквей Г. Указ. соч. С. 359.

³⁵ Там же. С. 367.

³⁶ *Duncan Irma*. Duncan Dancer; an Autobiography. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1966. P. 29.

³⁷ Дункан И., Макдуггал А.П. Указ. соч. С. 62.

³⁸ Маквей Г. Указ. соч. С. 343; Roslavleva N.P. Op. cit. P. 13.

ца³⁹. В стране проводится даже танцевальная Олимпиада, которую организовал А.А. Сидоров, автор книги «Современный танец»⁴⁰ и активный деятель Хореологической лаборатории ГАХН⁴¹. В крупных городах невероятно популярны танцы зарубежного происхождения, такие как фокстрот⁴², что вполне соответствует духу нэпа и пока особенно не преследуется. Работают многочисленные студии пластического танца, начинаются серьезные исследования в сфере движения вообще и танца в частности⁴³.

По поводу школы Дункан в прессе ведутся бурные дискуссии. У нее есть и свои защитники, и противники. Каждое публичное выступление учащихся вызывает споры, а число этих выступлений, согласно опубликованной в 1926 г. таблице, неуклонно растет: от 10 в 1922 г. до 108 в 1925 г.⁴⁴

Названия статей в «Петроградской правде» после гастролей школы в Петрограде в августе 1922 г. говорят сами за себя: «Большая радость», «Пахнуло свежим ветерком». «Я просто отдохнул после академической позовоты», «...школа Дункан — прекрасное начинание, которое всячески надо поддерживать и приветство-

³⁹ См.: Сироткина И.Е. Указ. соч.; Мислер Н. Указ. соч.; Суриц Е.Я. Московские студии...; Stüdemann N. Op. cit.; Souritz E. Moscow's Island of Dance, 1934–1941 // Dance Chronicle. 1994. Vol. 17. No. 1. P. 1–92. О небывалом подъеме интереса к танцу писал советский мим и преподаватель пантомимы Александр Румнев в неопубликованных, но тем не менее часто цитируемых исследователями танца воспоминаниях (РГАЛИ. Ф. 2721. Румнев (Зякин) А.А. Годы в Камерном театре. 1960. Оп. 1. Ед. хр. 35. С. 57; Минувшее проходит предомно. 1964. Оп. 1. Ед. хр. 34).

⁴⁰ Сидоров А. Современный танец. М.: Первина, 1922.

⁴¹ См.: Мислер Н. Указ. соч. С. 59.

⁴² Stüdemann N. Op. cit. S. 112–122.

⁴³ См.: Сироткина И.Е. Указ. соч.; Мислер Н. Указ. соч.

⁴⁴ Маквей Г. Указ. соч. С. 397.

вать», — пишут молодые корреспонденты⁴⁵. Вечер называют «художественным отдыхом» после «маленьких и больших театральных вертепов и кабаков»⁴⁶.

Но есть и противники школы. Балетный критик А. Волынский в сентябре 1922 г. осуждает как педагогическую систему Дункан, так и пластическую палитру танцовщицы. Движения, которым обучают детей, он называет «манерно-изысканными, аристократически-вычурными, бестемпераментными, почти лимфатическими». Он считает, что «эта мягко-зыбкая, кокетливо-вьющаяся, без металлического каркаса внутри пластика, с пассивностью паразитарных растений, может по законам обратного рефлекса только ослабить психику подрастающего поколения, привить к ней вялый тонус идейной пульсации и вконец парализовать активность, драгоценное начало воспитания детей», в то время как для воспитания становятся актуальными «морализирование и героизация человеческой души»⁴⁷.

Издание «Зрелища» повествует «о плачевном положении школы», описывая ведомственную неразбериху (школу передают из Главпрофобра в Главсоцвос⁴⁸), нищенское существование педагогов; сообщается, что половина учеников распущены, набраны платные ученики вместо них⁴⁹.

Все это заставляет И.И. Шнейдера защищаться и доказывать, что первый год в школе прошел с большой пользой как для учеников, так и для страны в целом. Мало того, что «за год дети преобразены, стали неузнаваемыми, окрепли», но еще немаловажно, что

⁴⁵ Айседора. Гастроли в России. С. 284.

⁴⁶ *Маквей Г.* Указ. соч. С. 362.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 359.

⁴⁹ Школа Изадоры Дункан. Зрелища. 1922. № 17. Цит. по: ГЦТМ. Ф. 152. Оп. 342–352.

школа получила международную известность и вместе с ней «пять приглашений выступить за границей: в парижском Трокадеро, Берлине, Остенде (на Олимпиаду)», Лондоне и США⁵⁰.

Очередной вехой в оформлении культурной политики государства становится 1923 г. С одной стороны, на XII съезде РКП(б) принимается решение об использовании театра для систематической массовой пропаганды идеи борьбы за коммунизм, и от театрального искусства уже начинают требовать героики⁵¹. С другой — активно работает Хореологическая лаборатория ГАХН под руководством А.А. Сидорова и А.И. Ларионова, которая занимается научным исследованием движения, а также служит прибежищем для различных пластических студий, вскоре переведенных на нелегальное положение⁵². Попутчики пока являются главной опорой советской литературы, так как пролетариат недостаточно культурен⁵³, но зато начинают возникать антизападные настроения, которые К. Кларк, например, связывает с поражением революционного восстания в Германии в октябре-ноябре⁵⁴. Кроме того, конец года ознаменован введением платы за обучение в вузах⁵⁵, а также делом четырех поэтов, среди которых — Сергей Есенин, муж Дункан.

Школа Дункан продолжает бороться за существование. Пятнадцать платных учащихся и вечерняя груп-

⁵⁰ Маквей Н. Указ. соч. С. 364.

⁵¹ Жидков В. Театр и время: от Октября до перестройки. М.: СТД, 1991. С. 105.

⁵² Мислер Н. Указ. соч. С. 109.

⁵³ Кларк К. Становление советской культуры // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. С. 149.

⁵⁴ Там же. С. 152.

⁵⁵ Жидков В. Указ. соч. С. 101.

па приносят некоторый доход, а летом на загородной даче ведутся «огородные работы», в результате которых учащиеся запасают для себя на всю зиму картофель. «Средств никаких, но школа внутри себя живет полной жизнью»⁵⁶.

В прессе появляется все больше скептических отзывов как о самом искусстве американской танцовщицы, так и о ее школе. «Дункан все еще показывает нам “эмоции гармонического человека”... Но гармонических людей создает... среда. Такой среды теперь нет, и никакие исторические воспроизведения на феерической подкладке не создадут новых эллинов», — пишет критик В. Ардов⁵⁷.

Однако в августе 1923 г., после возвращения Дункан из Америки, пресса снова радуется внутренней связи Айседоры с советской идеологией — ведь агитационная кампания, которую невольно провела танцовщица на своей родине в пользу большевизма и в результате которой была лишена американского гражданства, получилась вполне удачной для Советского государства: «Дункан вернулась в Россию, с которой она себя считает духовно связанной. Ее идея о свободном, гармоничном воспитании духа и тела в красоте может, по ее мнению, найти корни только в России», — отмечает журнал «Огонек»⁵⁸. А образовательная система Дункан снова признается крайне полезной. «Взять бедного пролетарского ребенка и сделать из него здоровое, радостное существо — это большая заслуга»⁵⁹, — пишет балетный критик В. Ивинг в газете «Правда» после ноябрьского выступления студийки в Театре Зимина в Москве.

⁵⁶ Айседора. Гастроли в России. С. 286.

⁵⁷ Там же. С. 288.

⁵⁸ Д.К. Возвращение Айседоры Дункан // Огонек. 1923. 26 августа. Цит. по: ГАХН. Ф. 152. Оп. 342–352.

⁵⁹ Правда. 1923. № 286. 21 ноября. Цит. по: Ивинг (Иванов) Виктор Петрович. РГАЛИ. Ф. 2694. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 83.

Для школы Дункан 1924 г. вряд ли стал бы благоприятным — ведь в этом году, после смерти Ленина, происходят большие изменения в сфере культуры. Хотя «в тот момент еще не было ясно, в каком направлении она будет изменяться»⁶⁰, однако закрылось издательство «Всемирная литература», Луначарский призвал театры двигаться «назад к Островскому», начались нападки на ГИИИ⁶¹ и ГАХН — их называли «рассадниками западноевропейского искусства»⁶², а 26 августа вышел декрет особой комиссии Московского отдела народного образования (МОНО) Моссовета о пластических студиях. В данном документе предписывалось закрыть более десяти известных студий, а в руководство студии Дункан ввести коммуниста для «проведения политпросветительской работы»⁶³.

Однако благодаря Н.И. Подвойскому летом 1924 г. школа Дункан завоевывает себе право на дальнейшую жизнь — целых три месяца Ирма Дункан с учащимися школы работают на Красном стадионе, обучая революционным танцам несколько сотен пролетарских детей⁶⁴. В конце обучения вся процессия в красных туниках, распевая «Интернационал», идет со стадиона на Пречистенку, 20, где с балкона им вторит Айседора⁶⁵. Осенью того же года Дункан ставит несколько революционных танцев на музыку известных песен:

⁶⁰ Кларк К. Указ. соч. С. 148.

⁶¹ Государственный институт истории искусств — научно-исследовательское и высшее учебное заведение в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде, существовавшее в 1912–1931 гг.

⁶² Кларк К. Указ. соч. С. 151–152; об истории ГАХН см.: Якименко Ю.Н. Академия Художественных наук в контексте культурной политики 1921–1929: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007.

⁶³ Мислер Н. Указ. соч. С. 109.

⁶⁴ Маквей Г. Указ. соч. С. 379.

⁶⁵ Там же. С. 378.

«Смело, товарищи, в ногу», «Раз, два, три — пионеры мы», «Молодая гвардия», «Кузнецы», «Дубинушка», «Варшавянка», «Юные пионеры»⁶⁶. Ее интерес теперь всецело сосредоточивается на трудовых движениях и процессах борьбы, освобождения, а танец окончательно превращается в пантомиму или мимодраму⁶⁷.

В России Дункан уже создала несколько танцев — сначала в 1921 г. на музыку двух этюдов Скрябина, с помощью которых она выразила ужас перед голодом в Поволжье, затем — два похоронных марша после смерти Ленина в 1924 г. Но семь революционных песен стали признанной классикой и по сей день исполняются современными дунканистками во всем мире.

Отъезд Дункан на Запад стал в 1924 г. неизбежен. Поддержки школа не получала, гастроли танцовщицы по стране не приносили абсолютно никаких средств. И вот уже в конце сентября 1924 г. состоялись успешные выступления учениц в Камерном и Большом театрах, которые Айседора сопровождала грустными словами о том, что им нечего есть и нечем платить за электричество⁶⁸.

Зато критика после увиденного буквально захлебывается от восторга. «Известия» отмечают, что «вся программа выдержана в строго революционном духе. Реализм переживаний проходит красной нитью через все исполнение»⁶⁹. «Рабочий зритель» подчеркивает, что «систему Дункан нужно применять шире, притягивая к обучению ее приемам ВСЕХ пролетарских

⁶⁶ Дункан И., Макдуггал А.Р. Указ. соч. С. 177.

⁶⁷ Daly A. Done into Dance: Isadora Duncan in America. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 2002; Юшкова Е.В. Пантомима в творчестве Айседоры Дункан // Академия пантомимы: теория и практика: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Маркова, Т.Ю. Смирнягина. М.: Миттель-пресс, 2011. Вып. 1. С. 19–30.

⁶⁸ Маквей Г. Указ. соч. С. 384.

⁶⁹ Там же. С. 383.

детей... Рабочие безусловно оценят школу Дункан и захотят, чтобы их дети стали такими же веселыми, жизнерадостными и здоровыми, как ученицы школы Дункан. Это новое начинание нужно всячески поддерживать, сделав его одним из видов массовой работы среди пролетарских детей»⁷⁰. Таким образом, из оценок выступлений школы мы видим, что на повестку дня выходит требование реализма в искусстве, набор необходимых детям качеств и формирование массовой работы.

Айседоре Дункан уже не суждено вернуться в Россию, а школа остается на попечение Ирмы Дункан и И.И. Шнейдера, много гастролирует и создает «пластические стандарты для массовых празднеств»⁷¹. В 1926 г. она переименована в Студию имени Айседоры Дункан, и спасает школу от закрытия только то, что она ездит по Сибири, а затем и по революционному Китаю (1927).

После трагической смерти Айседоры Дункан в Ницце в сентябре 1927 г. вновь поднимается волна общественного интереса как к самой Дункан, так и к ее школе; спустя год под председательством Луначарского создается Комитет по увековечению памяти Дункан и проводится вечер ее памяти в Большом театре⁷².

Критики опять вспоминают и о школе, хотя пишут о ней уже с оговорками, вызванными идеологическими причинами, как, например, А.И. Ларионов, руководивший вместе с А.А. Сидоровым Хореологической лабораторией ГАХН. «Эта школа, за шесть лет своего существования, оставаясь несколько изолированной

⁷⁰ Там же. С. 384.

⁷¹ *Тейдер В.А.* Дункан в Советской России // Вопросы театрального искусства: сб. науч. ст. / отв. ред. Р. Афанасьев. М.: ГИТИС, 1977. С. 354–377.

⁷² Годовщина смерти АД (две заметки из неизвестных газет); Макаров В.В. Айседора Дункан. Вырезки из газет. ГЦТМ. Ф. 152. Оп. 342–352. № 252504/4291–4301.

от широкого физкультурного движения, продолжала неустанно свою работу по линии художественного воспитания»⁷³.

Дальнейшую судьбу школы опять можно назвать выживанием: с гастролей в США в 1928–1930 гг. студийки возвращаются без Ирмы, затем под руководством М. Борисовой и И. Шнейдера вплоть до закрытия в 1949 г. много ездят по Советскому Союзу. В этот период к постановкам привлекаются хореографы Л. Лукин, К. Голейзовский, В. Бурмейстер и Л. Якобсон. В постановках продолжается трудовая и героическая тема — показываются даже военные подвиги Александра Матросова и Зои Космодемьянской.

Точку в деятельности школы ставит статья А. Анисимова, опубликованная в 1949 г. в газете «Советское искусство», в которой рассматривается «тлетворное влияние безродных космополитов» на советскую эстраду. Автор настоятельно рекомендует «пересмотреть и деятельность студии Дункан, пропагандирующую болезненное, декадентское искусство, завезенное в нашу страну из Америки, далекое по своему существу от основ реалистического народного искусства»⁷⁴. Ученицы школы после закрытия работали в разных сферах, а в 1963 г. попытались возродить школу. Но из Министерства культуры был получен суровый ответ: «Пластический танец как разновидность хореографического искусства органично вошел в искусство классического танца... утратил свое значение для советского зрителя... отдавая должное на определенном историческом этапе... не считаем целесообразным организацию студии пластического танца»⁷⁵.

Попытки переосмыслить как творчество, так и педагогическую работу Дункан в позднее советское

⁷³ Ларионов А. Айседора Дункан // Красная нива. 1927. Цит. по: ГЦТМ. Ф. 152. Оп. 342–352.

⁷⁴ Маквей Г. Указ. соч. С. 445.

⁷⁵ Там же. С. 451.

время были довольно робкими и неуклюжими, но их нельзя недооценивать. Советский театровед В.А. Тейдер в конце 1970-х годов, по сути дела, реабилитирует школу на Пречистенке: «В трудные для страны дни она [Дункан] открыла школу-пансионат для детей рабочих, приобщая их к труду, к учебе, к миру прекрасного. В школе воспитывали чувство коллективизма, прививали навыки опрятности, обеспечивали питанием и одеждой»⁷⁶.

Существование московской школы Дункан отразило практически все стадии перехода от революционного романтического порыва, свойственного молодому государству, к его бюрократизации и идеологизации. Сотрудничество РСФСР/СССР с американской танцовщицей развивалось как на фоне широкого физкультурного движения, связанного с просвещением и оздоровлением пролетарских масс, так и на фоне повышенного общественного интереса к танцу, который был вызван раскрепощением тела, освобождением человека от привычных социальных условностей. Кроме того, научное изучение движения, в дальнейшем трансформировавшееся в исследование труда, также было немаловажной составляющей той почвы, на которой существовала московская школа Дункан.

Переход к идеологически правильному искусству движения, к массовым маршам на парадах, к возведению на пьедестал классического балета, а также борьба с западными влияниями и эстетскими изысками в сфере искусства, формирование советской педагогики — все это вытеснило школу на периферию советской жизни, а затем и полностью из общественного сознания. Но тот факт, до какой степени чудовищно и несправедливо произошло это вытеснение, поражал даже конформистски настроенных деятелей культуры. Например, литературовед К.Л. Зелинский в 1962 г. подготовил статью «О хореографическом наследии

⁷⁶ Тейдер В.А. Указ. соч. С. 376.

Айседоры Дункан». В ней, ссылаясь на Программу КПСС, придающую большое значение «всестороннему развитию человека», он доказывал, что искусство Дункан, которому аплодировал Ленин и которое оказало большое влияние на развитие советского балета и художественной гимнастики, «не может и не должно быть забыто»⁷⁷.

«Москва — это город Чуда и мученического Распятия — подвига, добровольно поднятого Россией ради Будущего. Человеческая душа станет такой прекрасной, такой благородной и великой, как людям не грезились со времен Христа»⁷⁸, — писала Дункан, так и не увидев, чем обернулась прекрасная коммунистическая идея совсем вскоре после ее трагической гибели в 1927 г.

И до сих пор полная история школы Дункан в Москве еще не написана, хотя в 1975 г. на Западе была опубликована работа историка балета Н. Рославлевой «Пречистенка, 20»⁷⁹, а в 2005 г. на русском языке вышла уникальная подборка многочисленных документов и воспоминаний, собранная и прокомментированная британским ученым Г. Маквеем⁸⁰. В 2008 г. в Лондоне изданы воспоминания одной из учениц школы⁸¹. Но все же многие аспекты существования столь необычного образовательного проекта Дункан в Советской России остаются еще не исследованными.

© Юшкова Е., 2013

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 1604. Зелинский Корнелий Люцианович. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 30.

⁷⁸ Маквей Г. Указ. соч. С. 332.

⁷⁹ См.: Roslavleva N.P. Op. cit.

⁸⁰ См.: Маквей Г. Указ. соч.

⁸¹ *Dikovskaya L., Hill G.M.-F.* In *Isadora's Steps. The Story of Isadora Duncan's School in Moscow, Told by Her Favorite Pupil.* Sussex, UK: Book Guild Publishing, 2008.

ВЕРА БЕРЕЗИНА

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ЭКСКУРСИОННОЙ РАБОТЫ В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Экскурсионная работа представляла собой значимое явление в культурной политике молодого большевистского государства. В этот период экскурсионное дело, активно поддерживаемое руководителями «культурного фронта», получило особый размах, особенно в Петрограде — Ленинграде и Москве. Для обеспечения его методической и материальной базы в этих городах создавались многочисленные экскурсионные станции, исследовательские институты, проводились конференции и семинары, выпускалась методическая литература. Несмотря на самобытность явления, особенности организации народного просвещения первых лет советской власти отразились в реалиях экскурсионной работы, как в капле воды. Поэтому их изучение может дать представление об особенностях культурной политики советского государства в целом.

Проблема организации экскурсионного дела в 1920-е годы неоднократно затрагивалась исследователями. Чаще всего в фокусе внимания авторов оказывалась история отдельных институций: экскурсионных естественно-научных станций¹, Петроградского экскурсионного института². Были изучены и судьбы

¹ Волков В.С. На тернистом пути просвещения: из истории биологических станций // Вестник Герценовского университета. 2008. № 9. С. 70–80.

² Конечный А.М. К истории Гуманитарного отдела Петроградского научно-исследовательского экскурсионного

тех представителей «русской экскурсионной школы», которые сотрудничали с этими организациями³. Предпринималась также попытка создать общую картину организации экскурсионной работы в стране, но вследствие широкого географического охвата она получилась мозаичной и неоднородной. Основной акцент был сделан на описании центральных экскурсионных органов, а местные остались почти без внимания, и потому институциональная история экскурсионного дела на сегодняшний день имеет множество «белых пятен».

Особенностью развития экскурсионного дела в послереволюционный период стало включение его в систему государственных органов просвещения. С одной стороны, этот процесс являлся вполне органичным продолжением предреволюционного этапа развития экскурсионной работы. Так, еще в начале XX в. стали возникать различные негосударственные организации, содействовавшие развитию экскурсионного метода (к примеру, Комиссия по организации образовательных экскурсий по России при Московском отделении Российского общества туристов). С другой — развитию государственных экскурсионных институций, безусловно, способствовал

института (1921–1924 гг.) // Этнография Петербурга — Ленинграда. СПб., 1994. Вып. 3. С. 50–63; *Смирнова А.Г.* Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2012. № 6 (86). С. 58–78.

³ На данный момент существует довольно много работ об основоположниках «экскурсиеведения»: о И.М. Гревсе: *Вахромеева О.Б.* Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб., 2005; *Каганович Б.С.* И.М. Гревс — историк и краевед // И.М. Гревс и петербургское краеведение. СПб., 2010. С. 7–15; о Н.П. Анциферове: *Добкин А.И.* Н.П. Анциферов: Материалы к биобиблиографии // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 9–23; о Б.Е. Райкове: *Лукина Т.А.* Борис Евгеньевич Райков. Л., 1970; и др.

как интерес руководителей «культурного фронта», проявленный к экскурсионному методу, так и то, что первоначально ему отводилась важная роль в просветительских программах. Помимо того, возникновению особых учреждений, занимающихся организацией экскурсий, способствовали и реалии педагогической работы (отсутствие четких программ, нехватка пособий и т.п.).

Специальные структуры, занимающиеся вопросами организации экскурсионной работы, появились в составе Наркомпроса уже в первые послереволюционные годы. Органом, который должен был руководить всей экскурсионной работой в Петрограде, стала Экскурсионная комиссия, созданная в феврале 1919 г. при Коллегии единой трудовой школы Комиссариата народного просвещения Союза коммун северной области (СКСО). Впоследствии она была преобразована в Экскурсионную (с 1923 г. — Колониально-экскурсионную) секцию отдела социального воспитания Петроградского губернского отдела народного образования (ГубОНО). Во главе этой структуры стояли партийные кадры. Первоначально ее возглавляла В.Р. Менжинская, учительница, вступившая в 1905 г. в партию большевиков и всецело посвятившая себя революционной деятельности. Перешедшую на службу в Москву Менжинскую сменила Е.К. Замысловская, «старая революционерка»⁴, как ее характеризует один из основоположников экскурсионной школы Б.Е. Райков, которую затем сменил Н.А. Кузнецов. На первых порах с секцией широко сотрудничали и представители «старой интеллигенции»: ученые-естествоведы — профессор И.И. Полянский (товарищ председателя) и профессор М.Н. Римский-Корсаков, секретарь Академии наук, профессор С.Ф. Ольденбург, историк искусства В.Я. Курбатов и др. Однако осенью 1921 г. в связи с

⁴ Райков Б.Е. На жизненном пути. Т. 1. СПб., 2011. С. 673.

V. Учреждения и практики

начавшимися финансовыми трудностями состав Секции «урезали» до трех человек⁵, что сделало подобное сотрудничество затруднительным.

Как указывалось в Положении об экскурсионной секции 1920 г., она была организована «для содействия развитию и практической организации экскурсионного дела в школах при Коллегии ЕТШ»⁶. В число ее задач входили разработка экскурсионных планов и маршрутов для школ, организация лекций и курсы для подготовки руководителей экскурсий, издание журналов и книг, посвященных экскурсионному делу. Но, пожалуй, самым важным направлением работы стала организация экскурсионных станций, проблемы которых наиболее часто обсуждались на заседаниях Секции⁷. Экскурсионные станции, как образно выразился один из ведущих «экскурсиеведов» начала XX в., естествовед Б.Е. Райков, представляли собой «убежища, где школьники могли бы отдохнуть и покормиться во время поездок» и могли бы «обеспечить экскурсиям опытное руководство на местах, так как учителя школ не умели вести экскурсий»⁸. «Обычно, — вспоминал Райков, — это было дачное помещение, достаточно приспособленное к тому, чтобы разместить на отдых 30–40 учащихся и накормить их горячим завтраком»⁹. Помимо столовой и помещения для ночлега при станциях организовыв-

⁵ Полянский И.И. Экскурсионная секция сектора социального воспитания Петрогубнаробраза и экскурсионные станции за последнее время // Экскурсионное дело. 1921. № 2–3. С. 184.

⁶ Полянский И.И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная секция и экскурсионные станции // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 5.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2913. Протоколы заседания экскурсионной секции отдела социального обеспечения.

⁸ Райков Б.Е. Указ. соч. С. 671.

⁹ Там же.

вались кабинеты и лаборатории для проработки собираемого на экскурсиях материала¹⁰.

Здесь надо отметить, что инициатива создать специальные учреждения, на базе которых можно было бы организовать естественоведческие экскурсии, возникла еще до революции. Воплотить ее в жизнь попытался увлекавшийся идеями естественно-научного просвещения ученый-лесовед В.Ф. Мольденгауер. В 1910 г. в Павловске на собственные деньги он организовал биологическую станцию «Практический институт природоведения», представлявшую собой вспомогательное школьное учреждение. В просуществовавшем три года институте около 50 подростков под руководством Мольденгауера изучали местную природу, а впоследствии подобная база была основана ученым в Царском Селе¹¹.

Благодаря стараниям сотрудников Экскурсионной секции, и более всего — И.И. Полянского, в первые послереволюционные годы возникает целая сеть таких организаций. Весной 1919 г. открываются первые шесть естественно-научных станций, устроенных «в местах, которые представляли интерес в естественно-научном отношении и находились от города не дальше нескольких десятков километров»¹², т.е. в Павловске, Детском Селе, Лахте, Сестрорецке, Петергофе и при Каменноостровском сельскохозяйственном институте¹³.

Сеть экскурсионных станций быстро расширялась. К весне 1921 г. действовало уже 16 станций: десять естественно-научных, две морских и четыре гумани-

¹⁰ Полянский И.И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. С. 5.

¹¹ Волков В.С. Указ. соч. С. 71.

¹² Райков Б.Е. Указ. соч. С. 671.

¹³ Полянский И.И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. С. 5.

тарных¹⁴. Во второй половине 1921 г. в связи с особенностями новой экономической политики работа экскурсионных станций в значительной степени нарушилась. Около половины станций было закрыто, а на оставшихся резко сократили штаты. Такое положение вызвало тревогу людей, стоявших у истоков экскурсионного дела. Представители «старой интеллигенции» пытались найти доводы для того, чтобы не допустить дальнейшего сокращения финансирования. Одним из главных аргументов была ссылка на особенности новой школы. «Постановка экскурсионного дела — несомненный козырь для “трудо­вой” школы, — пишет профессор Полянский, — сбросить его, т.е. отказаться от экскурсионного метода, — равносильно отказу от права школы называться трудовой»¹⁵.

Неизвестно, какое влияние подобные статьи имели на руководителей «культурного фронта», но постепенно сеть экскурсионных институций снова стала расти. В 1923 г. работали уже 12 станций¹⁶. Финансовое положение на станциях и в то время, однако, оставляло желать лучшего¹⁷. Лишь к середине 1920-х годов «чрезвычайно катастрофичное положение в хозяйственном

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 27. Оп. 1. Д. 21. Сведения о деятельности Экскурсионной секции с 1 октября 1920 по 1 апреля 1921 г. Л. 54.

¹⁵ Полянский И.И. Экскурсионная секция сектора социального воспитания Петрогубнаробраза... С. 185.

¹⁶ Райков Б.Е. Указ. соч. С. 672.

¹⁷ Иллюстрацией этому могут служить ходатайства, направляемые в Колониально-Экскурсионную секцию Ленинградского ГубОНО заведующими станций. В одной из них, например, содержится просьба о представлении Парголовской экскурсионной станции 12 сваленных бурей деревьев для строительства забора, так как станции был «крайне необходим материал» (ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 1113. Ходатайство в Колониально-Экскурсионную секцию ЛГОНО от 20/X 1924 г. Л. 33).

отношении» на некоторых станциях удалось немного улучшить¹⁸.

К середине 1920-х годов выявился и один из недостатков организационной структуры экскурсионной работы. Стало понятно, что «существующие загородные экскурсионные станции Губоно, работая по преимуществу летом и находясь далеко за городской чертой, не в состоянии обслужить потребности петроградских школ»¹⁹. Для решения этой проблемы в феврале 1924 г. была открыта Центральная биостанция, которая должна была объединить работу загородных станций. Она, подобно другим станциям, вела работу в трех направлениях: осуществляла переподготовку педагогов, участвовала в организации натуралистического движения среди молодежи, снабжала школы материалами и экспонатами для уголков живой природы и инструментами по использованию²⁰.

Таким образом, к 1926 г. функционировало шесть станций: две центральные — Центральная школьная станция гуманитарных экскурсий и Биостанция — и четыре им подчинявшихся загородных: Стрельнинская, Павловская, Парголовская и Лахтинская. Постепенно, однако, работа экскурсионных станций сворачивается. Последние сведения, которые удалось обнаружить, относятся к 1927 г. Конкретной даты и четко обозначенных причин закрытия школьных экскурсионных станций выявить в документах не удалось. Автор диссертации, посвященной истории экскурсионного дела, К.М. Писцов считает концом существования сети экскурсионных станций 1930 г., когда Центральная опытно-показательная база Наркомпроса (в Москве), «подобно другим экскурсиеведческим

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 1518. Л. 73.

¹⁹ Там же. Д. 1519. Проект организации городской педагогической биостанции ГубОНО. Л. 39.

²⁰ Там же. Первый год работы Ленинградской педагогической биостанции (вырезка). Л. 83.

структурам, слилась с туристической организацией (Центральной детской экскурсионно-туристической станцией), после чего фактически прекратила свое существование» и объясняет это тем, что «в новой, жесткой и обязательной школьной программе, принятой в 1930 году, не было места экскурсиям»²¹.

Экскурсионная секция ГубОНО и экскурсионные станции, созданные при ней, занимались организацией экскурсий исключительно для школьных групп. Экскурсионной работой с внешкольными группами заведовала первоначально экскурсионная секция внешкольного подотдела Наркомпроса СКСО, трансформировавшаяся затем в экскурсионную секцию внешкольного отдела Петроградского ГубОНО, а впоследствии — в Экскурсионный подотдел Губполитпросвета. При нем были созданы три комиссии по разработке программ и планов экскурсии: естественно-научная, гуманитарная и техническая, а также Центральная экскурсионная база (ЦЭБ) Губполитпросвета. Возглавляла ЦЭБ партийная работница Э.В. Краснуха, сотрудничали с ней как политпросветчики, так и специалисты различных областей (естествовед А.Ф. Бенкен, историк Т. Черепнина и др.). ЦЭБ выполняла те же функции, что и школьные экскурсионные станции. В ведении Экскурсионной базы находились четыре пригородные станции: три естественно-научные и одна гуманитарная, организованные для работы с внешкольными группами²².

Не стоит, однако, думать, будто структура организации экскурсионного дела представляла собой четко выстроенную иерархичную систему. Помимо подотдела

²¹ Писцов К.М. Экскурсии как компонент культурно-просветительной политики в первое десятилетие советского государства: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 136.

²² Краснуха Э. Экскурсионные вопросы и деятельность ЦЭБП // Спутник экскурсанта. 1925. № 1. С. 3–4.

Политпросвета и секции при отделе социального воспитания (Соцвоса) существовал еще ряд экскурсионных организаций. Почти одновременно с мероприятиями по организации экскурсионных станций в октябре 1918 г. возникла Экскурсионная секция при Музейном отделе Наркомпроса СКСГ, а с ноября 1918 г. ее сотрудники стали проводить экскурсии по Эрмитажу и Русскому музею²³. Постепенно «география» экскурсий расширялась. Сотрудники секции стали сопровождать группы в Этнографический музей, в парадные залы Зимнего дворца, в Шуваловский и Юсуповский особняки, в Елагиноостровский дворец. Проводились также экскурсии по улицам города и в пригороды: Детское Село, Гатчинский дворец, Петергоф и Павловск. В 1918 г. сотрудники Музейного отдела провели экскурсии для 2150 школьников, а в 1921 г. экскурсии посетили уже более 39 тыс. учащихся²⁴. Помимо проведения экскурсий, согласно свидетельству сотрудничавшего с секцией И.М. Гревса, работники станции занимались решением чрезвычайно широкого круга вопросов организации экскурсионного дела. Ими «изучались теоретические вопросы методики экскурсий, собирался материал по монументальной, культурной и художественной истории Петрограда и ближайших окрестностей, тщательно штудировались памятники на улицах Петрограда и в главных его хранилищах, составлялись, представлялись и обсуждались доклады по отдельным вопросам экскурсиеведения, систематически подготавливались новые руководители экскурсий различного типа, вырабатывались планы различных видов экскурсий для высших и низших ступеней общеобразовательной школы и даже высшей школы <...> разрабатывался план экскурсионных изданий и собирался материал для составления путево-

²³ Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 407.

²⁴ Деятельность Музейного отдела по организации школьных экскурсий // Экскурсионное дело. 1921. № 2–3. С. 206–210.

дителей, описаний, каталогов, собраний методических сборников, производились экскурсионные разведки в важные центры и пункты экскурсионного изучения России на севере, читались лекции по экскурсионному делу и принималось участие в устраивавшихся различными учреждениями экскурсионных курсов»²⁵. Таким образом, был создан «параллелизм» между деятельностью секции при музейном отделе и экскурсионными организациями при Соцвосе и Политпросвете.

Экскурсионная секция при Музейном отделе была закрыта в 1921 г., а на ее основе был создан гуманитарный отдел Петроградского экскурсионного института (ПЭИ). Не останавливаясь подробно на деятельности ПЭИ²⁶, отметим, что первоначально институт планировалось открыть как высшее педагогическое учебное заведение с исследовательским отделом для научной разработки проблем «экскурсиеведения». Такой проект, однако, как отметил И.М. Гревс, «встретил сопротивление в московских центрах»²⁷. Ученый предположил, что причиной неодобрения проекта стало желание организовать систему экскурсионной работы в Петрограде по образцу и подобию центральной, где уже существовал научно-исследовательский институт.

Отношение руководителей «культурного фронта» к новому органу было сформулировано на состоявшемся в октябре 1921 г. совещании членов Научно-методической секции Государственного ученого совета, в котором принимали участие Н.К. Крупская,

²⁵ Гревс И.М. О работе гуманитарного отдела Петроградского экскурсионного института. ЦГАЛИ СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 46. Л. 51.

²⁶ Работе этой организации посвящены две содержательные статьи: Конечный А.М. К истории Гуманитарного отдела Петроградского научно-исследовательского экскурсионного института (1921–1924 гг.); Смирнова А.Г. Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.).

²⁷ Гревс И.М. Указ. соч. Л. 53.

М.Н. Покровский и А.А. Яхонтов. Выступающие особо подчеркивали практические нужды, которые должен был удовлетворять институт, выступая за «сокращение рамок, намеченных для научной работы» и отмечая, что «“ученые” задачи не есть задачи института»²⁸. В тех же «утилитарных» целях «ударным» на этом совещании постановили считать экономико-технический факультет, а остальные факультеты «развить постольку, поскольку они соприкасаются с задачами его»²⁹.

Экскурсионный институт открылся как исследовательское учреждение при Академическом центре. Возглавила ПЭИ уже упоминавшаяся нами Э.В. Краснуха, а к работе был привлечен ряд представителей «старой» интеллигенции. В гуманитарном отделе работали 18 человек, многие из которых являлись признанными специалистами экскурсионного дела³⁰. Просуществовал ПЭИ недолго. Летом 1924 г. его объединили с Педагогическим институтом и Педагогическим музеем в Институт научной педагогики, где работа перестала быть столь интенсивной, а многие сотрудники отошли от дел.

Предпринимались и попытки преодолеть «параллелизм» в работе институций, причем инициаторами здесь были сами сотрудники экскурсионных структур. Экскурсионный подотдел Политпросвета, как отмечалось в одной из статей в журнале «Экскурсионное дело», «в первую очередь стремился урегулировать это дело [экскурсионную работу] и централизовать его в одних руках». Там же делалось смелое заявление об отсутствии экскурсий со взрослыми «вне экскурсионного подотдела»³¹. Оно, однако, было явно преждевременным. В 1923 г. возглавлявшей ЦЭБ Э.В. Краснухе

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 46. Л. 30.

²⁹ Там же.

³⁰ Гревс И.М. Указ. соч. Л. 50.

³¹ Из практики подотдела политпросвета за 1920 г. // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 110.

вновь пришлось подчеркнуть необходимость централизации экскурсионного дела³².

Конкурентами политпросветчиков в организации экскурсионной работы были сотрудники культотдела Ленинградского губернского совета профессиональных союзов (ЛТСПС). Во второй половине 1920-х годов отношения между двумя ведомствами стали напряженными. Как сообщали обеспокоенные сотрудники ЦЭБ в докладной записке в Ленинградский совет, ЛТСПС начал «привлекать некоторых руководителей непосредственно», а также осуществлять подготовку организаторов экскурсий «без привлечения к какому бы то ни было участию Базы»³³.

Показателен и другой документ, в котором видны попытки преодолеть некоторый организационный хаос в экскурсионной работе, — записка о необходимости объединения экскурсионного дела в Ленинграде, относящаяся ко второй половине 1920-х годов³⁴. Неизвестный автор выразил озабоченность тем, что «экскурсионное дело в Ленинграде до сих пор не имело определенного единого центра», в результате чего его постановка «оставляет желать лучшего». Тем самым в документе обосновывалась необходимость создания единого органа, контролирующего экскурсионную работу. Таким органом, по мнению автора, могла стать постоянная комиссия при Политпросвете. В случае создания такой организации ее задачи состояли бы в выработке твердого («бесспорного по содержанию») экскурсионного плана, организации изучения Ленинграда по районам, детальной разработке целого ряда

³² Краснуха Э. К вопросу о постановке экскурсионного дела среди взрослых // Коммунистическое просвещение. 1923. № 3. С. 88.

³³ В бюро секции народного просвещения Ленинградского совета (от экскурсионно-лекторской базы). ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2521. Л. 177.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 1520. Л. 89–92.

экскурсионных тем и «проработке» производственных экскурсий на фабрики и заводы и экскурсий в «обыденность» (рынки, лавки и т.п.). Подобная комиссия так и не была создана. Экскурсионное дело, однако, все же было централизовано, но уже в 1930–1931 гг. и под знаменем Общества пролетарского туризма³⁵.

Таким образом, институциональная организация экскурсионного дела на протяжении 1920-х годов характеризовалась сложностью, разветвленностью и частыми изменениями. Отсутствовало четкое распределение задач между структурами, их функции часто дублировались, что вызывало своего рода конкуренцию между некоторыми экскурсионными структурами. Поэтому необходимость централизации экскурсионного дела подчеркивалась сотрудниками экскурсионных организаций, а не была идеей руководителей «культурного фронта», осуществленной на рубеже 1920–1930-х годов. Разветвленность системы экскурсионных структур, частое переструктурирование, а также ограниченность финансирования — все это делало систему экскурсионной работы далекой от совершенного механизма «политического просвещения», которым ее пытались представить в работах позднесоветского периода. Централизация этой сферы оказалась продиктована естественной логикой деятельности, которую надо было упорядочить.

© Березина В., 2013

³⁵ Подробнее об этой организации в статьях А.Ю. Давыдова (*Давыдов А.Ю. Деятельность Всесоюзного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917–1937 гг. Л., 1989. С. 130–151*) и Дайаны Коенкер (*Koenker D.P. The Proletarian Tourist in the 1930s between Mass Excursion and Mass Escape // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 110–141*), а также в монографии: *Орлова И., Юрчикова Е. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010.*

ЕЛИЗАВЕТА ЖДАНКОВА

ЧАСТНЫЕ КИНОТЕАТРЫ В ГОДЫ НЭПА КАК «СВОБОДНОЕ» КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Городские кинотеатры называют коммерческими. Цель их существования — извлечение прибыли. Завлечь зрителя вопящей рекламой, ослепить его потоками света, оглушить его звуками оркестра, соблазнить его фоторекламой из наиболее пошлых кадров, опустошить карман зрителя и выпустить его, как косяк обалдевшей воблы, в мутную темень улицы — таковы неизменные задачи коммерческих кинотеатров.

*Кино и жизнь. 1929*¹

При определении общей хозяйственной политики в кино следует совершенно отбросить как неправильные противопоставления «коммерции» и «идеологии» в советском кино. Советское кино может и должно быть доходным предприятием.

*Всесоюзное партийное совещание по кинематографии при ЦК ВКП(б). 1928*²

В 1920-е годы кинотеатр был одним из немногих досуговых центров горожан, где завоевание культурного пространства происходило в столкновении

¹ Кациграс А. Два миллиарда ждут // Кино и жизнь. 1929. 20 ноября. № 1.

² Всесоюзное партийное совещание по кинематографии при ЦК ВКП(б) 15–21 марта 1928 г. // Руководящие постановления по кино. Резолюции и постановления ЦК ВКП(б), Всесоюзного партийного совещания по кино и Первого всероссийского сценарного совещания. Л.; М.: Театропечать, 1929. С. 27.

экономического и идеологического факторов, и коммерческая составляющая, очевидно, имела преимущество. В этот период тактика взаимных уступок развлекательных и идеологических учреждений занимала важное место в культурной политике. В контексте «культурной революции» 1920-х годов кино как один из самых популярных и массовых видов городского досуга вызывало у представителей власти особый интерес. Кинематограф рассматривался как политический инструмент, позволяющий в развлекательной форме доносить до многочисленных посетителей идеологические установки властей. В 1919 г. кинематография была национализирована декретом Советской власти, но экономические трудности Гражданской войны, а затем новации времени нэпа не позволяли в желанной мере ввести кино в советский пропагандистский арсенал этого периода. В условиях перехода к нэпу остро встал вопрос о судьбе национализированных кинопредприятий — приемлема ли передача кино в частные руки? После длительных дискуссий было принято решение допустить использование частного капитала для развития кинопроката, формально оставшегося под контролем государственных органов. Складывалась противоречивая ситуация: партийные и государственные структуры в соответствии с принципами нэпа официально допускали развитие частных³ кинотеатров, рассматривая их как отрасль экономики, но одновременно предпринимали попытки контролировать кино как орудие пропаганды и идеологического воздействия. Упадочное состояние кинопрокатной сети не позволило государству удержать контроль над притоком частного капитала. В кратчайшие сроки кинопрокат оказался в большинстве случаев в руках частных предпринимателей.

Коммерческий успех кинотеатров — как государственных, так и частных — в значительной степени

³ «Частными», или «коммерческими», условно назывались кинотеатры, которые сдавались в аренду государством.

зависел от выбора репертуара. В период нэпа кинотеатры использовали в прокате в основном образцы дореволюционной и западной кинопродукции, которые с точки зрения коммунистической идеологии не выдерживали критики и считались «контрреволюционными», «мещанскими»⁴. Отношение идеологов правящего режима к такому репертуару было крайне настороженным. Это проявлялось в стремлении контролировать деятельность частных кинотеатров доступными способами, экономическими и административными мерами. Непосредственные руководители на местах, однако, рассуждали прагматичнее. Именно такой репертуар был коммерчески выгоден и продиктован конкурентной борьбой: зарубежные картины пользовались наибольшей популярностью у зрителей. Кинотеатры, даже принадлежащие государственным структурам, работали на принципах самоокупаемости и с помощью одинаковых приемов удовлетворяли запросы аудитории, играя по законам рынка и вступая в противоречие с собственной идеологией.

В фокусе исследований, касающихся кино как вида досуга, оказываются репертуарная политика и связанные с ней особенности зрительского восприятия. Кинотеатры традиционно рассматриваются лишь в контексте передачи фильма от кинофабрики к зрителю, минуя собственно организационную сторону киносеансов⁵. Остаются неопределенными само пространство кинотеатра и принципы его функционирования

⁴ См., напр.: Кино. Что нам показывают // Советское искусство. № 5. 1927. С. 91–92.

⁵ Место кинотеатров в городской культуре освещено в немногих исследованиях: *Плаггенборг Шт.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000; *Степанов З.В.* Культурная жизнь Ленинграда 20-х — начала 30-х годов. Л.: Наука, 1976; *Цивьян Ю.* Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896–1930. Рига: Знание, 1991; *Barber S.* Projected Cities: Cinema and Urban Space. L.: Reaktion Books, 2002; *Flickinger B.* Cinemas in the

в новых экономических условиях. Можно прокомментировать ряд ключевых вех в развитии всей советской кинематографии с точки зрения организации кино-театральной сети.

Необходимость массово восстанавливать кинотеатры после агонии революции и Гражданской войны вынудила государство к сдаче кинозалов в аренду. В годы нэпа взять одно из этих пустующих помещений в аренду не составляло труда, объявления о такой возможности регулярно появлялись в прессе, в особенности кинематографической. Для этого с ответственной организацией, владеющей кинотеатром, заключался договор об его аренде. Претенденты зачастую сами предлагали условия аренды, и головная организация имела возможность выбирать наиболее выгодные предложения.

Одним из самых информативных источников для понимания условий работы первых советских коммерческих кинотеатров представляются договоры на их аренду. Последние ни разу не становились объектом отдельного анализа, этот вид документов практически не был использован исследователями. Единый типовый договор с кинотеатрами был утвержден Совкино лишь в 1926 г., до этого же каждая организация подготавливала свой договор; на первых порах это был рукописный документ, составляемый с вариациями. Можно проследить, как на протяжении того времени, когда допускалась аренда кинотеатров, видоизменялась форма договора, какие пункты включались и исключались из него, а на что обращалось особое внимание, т.е. определить, в какой форме устанавливались отношения, насколько свободны были арендаторы в своих действиях и какие обязательства возлагались на них. Нетрудно оценить успешность работы кинотеатра по обилию его рекламы; о стабильности положения свидетельствуют регулярно публикуемые в прессе ре-

пертуар и анонсы фильмов. Договоры демонстрируют неизученную изнанку работы кинотеатра, сложности, с которыми сталкивались их арендаторы; знакомство с этими источниками «очеловечивает» организационную сторону киноработы и позволяет разглядеть за официальными постановлениями практику. Следует отметить, что, как и во многих других сферах, общие указания и решения по организации кинодела и регулированию работы кинотеатров, принимаемые на высшем уровне, зачастую игнорировались на местах на протяжении всех 1920-х годов. Р. Пикель, деятель культуры, игравший в 1927–1929 г. одну из ключевых ролей в Главном репертуарном комитете, спустя год после первого в стране партийного совещания по кино, прошедшего в 1928 г., писал: «Мы не можем похвастаться успешным проведением резолюций в жизнь. Директивы всесоюзного партсовещания, данные свыше года назад, на девять десятых так и остались на сегодняшний день неоплаченным векселем. Темп реализации грозит превратить эти документы в своеобразную пятилетку»⁶. Характерно, что подобные реплики звучали и в 1922-м, и в 1925-м, и позже, в 1929 г. Судить о работе кинотеатров только по бравурным рапортам в специализированной прессе или по официальным постановлениям было бы неверно, это дает лишь одностороннее видение процесса.

Прежде всего следует отметить, что в договоре отдельно подчеркивалось: помещение должно быть использовано исключительно для просмотра фильмов. Между тем использование кинотеатра в иных целях не было редкостью — например, одна из организаций устроила в нескольких помещениях бывших кинотеатров игорный клуб и концертную площадку⁷.

⁶ Пикель Р. За осуществление партийных директив // Руководящие постановления по кино. С. 5.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 33. Доклад зав. ЛТГ об аренде помещений. Л. 40.

Официально разрешалось, однако, открывать при кинотеатре буфет или даже ресторан⁸, и нередко это становилось ключевым источником дохода для владельца кинотеатра. Одно из немногих примечаний в договоре особо указывало на то, что дивертисмент и миниатюры⁹ допускаются лишь как дополнение к сеансу¹⁰. Существовала отдельная категория «кинотеатра с дивертисментом»¹¹, «кинематограф с концертами и миниатюрами»¹². Это, как правило, были дорогие кинотеатры в центре города. Наличие такого пункта в договоре не могло помешать зрителям «голосовать ногами» и выбирать те кинотеатры, где была более богатая программа дивертисмента. Зачастую газеты вели кампанию против дивертисмента в кинотеатрах как доминанты сеанса. Следует заметить, что в среднем кинотеатр тратил на дивертисмент треть своего заработка и примерно в 2–3 раза больше, чем на прокат самих фильмов. Это было известно ответственным за киноработу инстанциям, но никаких действенных мер

⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7. Договор об аренде кинотеатра «Коммунар». Л. 2.

⁹ По дореволюционной традиции киносеанс предваряло концертное отделение с увеселительными номерами, оркестром, выступлением танцовщиц и певиц или другими развлечениями для публики. Советская власть в начале 1920-х годов боролась с дивертисментом как с буржуазным пережитком, однако для публики он оставался едва ли не привлекательнее, чем сам киносеанс. Его старались вытеснить с помощью просветительских мероприятий, чтения лекций, устройства читален. В 1930-е годы появлялись целые пособия по организации времени до сеанса идеологически верным образом.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7. Договор об аренде кинотеатра «Коммунар». Л. 1.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8. Договор об аренде кинотеатра «Веселые маски» А.М. Бановичем. Л. 24.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 33. Договор об аренде кинотеатра «Трокадеро» П.А. Смолиным. Л. 28.

против этого на протяжении 1920-х годов принято не было.

Управляющая кинематографией организация старалась не брать на себя ответственность за происходящее в кинотеатре. Никаких требований о соблюдении репертуара или инструкций по организации собственно культурной работы в самом кинотеатре не было, но арендаторы письменно соглашались с тем, что будут в точности исполнять все правила, постановления и прочие распоряжения, относящиеся к кинематографам¹³. Иногда в договорах содержались рукописные оговорки о том, что арендаторы обязаны придерживаться курса культурной работы других институций, например Комиссии по улучшению быта учащихся. Таким образом, ответственность за соблюдение этого пункта полностью перекладывалась на плечи арендаторов и практически не контролировалась управляющим органом до 1926 г.

Ни о каком регулярном контроле над кинотеатрами со стороны государственных органов речи в договоре не было. Специально не регламентировался состав работников частных кинотеатров, но в отчетах кинотеатров об их деятельности требовались сведения о персонале: социальный статус, членство в партии. При этом государственный арендодатель оставлял за собой право назначать свой низший технический персонал (комендант, вахтер, сторож), но не более того. Вероятно, этим правом не пользовались широко, и к 1925 г. данный пункт мог вычеркиваться из договора, хотя в бланках он по-прежнему формально сохранялся¹⁴.

Со временем, однако, этот пункт дополняется другим: «Арендатор обязан вести организуемое

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7. Договор об аренде кинотеатра «Коммунар». Л. 1.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8. Договор об аренде кинотеатра «Веселые маски» А.М. Бановичем. Л. 25.

художественное предприятие согласно производственному плану, утвержденного Художественным комитетом Губоно, а текущий репертуар представлять для контроля в Губрепертком, согласно существующих положений»¹⁵. Симптоматичный пункт договора появляется в 1924 г.: он гласит, что если на содержание зрелища не будет получено надлежащего разрешения или его эксплуатация по каким-либо причинам станет невозможной, управляющая организация не несет за это никакой ответственности и не принимает претензии на свой счет.

Таким образом, государственные киноучреждения целиком снимали с себя ответственность за происходящее в стенах кинотеатров, не принадлежащих их ведомству. К 1925 г. мы можем видеть уже выдержанную в определенном стиле четкую структуру договора, напечатанного на хорошей бумаге и заполненного на машинке. Очевидно, что постепенно налаживался механизм сдачи кинотеатров в аренду частным лицам или отдельным организациям. Со временем выдвигается условие об обязательной прокатной базе картин, которая оговаривалась в договоре — в Ленинграде, например, это чаще всего была прокатная контора Севзапкино¹⁶, затем ее сменил другой монополист, уже всесоюзного масштаба — Совкино. И этот пункт могли обходить предприимчивые управляющие — старались достать популярную картину вне очереди у сторонних лиц.

Неприемлемый для решения официальных идеологических задач репертуар мог компенсироваться вне-репертуарными формами взаимодействия со зрителем и организацией его досуга. Такими формами могли быть массовые походы в кино, пропаганда социали-

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7. Договор об аренде кинотеатра «Коммунар». Л. 29.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 31. Договор об аренде кинотеатра «Россия» Выводцовой Е.Т. Л. 13.

стических лозунгов, лекции, обсуждения, предварительные просмотры и обсуждения фильмов до выпуска их в прокат, использование визуальных средств в фойе, риторика прессы и т.п. Управляющие кинотеатрами, в свою очередь, искали способы ухода от навязанных им мероприятий, снижавших посещаемость и доходность, и предлагали зрителю свою альтернативу. И несмотря на официальную риторику строгого надзора, контролирующие структуры слабо следили за этим. Известно, что в рамках различных кампаний кинотеатры обязывались показывать фильмы соответствующей тематики. Так, регулярно выходили постановления об участии кинотеатров в революционных праздниках, где указывалось, какие даты Красного календаря должны быть отмечены соответствующими фильмами. Тем не менее за октябрь-ноябрь 1924 г. во многих коммерческих кинотеатрах не было показано ни одного фильма, связанного с новыми революционными датами. Большинство фильмов революционного содержания попадали в массовый прокат в основном через государственные кинотеатры и клубы, но и с ними ситуация была неоднозначной. Так, в Народном доме им. К. Либкнехта и Р. Люксембург, входившем в состав Ленинградского театрального управления, не было проведено ни одного мероприятия к годовщине Октябрьской революции с формулировкой, что в октябре «не было революционных праздников»¹⁷. Насколько известно, никаких санкций за нарушение подобных постановлений не следовало.

Наиболее активно кинотеатры сдавались в аренду частным лицам в период с 1922 по 1926 г. В 1925 г. во всей киноиндустрии произошли глобальные перемены, связанные с созданием нового объединенного органа — Совкино. В связи с этим внимание городских государственных киноорганизаций переключилось

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 30. Оп. 1. Д. 101. Ежемесячный отчет Гос. Народного дома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург. Л. 10 об., 13 об.

с лицензирования фильмов на работу кинотеатров. С этого момента начался обратный процесс «накапливания» кинотеатров и выживания их из частных рук или — чаще — у ведомств, которые неудачно эксплуатировали кинотеатры. В частности, у Севзапкино в Ленинграде и до 1925 г. имелось в распоряжении 13 кинотеатров. Но они были разрознены, работали автономно, и некоторые были также сданы в аренду. Это не приносило дохода, о чем свидетельствует, например, неудачный случай аренды Василеостровским райисполкомом кинотеатров «Форум» и «Буревестник». Они приносили огромный убыток — 50 тыс. рублей за год, а вся крайне малая прибыль от них расходовалась на содержание других, таких же неприбыльных предприятий, как, например, Василеостровский сад. Несколько крупных, популярных в дореволюционном Петрограде кинотеатров — «Сплendid», «Колизей», «Гранд-Палас», «Гладиатор» — Севзапкино купило заведомо убыточными и теперь принимало меры по увеличению их доходности. Это достигалось в первую очередь за счет сокращения штатов и трат на рекламу, а также стоимости концертного отделения. Была, однако, артикулирована ориентация на массового зрителя — соответствующие номера концертного отделения, сатира, физкультура и проч.¹⁸ На XV съезде ВКП(б) была поставлена задача «начать постепенное свертывание водки, вводя вместо водки такие источники дохода, как радио и кино». Отмечалось, однако, что «нельзя толковать это под исключительно “коммерческим” углом зрения, допуская какие-либо идеологические уступки вкусам, отступая от общественно-политических задач»¹⁹. Практика последующих двух

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 83. Оп. 1. Д. 148. Докладная записка о состоянии дел в Севзапкино для Ленинградского Губисполкома. Л. 8–9.

¹⁹ Всесоюзное партийное совещание по кинематографии при ЦК ВКП(б) 15–21 марта 1928 г. С. 27.

V. Учреждения и практики

лет, тем не менее, продемонстрировала, что «коммерческий уклон» оставался сильным.

Так же как и в других сферах советской экономики, в кино по окончании восстановительного периода начался период нового строительства²⁰. Этот период характеризовался всплеском новых амбиций и изменением официальной политики (в большей степени, чем практики) в отношении организации кинодела. Так, Губполитпросвет Ленинграда в 1926 г. ставил перед собой цель в ближайший год добиться перехода в ведение их руководства в городе всех киноучреждений — согласно директивам Наркомпроса и Главполитпросвета²¹.

Единого курса на развитие кинотеатральной сети в городах и контроля за ней так и не было выработано. С одной стороны, в 1929 г. считалось, что «следует признать ошибочной встречающуюся в практике киноорганизаций линию на развитие сети, главным образом, охватывающей высокоплатящего зрителя. Эта линия исходит из неверного представления об ограниченности рынка кино, из недоучета возможностей расширения сети и тех материальных ресурсов, которыми располагает периферия»²². В том же документе, однако, содержится и совершенно противоположное мнение: «...необходимо усиливать развитие кинотеатров, обслуживающих более высокоплатящего зрителя в городах, исходя из того, что эта кинотеатральная сеть пока, при настоящем положении, является финансовой базой для кинопроизводства»²³. Следует за-

²⁰ Всесоюзное партийное совещание по кинематографии при ЦК ВКП(б) 15–21 марта 1928 г. С. 34.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 10. Д. 10009. Тезисы доклада о перспективах работы Губполитпросвета в городе на 1926–1927 гг. Л. 70.

²² Всесоюзное партийное совещание по кинематографии при ЦК ВКП(б) 15–21 марта 1928 г. С. 26.

²³ Там же. С. 29.

метить, что они опубликованы не в форме дискуссии, а в форме резолюции партийного совещания.

Обращают на себя внимание слова К.М. Шведчикова, возглавлявшего правление Совкино со дня его основания. Старый большевик с богатым организационным опытом, он заслужил репутацию блестящего хозяйственника. Как предприимчивый человек, он взялся за дела вновь организованного предприятия Совкино с четким планом работы и поставленными целями — сделать советскую кинематографию доходной. С 1924 г. до самой смерти в 1935 г., несмотря на ожесточенную критику своей работы за «коммерческий» уклон, Шведчиков успешно руководил крупнейшей в стране киноорганизацией. В 1927 г. глава Совкино выступил с идеей дальнейшей централизации всего кинодела в стране: «Организация кинодела в РСФСР еще не закончена. Будет в РСФСР она закончена тогда, когда в одной организации будут сосредоточены производство, прокат и кинотеатральная сеть»²⁴. Его подход определил направление дальнейшего развития «киноиндустрии» и стремительное сворачивание практики аренды частных кинотеатров.

Кинофикация, интенсивно проводимая в СССР в 1920-е годы, в наибольшей степени касалась деревни и небольших провинциальных городов — об этом свидетельствует масса брошюр и инструкций «Кино в деревне», этот вопрос чаще поднимался на совещаниях разного уровня. В крупных городах с богатой дореволюционной кинематографической традицией кинотеатр был в первую очередь досуговым учреждением и в немалой степени рассматривался государственными структурами как статья бюджета. В эпиграфе к данной статье приведены две цитаты, демонстрирующие, что и частные, и государственные кинотеатры в определенный период преследовали одну и ту же цель — прибыль.

²⁴ Кино. 1927. 23 августа.

V. Учреждения и практики

Примечательно, что в условиях цензуры кинофильмов за самими частными кинотеатрами, куда и приходили зрители смотреть эти фильмы (а нередко и совсем другие, неподцензурные), был установлен весьма условный контроль. Он касался двух основных показателей, в число которых не входит идеологический надзор, — это прежде всего строгая финансовая отчетность и меры безопасности. Некоторое время частный кинотеатр оставался свободным от идеологии пространством, экономически независимым, в то время как государственные и клубные кино подвергались «массированной атаке» агитпропа. Выделяются, таким образом, две мало пересекающиеся сферы влияния в структуре городских развлечений. И что наиболее интересно в данном контексте, в течение определенного периода (1921–1929 гг.) эти сферы конкурировали между собой почти на общих основаниях. Строительство новых кинотеатров в годы нэпа велось неактивно, большее распространение получили дома культуры и клубы — места организованного, подконтрольного досуга, куда среди прочего входили и кинотеатры. Лишь к 1930-м годам «свободный» досуг был вытеснен из кинотеатров, оказавшихся целиком в руках государства.

© Жданкова Е., 2013

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

МАЛЬЧИКИ НАЛЕВО, ДЕВОЧКИ НАПРАВО. ПЕРИОД РАЗДЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СССР

Период раздельного обучения в истории советской школы был недолгим — всего 11 лет, с 1943 по 1954 г. Тем не менее он оставил значимый след не только в работе образовательной системы, но и в культуре.

Эта реформа отражала гораздо более общие процессы, прежде всего связанные с пересмотром официального подхода к культурному, идейному и даже политическому наследию дореволюционной эпохи. Если в 1920-е и в первой половине 1930-х годов для советской власти принципиально важно было продемонстрировать дистанцию по отношению ко всему тому, что было связано со старым режимом, то начиная с конца 1930-х постепенно усиливается готовность советского руководства заимствовать многое из дореволюционного прошлого, подчеркивая не только разрыв, но и преемственность.

На уровне образовательной политики такая смена подходов приводит к тому, что в советской школе начинают все более обращаться к опыту царских гимназий.

Именно в дореволюционной России длительное время практиковалось раздельное обучение юношей и девушек в мужских и женских классических гимназиях. Подобный подход обосновывался идеей о необходимости различной подготовки мальчиков и девочек. После революции эти взгляды были осуждены, и принцип равноправия требовал перехода к совместному обучению. В партийной программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г., говорилось о необходимости совместного обучения детей обоего пола.

Мотивировалось это стремлением устранить существовавшее до революции неравноправие женщин и мужчин (так как женские средние учебные заведения в дореволюционной России давали меньший объем знаний, чем мужские) и сделать среднее образование общедоступным. В соответствии с этим Народный комиссариат просвещения РСФСР ввел 31 мая 1918 г. в школах страны обязательное совместное обучение мальчиков и девочек, просуществовавшее без изменения ровно четверть века — до лета 1943 г.¹

Однако к концу 1930-х годов политика изменилась. Советский режим проделал значительную эволюцию. Бюрократические структуры, выросшие из революционной власти, стремились к стабильности. Власть становилась все более консервативной. На культурном уровне стабилизация выразилась в использовании символических практик и образов, характерных для старого режима. Например, возвращение в армию погон, офицерских и генеральских званий, орденов. В этом же ряду стоит заимствование внешних атрибутов классических гимназий. Была введена школьная форма, которая с 1948 г. фактически копировала фасон формы классических гимназий — и по цвету, и по покрою, и по аксессуарам. Для мальчиков — фуражка, гимнастерка и поясной ремень солдатского типа. Для девочек — коричневое платье с черным (повседневным) или белым (для торжественных мероприятий) фартуком, завязывавшимся сзади на бант. Когда пошли слухи о том, что в школы введут раздельное обучение мальчиков и девочек, жители Москвы реагировали так: «Что это за гимназии вы вводите?»².

Впервые на повестку дня вопрос о введении раздельного обучения был поставлен накануне Великой Отечественной войны. Верховное руководство посчитало, что полное равноправие уже достигнуто во всех

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 54. Л. 20.

² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 2954. Л. 23.

областях. В мае 1941 г. по личному указанию секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова Отдел школ ЦК ВКП(б) совместно с Народным комиссариатом просвещения РСФСР обязали подготовить рассмотрение вопроса на Оргбюро ЦК ВКП(б). Однако начало войны помешало осуществлению этих планов. К восстановлению раздельного обучения вернулись лишь в 1943 г., когда после разгрома Красной Армией войск нацистской Германии под Москвой и Сталинградом исчезла угроза катастрофы, нависшая над страной.

Обратимся к докладной записке, подготовленной Отделом школ ЦК ВКП(б) и Народным комиссариатом просвещения РСФСР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах Союза ССР»³. В ней утверждается, что неравенство мужчин и женщин в области образования уже устранено благодаря введенному в мае 1918 г. всеобщему образованию. Полное равноправие достигнуто во всех областях «хозяйственной, политической и культурной жизни». Совместное обучение стало создавать «затруднения педагогического и организационного порядка». Согласно записке, правильная организация учебно-воспитательной работы требует учета особенностей физической природы и развития девушек, в соответствии с которыми должна осуществляться подготовка мальчиков и девочек к труду и практической деятельности. Авторы записки считали, что введение раздельного обучения будет содействовать укреплению дисциплины и устранил «не всегда здоровые взаимоотношения» между противоположными полами. Помимо этого, нововведение «может обеспечить более широкий охват девочек школой в национальных республиках и областях, где еще не преодолены окончательно старые бытовые предрассудки». В первую очередь новый тип обучения предлагалось ввести в областных, краевых и рес-

³ Там же. Оп. 69. Д. 2997. Л. 1.

публиканских центрах, а также в некоторых крупных промышленных городах. Как мы видим, речь не идет о сельской школе.

Рассмотрев данную аналитическую записку, подготовленную Отделом школ ЦК ВКП(б) и Наркомпросом РСФСР, Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило:

1. Утвердить проект постановления Совнаркома СССР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов.
2. Придавая большое государственное значение введению раздельного обучения в школах, ЦК ВКП(б) обявляет обкомы, крайкомы ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик взять под свой контроль проведение в жизнь конкретного постановления и оказать органам народного образования необходимую помощь в деле осуществления раздельного обучения мальчиков и девочек⁴.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о введении раздельного обучения было утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 16 июля 1943 г., и в тот же день вышло в свет соответствующее постановление Совета народных комиссаров СССР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных республик и крупных промышленных городов».

Реформирование школьной отрасли проводилось в 81 городе Советского Союза. В 1943/1944 учебном году общее количество раздельных школ составило 2055. Поскольку шла война и к июлю-августу 1943 г. Украина, Белоруссия, Прибалтика и западные области РСФСР находились в оккупации, предполагалось, что по мере освобождения этих территорий в расположенных там крупных населенных пунктах тоже будет постепенно

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 54. Л. 22.

введено раздельное обучение. В 1953–1954 гг. школы с раздельным обучением существовали в 150 городах. В сельских школах обучение было по-прежнему совместным.

Согласно инструкции, каждая мужская или женская школа обязана была располагаться в отдельном учебном здании, как и дореволюционная классическая гимназия. Мужские и женские учебные заведения должны были иметь все необходимое военно-учебное, спортивное и лабораторное оборудование. В мужских, учитывая специфику профессиональной ориентации юношей того времени, предполагалось значительно увеличить количество лабораторных и практических работ по физике, химии, биологии⁵. Подготовка мальчиков и девочек предусматривала определенную спецификацию в оборудовании рабочих комнат, учебных кабинетов, библиотек и т.д. В мужских школах собирались значительно увеличить число лабораторных и практических работ по вышеприведенным предметам, улучшить постановку физического воспитания и военного обучения. Однако для большей части школ эти условия оказались невыполнимыми. По своему содержанию работа в мужских и женских школах почти (а иногда и совсем) не различалась.

Период раздельного обучения, несмотря на свою относительную краткость, заметно отразился в детской художественной литературе и кинематографе того времени. Назовем лишь такие произведения, как «Первоклассница» Е. Шварца (и одноименный фильм И. Фрэза, 1948); «Старик Хоттабыч» Л. Лагина; «Витя Малеев в школе и дома» и «Веселая семейка» Н. Носова, «Старшая сестра» Л. Воронковой. Что касается кинематографа, то следует упомянуть «Красный галстук» (реж. В. Сухобоков, 1948); «Аттестат зрелости» (реж. Т. Лукашевич, 1954); «Алеша Птицын вырабатывает характер» (реж. А. Граник, 1953).

⁵ Там же. Л. 25.

Разделение школ создавало много проблем, решать которые власти часто были не готовы.

Во-первых, росла наполняемость классов: в среднем в школе было 27 классов по 44 учащихся в каждом. Размещение такого большого количества учеников часто происходило за счет перепрофилирования под классы учебных кабинетов. Многие школы работали в две-три смены и не имели из-за этого условий для проведения внеклассных мероприятий. Приведем пример: в московской мужской средней школе № 122 занимались 1500 учеников в 39 классах, при том что классных комнат имелось всего 19. Учащиеся были вынуждены занимать учебные кабинеты. Спортзал находился в специально приспособленном под него помещении, состоящем из двух бывших классных комнат. Внешкольная работа почти не проводилась, так как занятия заканчивались около 20 часов. Из-за трудностей с размещением многие школы, особенно на окраинах больших городов, были ликвидированы. Полностью перешли снова на совместное обучение школы в 17 городах РСФСР.

Во-вторых, возникли трудности с подбором персонала и его нехваткой. Согласно изданной Наркоматом просвещения РСФСР инструкции от 23 июля 1943 г., директорами мужских школ должны были назначаться обязательно мужчины, а женских — женщины. Было приказано особенно тщательно подбирать кадры директоров, учитывая особенности характера каждого претендента на директорскую должность. Эти меры не были выполнены. Производившийся «наспех» подбор кадров привел к большой текучке учителей. Часто назначали людей «без соответствующих деловых качеств». В одной только Новосибирской области не хватало 1520 педагогов. Из пяти школ в Челябинске лишь в одной директор занимал свой пост более пяти лет. В Москве в 69 мужских школах директорами являлись женщины.

В-третьих, нехватка учебного оборудования в большинстве мужских школ не позволяла проводить обя-

зательный минимум лабораторных работ по физике, химии, биологии. Это привело к тому, что обучение по многим темам сводилось к словесной форме без демонстрационных опытов. Военно-спортивное оборудование тоже, как правило, имелось в недостаточном количестве или было сильно изношено. Из 376 школ в Москве в 234 спортзал отсутствовал.

В-четвертых, в первый год отдельного обучения во многих школах была путаница среди учащихся: многих неправильно распределили по школам, в итоге в некоторых классах за двухместными партами приходилось размещать по четыре школьника. Такая ситуация, к примеру, сложилась в сентябре 1943 г. в школах г. Дзержинска Горьковской области⁶.

В-пятых, одной из самых важных проблем была проблема межгендерной коммуникации, которую как раз и отражают книги и фильмы того времени. Школьные годы — важный этап в социализации ребенка. Смешанный класс представляет собой модель общества, где мальчикам и девочкам приходится общаться, договариваться, совместно принимать решения. В связи с отдельным обучением возникала проблема социализации ребенка, его адаптации в обществе. Ведь если ребенок общается со сверстниками только своего пола, в будущем у него могут появиться проблемы в общении с противоположным полом из-за нехватки знаний, неумения построить разговор. Представители противоположного пола начинают восприниматься как инопланетяне.

Дуальность миров мужской и женской школы ярче всего выражена в «Первокласснице» Е. Шварца. Главная героиня, Маруся, дружит с мальчиком по имени Сережа. Если раньше ребята постоянно общались во дворе, дрались, потом мирились, то с поступлением в первый класс их поведение по отношению друг к другу меняется. Иногда Сережа по старой памяти продол-

⁶ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 4. Д. 1903. Л. 17.

жает называть Марусю «фасоней», но до драки дело уже не дойдет — ведь ребята стали первоклассниками и обязаны соблюдать свой новый «статус». Во время кратких встреч во дворе они обмениваются впечатлениями о своих школах, учительницах, имеющих в школе кружках, уроках физкультуры. Ребят интересуют мельчайшие подробности, потому что они очень смутно представляют, как устроено обучение в «чужой» школе.

Витя Малеев, главный герой книги Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», спрашивает у своей младшей сестры: «Слушай, Лика, у вас в классе девчонки выдают друг дружку?» И отмечает, что в мужской школе ребята не выдают друг друга. Лика считает это «сваливанием» вины друг на друга и замечает: «У нас в классе не такой порядок». Витя не удивлен: «У вас там все примерные ученицы». Противопоставление «примерной ученицы» и «мальчика-сорванца» встречается очень часто. В фильме «Алеша Птицын вырабатывает характер» учитель чтения сообщает, что один урок у мальчиков проведет студентка-практикантка. Алеша Птицын говорит: «Студентка с нами не справится. Вас мы слушаемся, а студентке с нами трудно будет». Ему вторит одноклассник: «Пусть в женскую школу идет, с девочками все-таки легче».

В процессе подготовки статьи были опрошены несколько человек, учившихся в отдельных школах. Так, астрофизик Марина Яковлевна Русяева, учившаяся первые два класса в женских школах, сначала в Петропавловске, а затем в Алма-Ате (1952–1953), рассказывает о проблемах, возникавших при общении между девочками и мальчиками. Она признается, что при возврате к совместному обучению еще около полугода девочки и мальчики смотрели друг на друга, как на существ из других миров. Они просто не могли понять, как же с ними общаться?

Пожалуй, только раз в году школьная система давала шанс представителям разных полов научиться

взаимодействовать и уважать друг друга. Это — новогодние костюмированные балы, идея которых также возвращает нас к дореволюционным практикам. Такой бал показан в фильме «Аттестат зрелости» (реж. Т. Лукашевич, 1954). Мальчики с нетерпением ждут прихода девочек, красуются друг перед другом своими костюмами. Бал тематический: гости должны прийти в костюмах героев литературных произведений и найти свою «пару».

В 1950–1953 гг. в стране развернулась дискуссия о судьбе раздельного обучения школьников. Центром этой дискуссии стала «Литературная газета», которую в тот период возглавлял К. Симонов. Его активная позиция в данном вопросе косвенно сыграла свою роль в возвращении к совместному обучению. 8 апреля 1950 г. в «Литературной газете» была опубликована статья профессора В. Колбановского «Волнующий вопрос», в которой говорилось о необходимости пересмотреть систему раздельного обучения в школах СССР. Профессор отмечал, что программы и учебники остались общими. Колбановский считал, что «отнюдь не меньшие достижения отмечаются и в школах совместного обучения». Более того, обучаясь вместе, мальчики и девочки оказывают друг на друга «сдерживающее и облагораживающее влияние». Именно «на школьной скамье дети привыкают видеть в каждом ученике и ученице своих будущих надежных товарищей по жизни, в труде, а понадобится — и в боях»⁷.

Только за короткий период — с конца апреля до начала августа 1950 г. — редакция «Литературной газеты» получила более 800 писем читателей с откликами на публикацию. Писали люди самых разных возрастных групп и профессий: от школьников и домохозяек до старших армейских офицеров. Подавляющее большинство выступало за полный возврат к совместной модели средней школы. Читателей волновало, что

⁷ Колбановский В. Волнующий вопрос // Литературная газета. 1950. № 29. 8 апреля.

вместо товарищеских отношений в школах раздельного обучения были нередки случаи «мещанского отношения к дружбе» мальчиков и девочек. Комсомолка Л. Черногубовская пишет о своей восьмикласснице-сестре: «С мальчиками она встречается на вечерах в школе и дома. Судит о них она, в основном, по тому, насколько хорошо они танцуют»⁸.

Однако далеко не все авторы писем требовали отказа от раздельного обучения. В. Тяпкин, директор 32-й средней мужской школы Ростова-на-Дону, считает, что раздельная система была введена «из глубочайших патриотических побуждений в годы Великой Отечественной войны»⁹, и убежден, что воспитание и обучение советского юношества в мужских школах должно иметь свою специфику. Юноша должен быть по-особому дисциплинированным, подтянутым, ловким, выносливым, быть хорошим руководителем и подчиненным. Ему возражает С. Кунанбаев, секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана. По его мнению, раздельное обучение есть не что иное, как «перепевы теорий буржуазных идеологов об интеллектуальной неполноценности женщин». Он вспоминает формулу «четырёх К: Kinder, Küche, Kleider, Kirche», когда женщине не требовалось больших знаний в любой области науки. Кунанбаев пишет, что в условиях социалистического строя роль женщины в обществе и ее место в труде изменилось коренным образом. Женщина стала новатором производства, ученым, государственным деятелем: «Женщина у нас — большая сила. Только в условиях социалистического строя женщина полностью утверждает себя, и она в этих условиях должна учиться всем наукам, а не каким-то надуманным чисто женским»¹⁰. С ним категорически не согласен С. Назаров, преподаватель ялтинского педагогическо-

⁸ Литературная газета. 1950. № 36. 4 мая.

⁹ Там же.

¹⁰ Литературная газета. 1950. № 52. 28 июня.

го училища: «Безусловно, к различным предметам следует подходить в зависимости от того, кому они преподаются. Девушки — будущие матери, и они должны быть готовы к выполнению ответственного долга материнства. А для этого девушек надо соответственно воспитывать»¹¹.

Домохозяйка и мать из Ленинграда А. Недосекина пишет: «Я слышала от мальчиков выражение: “бабская школа”». Она отмечает, что в детских домах, пионерских лагерях девочки и мальчики проводят время вместе, и нелогично, когда «проводить совместно несколько часов в день за партой в школе вредно, а жить и отдыхать вместе полезно»¹². Читательница Е. Нагаева сетует: доходит до того, что в третьем классе некоторые педагоги стали различать даже сказки «для мальчиков» и «для девочек»¹³.

«Литературная газета» 14 августа 1950 г. опубликовала редакционную статью «Волнующий вопрос надо решить», в которой подводились первые итоги начавшейся дискуссии и высказывалась точка зрения редакции, также поддержавшей идею совместного обучения.

В феврале 1953 г. К.М. Симонов передал копии этих писем в ЦК КПСС и направил письмо секретарю ЦК КПСС Н.А. Михайлову, курировавшему в тот период систему образования. Отметим, что если в 1941–1943 гг. подготовка к введению отдельного обучения осуществлялась кулуарно, в недрах партийного аппарата, то процесс ликвидации отдельного обучения проходил более открыто, с участием рядовых граждан.

ЦК КПСС считал, что предусмотренные инструкцией Наркомата просвещения РСФСР 1943 г. условия, необходимые для нормальной работы мужских и женских

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

школ, созданы не были и что «раздельное обучение было введено формально, по содержанию же работа в мужских и женских школах ничем не отличалась друг от друга». Во всех неудачах раздельного обучения ЦК КПСС обвинил Министерство просвещения РСФСР, указав, что оно «по существу сорвало выполнение постановления Правительства о введении раздельного обучения. С самого начала работа мужских и женских школ почти полностью была предоставлена самотеку»¹⁴. Кроме этого указывалось, что в послевоенные годы наполняемость классов в школах с раздельным обучением, особенно в крупных городах, значительно увеличилась. Классы оказались сильно перегружены, и усложнилась задача поддержания необходимой дисциплины в школах, особенно среди мальчиков и юношей.

Интересен тот факт, что и введение раздельного обучения в 1943 г., и его ликвидацию в 1954 г. мотивировали стремлением укрепить дисциплину учащихся.

В июле 1954 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов», в котором сказано: «Учитывая пожелания родителей учащихся и мнение учителей школ, ввести в школах Москвы, Ленинграда и других городов с 1954/55 учебного года совместное обучение мальчиков и девочек». Совместное обучение с осени 1954 г. было введено в I–IX классах всех школ СССР (в X классе в 1954/55 гг. обучение было оставлено раздельным по вполне понятным педагогическим соображениям, поскольку X класс — выпускной).

Больше к этой практике отечественная система образования не возвращалась.

© Гончарова Г., 2013

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 38. Л. 25, 26.

АЛИНА ВОЛЫНСКАЯ

ЦИРК И ПОЛИТИКА

В СССР

(НА ПРИМЕРЕ

«УГОЛКА ДЕДУШКИ ДУРОВА»)

Ленину приписывают фразу «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшим для нас являются кино и цирк», но, похоже, он все-таки ее не произносил¹. Однако сам по себе факт мистификации не отменяет справедливости сказанного: цирк стал одним из центральных советских искусств, средством политического воспитания, предметом гордости и способом презентации достижений Советского Союза странам Запада.

Цирк в СССР парадоксальным образом меняет свое предназначение: из низового искусства, которое традиционно служило освобождению масс от различных форм ограничений и контроля, он превращается в проводник идеологии и источник политического воздействия.

Программа развития нового революционного цирка формируется с первых лет существования СССР. Уже в 1919 г. нарком просвещения А.В. Луначарский в статье «Задачи обновленного цирка»² утверждает, что необходимо заново открыть цирк как обновленное, авангардное, революционное искусство. Цирк со все-

¹ В двух источниках, на которые обычно ссылаются при упоминании этой фразы, — Полном собрании сочинений Ленина (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 44. С. 579) и журнале «Советское кино» (Советское кино. 1933. № 1–2. С. 10) — приводится каноническая формулировка: «Из всех искусств важнейшим для нас является кино».

² *Луначарский А.В.* Задачи обновленного цирка // Вестник театра. 1919. № 3.

ми подвластными ему ресурсами — силой смеха, который владеет тысячами, культом зрелища, смелости, физической красоты и физической силы — должен противостоять буржуазному вкусу, воспитанному на пошлой мелодраме. Для этого необходимо придать забвению старый цирк и очистить репертуар от «буржуазной гнили», на место которой должны прийти революционные карнавальные зрелища и политическая клоунада.

Рассмотрим, как советская программа «нового цирка» реализовывалась и трансформировалась в «Уголке Дурова».

В 1912 г. В. Дуров, клоун, артист и дрессировщик, купил на улице Старая Божедомка модернистский особняк постройки А. Вебера и открыл там театр «Крошка» (позже — «Уголок Дурова»), где показывал свои представления и аттракционы, в том числе знаменитый аттракцион «Мышиная железная дорога», который позже стал визитной карточкой театра.

В 1919 г. «Уголок Дурова», как и все другие цирки, был национализирован и передан в ведение Научного отдела Наркомпроса — «как представляющий научный и культурно-просветительный интерес»³.

«Научный интерес» заключался в следующем: с середины 1910-х годов в «Уголке» проводились исследования, посвященные влиянию внешней среды на животных, их психологии и методам дрессуры (в том числе гипнозу). При «Уголке» работали лаборатория по зоопсихологии и естественно-научный музей, устраивались научные конференции и издавался научный журнал. В разное время здесь работали В.М. Бехтерев, А.В. Леонтович и А.Л. Чижевский.

Как отмечает Э.Я. Двинский, посвятивший истории «Уголка» и его художественной деятельности целую монографию, изучение способов дрессировки зверей проводилось в духе «великого материалистического

³ Цит. по: Двинский Э.Я. Уголок В.Л. Дурова. М.: Московский рабочий, 1959.

учения Павлова об условных рефлексах»⁴. Легенда, лежащая в основе нынешней нравственной позиции «Уголка», гласит, что Дуров первым в мире нашел способ дрессировать животных при помощи поощрения едой — без хлыста, палки и прочих угрожающих приспособлений.

Кроме того, в лаборатории проводились исследования гипноза (считается, что Дуров владел соответствующими техниками) и было доказано, что гипноз по своей сути — вполне материалистическое явление.

Деятельность лаборатории Дурова — эксперимент, стремление синтезировать науку и искусство и создать принципиально новый метод — вполне вписывалась в авангардные проекты 1920-х годов и программу Луначарского по созданию обновленного революционного цирка.

Научные достижения «Уголка» дополнялись его пропагандистской деятельностью. Цирковое искусство было приспособлено для идеологического высказывания. «Культурно-просветительский интерес» представлял собой прежде всего агитацию и «просвещение» масс. Интенсивность политического воздействия разных спектаклей довольно сильно варьировалась. Скажем, знаменитый дореволюционный аттракцион «Мышиная железная дорога» с приходом советской власти трансформировался незначительно — просто отныне железнодорожные пути были украшены лозунгами Наркомата путей сообщения.

На сцене «Уголка» ставились и более острые саркастические номера, высмеивавшие разнообразных врагов советской власти (буржуазию, белых и т.д.). Например, Дуров часто показывал сценку с фокстерьером по кличке Пик. Дрессировщик расстилал на сцене карту бывшей Российской империи и спрашивал: «Пик, какую территорию занимает рабоче-крестьянское Советское государство?» Пес обегал всю карту. «Пик, а

⁴ Там же.

где находится белая контрреволюционная армия?» Пес останавливался над Крымом и поднимал лапку.

И наконец, существовали полноценные политические спектакли, устроенные куда более изощренно. С этой точки зрения наиболее показательный пример — спектакль «Зайцы всех стран, соединяйтесь!». По воспоминаниям И.Г. Эренбурга⁵, действие развивалось следующим образом: сначала заяц долго перелистывал книгу, на которой крупными буквами было написано «Капитал», затем подзывал к себе других зайцев, и они некоторое время вместе изучали книгу. После этого на сцену вывозили картонный дворец, который охраняли кролики с ружьями. Зайцы вытаскивали пушку, стреляли по кроликам, и, одержав победу, поднимали над дворцом красный флаг.

Другой политический спектакль того времени, «Гаагская мирная конференция» (позже переименованный в скучный «Дружный обед»), представлял собой мирную сцену обеда, когда «заклятые враги» — волк и козел, кошка и крыса, лиса и петух, медведь и свинья — сидели за одним столом и ели каждый из своей миски.

Уверена, эти спектакли Дурова предвосхитили многие постмодернистские перформансы и сегодня могли бы послужить интригующим объектом для дискурсивного и театроведческого анализа. Они представляют собой идеологическое высказывание, сконструированное совершенно особым образом. Цирк традиционно высмеивал власть и общественные нормы. Но в номерах Дурова мы (может быть, впервые) сталкиваемся с тем, что цирк начинает утверждать, воспевать и устанавливать идеалы — причем не физические, а политические. Если большая часть цирковых жанров и мастеров (гимнасты, силачи, акробаты и т.д.) демонстрируют и воплощают телесный идеал, физическую красоту и столь любимую авангардистами тему о полном контроле над

⁵ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1961.

человеческим телом, то дрессура — контроль над животными, позволяющий уподобить животное и человека и тем самым ввести зверей в политику, — оказывается принципиально новым, неоднозначным и воистину авангардным инструментарием.

В 1934 г. Дуров умирает. После его смерти научная деятельность «Уголка» прекратилась, а культурная — существенно изменилась. Дальнейшие трансформации «Уголка Дурова» происходят в логике институционализации авангарда. Идея эксперимента, принципиально нового искусства, революционного жеста, построенного на отрицании традиции, уступает место регламентированным и воспроизводимым театральным практикам.

В первую очередь цирк лишается возможности говорить о политике. Уже с середины 1930-х годов детские театрализованные спектакли вытеснили из репертуара острую политическую сатиру. Некоторые прежние постановки сохранились, но уже без политической составляющей — например, «Гаагская конференция» стала просто «Дружным обедом». В 1943 г. «Уголок» официально переименовали в «Театр зверей». С течением времени возраст целевой аудитории «Уголка» становился все меньше (и сегодня уже на кассе висит объявление, что входной билет нужен всем лицам старше одного года).

Превратившись в детский театр, «Уголок Дурова» потерял политическую остроту и разоблачающий пафос, но его высказывание было приспособлено теперь для воспитательной политики. Научная и политическая риторика «Уголка» сменились моралистической риторикой в отношении братьев наших меньших. Дрессировка без хлыста и палки, еще в начале 1920-х годов считавшаяся научным достижением, стала преподноситься как пример нравственности. У театра появился девиз: «Забавляя — поучай», который нивелировал разночтения и стал постоянным и однозначным посланием, транслируемым в спектаклях.

В то же время цирк времен Дурова воспринимается как своеобразный «золотой век» и источник традиции, которая должна воспроизводиться и поддерживаться будущими поколениями цирковых артистов. В этом контексте особенно важна идея цирковой династии — руководителями «Уголка» всегда становились члены семьи Дуровых, выступавшие продолжателями «великого дела Дурова» и хранителями традиций.

Особую роль здесь сыграла мифологизация «дедушки Дурова» как одного из культурных героев СССР. В честь Дурова назвали улицу, выпустили марку, о нем писали книги и снимали фильмы. Его вполне едкая и агитационная сатира стала преподноситься как добрые шутки и милые шалости, а научные открытия — как свидетельство его доброты. Сегодня меморизация «дедушки Дурова» в стенах музея «Уголка» происходит вполне зримо. Навстречу детям, пришедшим на экскурсию, выходит румяный «призрак» Дурова (артист О. Савицкий), рассказывает о бережном отношении к животным и показывает несколько фокусов.

Основу экспозиции музея составляют чучела животных — артистов «Уголка». Начало «коллекции» положил сам Дуров, который делал чучела из любви к своим питомцам (по воспоминаниям Эренбурга⁶, он, например, очень расстраивался, что жена пускает в их спальню только обезьян, собак, кошек и попугаев, а барсуку и гусю вход туда запрещен). Сегодня в рамках экскурсии по музею звери Дурова описываются в терминах заслуженных артистов, служат проводниками традиции, легитимацией существующих практик дрессуры и знаками «чудес», которые творил «дедушка Дуров».

«Уголок Дурова» прочно вошел в советскую культуру именно в связи с образом детства. Он стал одним из культурных локусов, традиционно посещаемых детьми, — наряду с театрами Н. Сац и С. Образцова и Цирком на Цветном бульваре. При этом сам «Уголок»

⁶ Эренбург И.Г. Указ. соч.

превратился в «мир волшебства и сказки», который оперирует вечными ценностями и не претендует на хоть сколько-нибудь актуальное и злободневное высказывание.

«Детская» и «волшебная» парадигма «Уголка» окончательно утвердилась и обрела зримые формы в новом помещении, построенном к московской Олимпиаде. Архитектор Г. Саевич спроектировал несколько зданий в форме барабанов и соединил все постройки крытыми полукруглыми переходами. Получилась многоплановая и многофигурная композиция, в которой нет ни одной прямой линии (за исключением старого особняка постройки Вебера). Кривизна и закругленность работают как по горизонтальной оси, так и по вертикальной: здания приземляются на множество закругленных объемов, плавно переходят в полукружия клумб. Новое здание представляет собой чистое воплощение раблезиански-карнавальной культуры и вызывает самые разные аллюзии: арена, шатры, шапито, надувные цирк и ярмарки. Саевич спроектировал принципиально игровое пространство, «детский мир», который противостоит традиционной советской архитектуре второй половины 1960-х — 1970-х годов — плановой, серой, сборной.

Сегодня строятся планы по экспансии и расширению «Уголка». Предполагается построить конюшню с манежем, многофункциональный деловой центр с офисами, апартаментами, торговыми помещениями, а также комплекс зданий под названием «Храм детства», который должен поставить точку в вопросе о предназначении и идеологии «Уголка».

Г. Ревзин в статье, посвященной «Уголку Дурова»⁷, пишет, что он сегодня хранит в себе уникальный куль-

⁷ Ревзин Г.И. Госбалаган // Коммерсант. 2010. № 9 (155). 12 марта.

V. Учреждения и практики

турный феномен, подобного которому нет нигде в мире, — балаган как основа государственности. Балаган, шапито, трюки, аттракционы — все то, что возникло из низовой массовой культуры и традиционно воспринималось как незамысловатое развлечение, — были объявлены национальным достоянием, облечены в крупные художественные формы театра и музея и стали местом посещения первых лиц государства.

На официальном сайте цирка сказано, что «“Страна чудес дедушки Дурова” признана национальной ценностью, одним из ведущих воспитательных центров России, несущих подрастающему поколению духовность и нравственность». Отдельная комната в музее «Уголка» отведена под «новую историю». Здесь размещены награды и премии артистов, а также висят портреты Путина, Лужкова и прочих политиков, посещавших театр.

Корни этого феномена, безусловно, лежат в советской культурной политике, в результате которой зрелищность и «чудеса» цирка стали проводником идеологии и одним из воплощений государственной политики.

Но проникновение идеологии в цирк не может пройти бесследно. Влияние оказывается обоюдным. И если цирк становится политикой, то политика непременно приобретает черты цирка.

Впрочем, это тема совсем другого исследования.

МАРИЯ ВАГИНА

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ 1980 г. КАК УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

В урбанистике есть понятие «мегасобытие». Им обозначают крупнейшие мероприятия в истории городов и стран, в которых участвуют представительства других государств и на которые съезжаются миллионные толпы поклонников со всего света. Мегасобытие — это мероприятие, не просто привлекающее в одну точку планеты большое количество людей, но сильно влияющее на инфраструктуру города, в котором оно проходит¹. Тут страна должна показать себя с наиболее выигрышной стороны и при успешном исходе извлечь для себя максимальную выгоду. Потому для проведения спортивных соревнований реставрируются и строятся стадионы, для организации культурных программ реконструируются старые и открываются новые площадки. Растет транспортная, гостиничная и общественная инфраструктура, город преобразуется полностью.

Отличительной чертой мегасобытий является масштабность результатов — одноразовость, кратность и непродолжительность Олимпийских игр или Евровидения резко контрастирует с длительной подготовкой и колоссальными последствиями². Зачастую проведение мегасобытий порождает большой национальный долг, из-за которого городам приходится полностью менять стратегии развития. Поэтому неудивительно, что чаще вопрос мегасобытий оценивается с точки зрения издержек, которые терпит

¹ Трубина Е.Г. Полис и мегасобытия // Отечественные записки. 2012. № 3 (48).

² Roche M. Mega-events // Annals of Tourism Research. 1994. Vol. 21. Iss. 1. P. 1–19.

локальная культура, — переезжают местные жители, чьи дома неожиданно оказались на территории будущих олимпийских объектов, закрываются небольшие местные забегаловки под натиском международных сетей самообслуживания, взлетают цены в гостиничном бизнесе в ожидании обязательного потока туристов³.

Однако помимо анализа подобных издержек нам кажется важным другой аспект мегасобытий. На наш взгляд, мегасобытие может быть оценено не только с точки зрения того, что было им уничтожено, но и с точки зрения того, что было создано. Вместо того чтобы вслед за многочисленными исследователями и журналистами анализировать сослагательные наклоны истории и возможные альтернативы расходования средств, мы предлагаем обратиться к вопросу масштабности преобразований.

Рассмотрим, как видоизменилось городское пространство благодаря Олимпийским играм 1980 г., которые прошли в Москве. Более 30 лет назад состоялась Олимпиада, и сейчас мы с уверенностью можем оценить, как после нее преобразилась столица.

Олимпийские игры 1980 г. вошли в международную историю спорта прежде всего как политическое событие. Они запомнились бойкотом США и других стран, которые решили таким образом высказать Советскому Союзу свое негодование из-за ввода войск в Афганистан. Советский Союз на такие действия потом ответил — вместе с другими государствами-союзниками бойкотировал Олимпиаду в Лос-Анджелесе. Но с точки зрения урбанистики, а не анализа политических конфронтаций бойкот означал лишь одно: количество (действительных) гостей Олимпийских игр было несопоставимо меньше того, на которое рассчитывали организаторы.

³ Карбаинов Н.И. Изъятие неформальной собственности в России: негативные уроки подготовки к олимпийским играм в Сочи. СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2012.

Но все же гостей было не так мало, как если бы американскую точку зрения полностью поддержал Международный олимпийский комитет (МОК). Дело в том, что американские власти настаивали на полном переносе Олимпийских игр из Москвы. После долгих собраний МОК решил отклонить такое предложение Соединенных Штатов, на что и получил ответ. «Мы сожалеем о решении Международного олимпийского комитета провести летние Олимпийские игры 1980 г. в Москве и отклонить предложение Олимпийского комитета Соединенных Штатов перенести, отложить или отменить игры. В связи с этими обстоятельствами ни Президент, ни Конгресс, ни Американский народ не могут поддержать это решение и выслать команду Соединенных Штатов в Москву этим летом», — говорится в официальном заявлении Белого дома⁴.

Спортсмены 30 стран, включая США, Западную Германию, Японию и Канаду, остались дома в знак протеста против вторжения советских войск в Афганистан. А еще 16 государств выразили свое согласие с подобным жестом, выступив во время церемонии открытия не под национальными флагами, а под флагом Олимпиады с пятью разноцветными кольцами.

Однако многие команды присутствовали на прошедшей годом ранее двухнедельной VII летней Спартакиаде народов СССР, которая, по сути, стала репетицией будущей Олимпиады. В отличие от всех предыдущих лет Спартакиада 1979 г., несмотря на название, вошла в историю как первая международная — участвовали 87 команд, в том числе и будущие бойкотирующие страны. Соединенные Штаты Америки прислали 109 атлетов и выиграли четыре золотые медали только в первые пять дней.

⁴ 1980 Summer Olympics White House Statement on the International Olympic Committee Decision To Hold the Games in Moscow. February 12, 1980 // Federal Register Division. National Archives and Records Service, Public Papers of the Presidents of the United States, Jimmy Carter, 1980–1981. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1978. P. 305–306.

Спартакиада стала проверкой готовности страны к Олимпийским играм. Хотя некоторые проблемы по части организаторской работы и требовали решения к будущему году, уже многое к Олимпиаде было готово, в том числе были введены в эксплуатацию и некоторые новые спортивные сооружения.

Всего специально к Олимпиаде было построено 78 объектов. По сравнению с градостроительными политиками других городов, принимавших Олимпийские игры ранее, эта цифра существенная. Для Олимпиады 1956 г. в Мельбурне построили лишь одно сооружение, в Риме в 1960 г. — два, в Токио в 1964 г. — три, в Мехико в 1968 г. — четыре, в Мюнхене в 1972 г. — шесть, в Монреале в 1976 г. — три.

Для московской Олимпиады 1980 г. были построены шесть олимпийских спортивных комплексов, 11 новых крытых сооружений, многочисленные бассейны, стадионы, спортивные площадки, восемь гостиничных комплексов, здания Олимпийской деревни на 14,5 тыс. человек и молодежный лагерь «Солнечный» в Химкинском районе на 2,5 тыс. человек. Олимпийские игры 1980 г. назвали «не просто спортивным событием, а фестивалем архитектуры и технологий»⁵. В общей сложности были построены здания на 40 тыс. человек — фактически на население целого города.

Но, впрочем, такие масштабы были оправданы: корреспондент американского журнала «Time» писал, что «со времен Наполеона Москва не видела так много жителей Запада: на трехнедельной Олимпиаде ей придется столкнуться с 300 тыс. туристов, что больше чем в 2 раза превышает число туристов, посещающих столицу в год»⁶. Более того, изначально планировалось даже больше сооружений: в реализации находилось 99 архитектурных проектов по строительству или ре-

⁵ Sport: Warming Up for the 1980 Olympics // Time. 8/6/1979. Vol. 114. Iss. 6. P. 64.

⁶ Ibid.

конструкции зданий, однако не все они были завершены к началу Игр. Стоит отметить, что толчок для развития получила не только Москва, но и Таллин, Ленинград, Киев и Минск, где проводились Олимпийская парусная регата и матчи олимпийского футбольного турнира. По подсчетам зарубежных средств массовой информации общая стоимость строительства составила 375 млн долл. США⁷. Официальной информации относительно стоимости строительства не было.

Одна из идеологических проблем в подготовке Москвы к Олимпиаде заключалась в различии экономического строя в Советском Союзе и западных капиталистических странах. Приняв на себя обязательства по проведению Игр, советское государство должно было соблюдать все прописанные в Хартии Международного олимпийского комитета процедуры, хотя они в большей степени соответствовали капиталистическому укладу. Так, оргкомитет Олимпийских игр, образованный в марте 1975 г., был зарегистрирован как юридическое лицо. Это означало, что он мог обладать основными и оборотными средствами, мог быть истцом и ответчиком в суде и юридически представлял собой абсолютно независимую организацию⁸.

Де-факто, безусловно, Оргкомитет не был независимой организацией. В его состав вошли высококвалифицированные специалисты в области архитектуры, транспорта, связи, техники, энергетики и т.п., которые также работали и в других государственных организациях. Таким образом, все они подчинялись чиновникам высшего ранга, которые, в свою очередь, были руководящими работниками министерств, спортивных организаций и других государственных учреждений. Так, председателем Оргкомитета стал зампредела

⁷ Ibid.

⁸ Пономарев И.Н., Иванов Л.А. О строительстве и реконструкции сооружений и объектов в ходе подготовки игр XXII Олимпиады в Москве // Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века. 2001. № 3. С. 56.

Совета Министров СССР И.Т. Новиков, его заместителями — председатель Исполнительного комитета Московского городского Совета народных депутатов В.Ф. Промыслов, председатель Спорткомитета СССР С.П. Павлов, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В.И. Кочемасов и заместитель Председателя Совета Министров Эстонской ССР А. Грен. Кроме того, у Оргкомитета были свой Президиум, Исполнительное бюро и различные комиссии⁹. А ключевые указания по подготовке страны к Олимпиаде давал Совет Министров, который в течение 1975–1980 гг. установил задания ряду министерств, ведомств и других организаций по реконструкции и строительству олимпийских объектов.

В отличие от западных городов, стремившихся сконцентрировать олимпийские объекты в одной зоне, советское руководство приняло решение разместить необходимые здания децентрализованно. Такое решение объяснялось изначальным представлением о необходимости рентабельного использования объектов после Олимпиады — предполагалось, что благодаря предпринятым мерам город выполнит завет Л.И. Брежнева, прозвучавший на XXIV съезде КПСС: «Сделать Москву образцовым коммунистическим городом — это дело чести всего советского народа!»¹⁰. Москва была поделена на восемь планировочных зон, в каждой из которых намечалось возведение как спортивных сооружений, так и необходимой инфраструктуры: от культурно-общественных центров до гостиниц. В истории практически любого спортивного объекта в Москве можно найти слова «построен в рекордно короткие сроки», «уникальное сооружение», «не имеет аналогов в мире».

⁹ Пономарев И.Н., Иванов Л.А. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. В 2 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971. Т. 1. С. 68.

Главным олимпийским центром стал построенный в 1956 г. Центральный стадион им В.И. Ленина, вокруг которого был образован целый спортивный комплекс «Лужники». Остальные спортивные объекты были возведены в разных концах Москвы — на севере в районе проспекта Мира, на северо-западе в районе Ленинградского проспекта и Химках, на западе в Крылатском, на юге в Битцевском лесопарке, на востоке в Сокольниках и Измайлово, на юго-востоке в районе Мытищи, в лесопарковом защитном поясе Москвы. Такое районирование позволило перевести после Олимпиады все спортивные комплексы и сооружения в площадки, используемые горожанами для массовых занятий физической культурой и спортом. Таким образом, объекты Олимпиады-80 изначально проектировались так, чтобы в дальнейшем принести пользу москвичам¹¹.

Поэтому некоторыми олимпийскими объектами стали те здания, строительство которых было начато в рамках развития города еще до включения их в список олимпийских. Уже к 1976 г. было построено 2,4% объектов от общего объема олимпийского строительства. Темпы работ нарастали по мере приближения к играм: в 1977 г. объем построенного составил 15,6%, в 1978 г. — 34,6, в 1979 г. — 36,5, а в первом полугодии 1980 г. — 64%¹². Возведением объектов города занимались ключевые строительные организации Москвы, которые в обычное время выполняли планы по развитию города, — Главмосстрой, Главмоспромстрой, Главмосинжстрой. Основная масса материалов и конструкций также была произведена крупнейшими предприятиями города — Главмоспромстройматериалами и Главмосмонтажспецстроем.

Всего в Москве к Олимпийским играм 1980 г. были построены и реконструированы спортивные объекты,

¹¹ Олимпийские сооружения Москвы. Проектирование и строительство. М.: Московский рабочий, 1980. С. 8.

¹² Пономарев И.Н., Иванов Л.А. Указ. соч. С. 57.

общая вместимость трибун которых составила около 350 тыс. зрительских мест:

— *Спортивный комплекс «Лужники»*. Во время Олимпиады принял на себя основной удар и выдержал его, до сих пор считается самым крупным стадионом в России. Был образован вокруг реконструированного стадиона имени В.И. Ленина, которому на тот момент исполнилось уже 23 года. Журналисты отмечали излишнюю внешнюю помпезность и многочисленные технические неудобства. «Комнаты отдыха — настоящий приговор советскому мочево-му пузырю: например, одна женская комната, рассчитанная на 10 тыс. зрителей, состоит всего лишь из трех туалетов»¹³. Вокруг него были построены Большая и Малая спортивные арены, Дворец спорта, Универсальный спортивный зал «Дружба» и открытый плавательный бассейн.

— *Спорткомплекс «Олимпийский»*. Заменял собой некогда стоящий на его месте стадион «Буревестник» и десятки старинных домов и улиц, до сих пор носит звание крупнейшего в Европе крытого спортивного комплекса. В наши дни, помимо своего прямого назначения, используется в качестве концертного зала. В комплекс входят крытый стадион и плавательный бассейн.

— *Универсальный спортивный комплекс ЦСКА* (сейчас — имени А.Я. Гомельского), включающий футбольный и легкоатлетический манежи, которые могут быть трансформированы для проведения зрелищных, неспортивных, мероприятий.

— *Дворец спорта «Динамо»* в Химках-Ховрино. Сейчас является основной тренировочной площадкой волейбольной сборной России, также в нем располагаются непрофильные учреждения, например шиномонтаж и нотариальная контора.

— *Крытый велотрек, кольцевая велосипедная трасса и поля для стрельбы из лука* в Крылатском, которые до сих пор используются по назначению. Хотя помимо этих построенных к 1980 г. сооружений традиционно в списках олимпийских объектов

¹³ Sport: Warming Up for the 1980 Olympics.

фигурирует еще и гребной канал в Крылатском, он, однако, был сооружен в 1973 г. в канун очередного чемпионата Европы по академической гребле. Его ключевая особенность — существование возвратной трассы, редкой для подобных объектов.

— *Конноспортивный комплекс профсоюзов* в Битце размером около 50 гектаров, который помимо спортивных полей включает специализированные детско-юношеские школы олимпийского резерва по конному спорту и современному пятиборью, открытые еще до Олимпиады в 1980 г., а также необходимую инфраструктуру — гостиницу, кафе, баню и автохозяйство.

— *Дворец спорта «Измайлово»*, в котором проводились соревнования по тяжелой атлетике. Был построен рядом со стадионом «Измайлово», который возник вокруг недостроенных строений Центрального стадиона имени Сталина, когда-то планировавшегося на этом месте как новоявленный центр столицы.

— *Стадион «Динамо»* постройки конца 1920-х годов был настолько капитально реконструирован, что вполне может считаться построенным заново. Были возведены новые спортивные и административные здания, полностью разобраны и перестроены Восточные, Северные и Южные трибуны, реконструированы Большая и Малая спортивные арены, а также ликвидированы некоторые элементы 1930-х годов вроде портиков, фонтанов, эстрады, оранжереи и пруда с лодочной станцией.

Были полностью реконструированы и преобразованы «Стадион юных пионеров», располагающийся также на Ленинградском проспекте, Дворец спорта «Сокольники» и стрельбище «Динамо» в Мытищах.

Кроме спортивных комплексов и сооружений требовала развития и инфраструктура. Были возведены и реконструированы:

— *аэропорт «Шереметьево-2»*, специально созданный к Олимпиаде, чтобы столица могла принять все иностранные делегации (полностью реконструирован и модернизирован в 2009 г.);

V. УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРАКТИКИ

- телерадиокомплекс (ОТРК) Телевизионного технического центра (сейчас — АСК-3) и Олимпийский коммутационный центр (ОКЦ) Минсвязи в Останкино, которые стали второй очередью строе- ний возведенного раньше Останкинского комплек- са (функционируют до сих пор);
- здание Агентства печати «Новости», которое во время Игр использовалось как международ- ный пресс-центр, а потом перешло в пользование агентством, известным сейчас под названием РИА Новости;
- Олимпийская деревня (сейчас — жилой район в окрестностях Мичуринского проспекта);
- гостиница «Молодежная», которая с момента проведения Игр реконструировалась уже три раза (в 1993, 1994 и 2004 г.), однако это позволило ей сохранить свое предназначение и продолжить су- ществование в качестве трехзвездочного отеля;
- гостиница «Космос» с видом на ВДНХ и монумент «Покорителям космоса», разработанная со- вместно советскими и французскими архитектора- ми (сейчас носит четыре звезды);
- гостиница «Салют» (до сих востребована по назначению);
- Центральный дом туриста (сейчас — гостини- ца «Аструс») в Тропарево-Никулино (реконструи- рован в 2007 г.);
- гостиница «Спорт» на Ленинском проспекте (была снесена в 2004 г., но ее ликвидация впослед- ствии была признана незаконной; на образовав- шемся пустыре до сих пор ничего не построено);
- гостиница «Севастополь», сейчас известная как рынок азиатских украшений и одежды, однако на некоторых этажах она все еще продолжает свою работу в качестве трехзвездочного отеля.

Таким образом, практически все объекты, построен- ные к Олимпийским играм 1980 г., были впоследствии востребованы, однако за прошедшие 30 лет для сохра- нения собственного статуса им пришлось претерпеть несколько реконструкций и при этом уступить пальму

первенства новым сооружениям вроде пятизвездочных отелей.

Мы остановимся на двух объектах — Олимпийской деревне и здании Агентства печати «Новости», чтобы проанализировать, как именно создание олимпийских объектов повлияло на городскую жизнь.

Олимпийская деревня, спроектированная под руководством архитектора Е.Н. Стамо, была возведена на 107 гектарах на юго-западе Москвы. Она стала одним из самых рентабельных сооружений, поскольку после проведения Игр в ней отпраздновали новоселье 14,5 тыс. москвичей. В отличие от всех деревень предыдущих Олимпиад эта была не временным комплексом, а постоянным благоустроенным микрорайоном из 18 шестнадцатиэтажных зданий, сгруппированных вокруг трех небольших парков. В домах имелись двух- и трехкомнатные квартиры, в каждой из которых были кухня, отдельный санузел с полным инженерным оборудованием, встроенные шкафы и балконы.

Такое жилье стало неожиданным для спортсменов, поскольку ранее Олимпийские деревни были либо временными конструкциями, либо уже существовавшими домами. Впервые Олимпийская деревня была построена в 1932 г. в Лос-Анджелесе, она состояла из 450 типовых сборных домиков, а проживали в ней только спортсмены-мужчины, женщины были размещены в одном из отелей. Одной из самых больших олимпийских деревень стала деревня в Токио на Олимпиаде 1964 г. Под Главную олимпийскую деревню там были использованы здания, служившие жильем для семей американских военнослужащих после Второй мировой войны, а кроме нее еще пять вспомогательных деревень находились за пределами города. А одними из первых строить Олимпийские деревни «с нуля» начали власти Мехико и Мюнхена, в которых к Играм были созданы два крупных ансамбля из многоквартирных домов, а также власти Монреаля, которые

построили элитарные дома, впоследствии не окупившие затраченные средства¹⁴.

Поскольку от Олимпиады к Олимпиаде число спортсменов возрастало, в Москве Олимпийская деревня была построена на 14,5 тыс. человек. Характерно, что в состав Олимпийской деревни были сразу включены здания, необходимые для эксплуатации после Игр: четыре детских сада и две школы, которые сейчас известны как № 843 и № 812. Эти учреждения были открыты сразу после Олимпиады в сентябре 1981 г.

На территории Олимпийской деревни располагался Культурный центр с концертным залом на 1200 зрителей, двумя кинозалами на 250 мест каждый, танцевальным залом, телевизионными холлами, залом игровых автоматов, фонотекой. Во время Олимпиады там выступали балеты Большого и Кировского театров, а также ансамбль народного танца «Березка». Сейчас в здании работает Государственный музыкальный театр национального искусства под руководством В. Назарова.

Кроме того, существовало строение пресс-центра, администрации Олимпийской деревни и специально олимпийского почтового отделения, откуда можно было отправить открытку с уникальным олимпийским гашением. В настоящее время здесь расположены Музей обороны Москвы и Никулинская межрайонная прокуратура.

Не обошлось в Олимпийской деревне и без спортивных объектов: три гимнастических зала, три плавательных бассейна, футбольное, волейбольное и баскетбольное поля, а также спортивная площадка. Кроме того, были построены кафетерий самообслуживания, спортивная клиника, библиотека на 10 тыс. книг, кафе-мороженое, павильон «Русский чай», молочный бар и продуктовые магазины.

¹⁴ *Muñoz F.* Olympic Urbanism and Olympic Villages: Planning Strategies in Olympic Host Cities, London 1908 to London 2012 // *Sociological Review.* 2006. Vol. 54. P. 175–187.

По прошествии более чем 30 лет Олимпийская деревня мало чем отличается от других районов Москвы. Построенные только к Играм объекты оказались необходимы и для обычных жителей, потому этот проект можно с уверенностью считать успешным.

Здание Агентства печати «Новости» было построено к 1980 г. как пресс-центр для Олимпийских игр. Из всех олимпийских объектов этот располагался ближе всего к центру. Его проектировкой занимался архитектор И.М. Виноградский, перед которым стояли две задачи: с одной стороны, конструкция должна была легко трансформироваться в рабочее здание, каким оно станет после отъезда всех зарубежных СМИ, а с другой — демонстрировать всем иностранным журналистам мощь страны.

Что касается первой задачи, то АПН, подобно многочисленным гостиницам, не сумело справиться с ней без реконструкций. В 2000-х годах из-за глобальных технологических изменений оно было модифицировано в мультимедийное здание РИА Новости. В интерьерах советский гранит и мрамор были заменены на более демократичную пластмассу, а центральное помещение из небольших кабинетов, соединенных друг с другом через коридор, превратилось в большое пространство с длинными столами, перекликающееся с концепцией *coworking space* в США. Изменилась и ориентация планировки: на смену прямолинейности пришли округлые линии и проходы, центром для которых стала винтовая лестница в середине помещения.

Вторая задача была выполнена успешно. Даже в нынешнее время это сооружение, занимающее почти 30 тыс. кв. м, выглядит словно сплошная стена на Садовом кольце и передает ощущение мощи. Хотя внутреннее убранство было полностью изменено, внешний облик здания сохранился. Множество четких, ярко выраженных прямых линий и обилие бетона характеризуют АПН как строение в стиле брутализма или даже конструктивизма. Помимо материальности,

вещественности и явственности материала здание отличается принципиальной функциональностью, подчеркнуто антибуржуазный стиль и отсутствие особых декоративных решений.

Архитектурно бывший Олимпийский пресс-центр повторяет структуру Провиантских складов — одного из немногих сооружений первой половины XIX в., сохранившихся в Москве почти целиком и располагающихся неподалеку. Сходство заключается в повторении трехчастной структуры — комплекс пресс-центра состоит из трех дворов, так же как склады состоят из трех корпусов. Эти три одинаковых внутренних двора квадратной формы разделены между собой рядами широких прямоугольных арок. Подобные большие проходы с довольно узкими колоннами перекликаются с также построенным к Олимпиаде-80 Домом авиаторов на Беговой улице, известном как «Дом на ножках». Кроме стены, водруженной на тонкие опоры, схожесть можно найти и в неоднородном фасаде, балконы и окна которого причудливым образом оформлены различными выступами. В здании Агентства эти уступы подчеркивают горизонтальность этажей, которые расступаются ближе к верху строения. Двор архитектурно спроектирован так, что концентрирует на себе внимание выглядывающих из окон журналистов, ставя их в максимально корректную позицию наблюдателей. Архитектурной аналогией подобного сооружения является стадион, с которым здание Агентства печати «Новости» также сопоставимо по мощи, масштабу и организации пространства: каждое окно здесь отсылает к трибуне болельщика, а двор предстает как трансформированное поле. Неудивительно, что в нынешнее время в этом дворе летом устраивают баскетбольную площадку.

Хотя здание АПН никогда не позиционировало себя как перекликающееся со спортивными сооружениями, его архитектурное решение свидетельствует о серьезном влиянии всего спортивного дискурса

на облик города. Здание Агентства печати «Новости» как квадратура стадиона до сих пор располагается на Zubovskom бульваре и несет эту скрытую символику публике.

Безусловно, Московская олимпиада стала большим стимулом не только для архитектурных сооружений, но и для технологического прорыва. Были реконструированы дороги, ведущие к ключевым олимпийским сооружениям. Так, была оборудована 50-километровая трасса шоссейной командной велогонки на 100 километров, которая брала начало сразу за чертой города. Ее практичность заключалась в том, что она стала частью автострады Москва — Минск, тоже построенной к Олимпиаде. Эта автострада М1 «Беларусь» в просторечье даже получила название Олимпийской, сейчас она активно используется и является частью европейского маршрута E30 и панъевропейского транспортного коридора II Берлин — Нижний Новгород.

В самом городе была осуществлена реконструкция и расширение Садового кольца в районе Садово-Каретной и Долгоруковской (в то время Каляевской) улицы. Была преобразована улица, получившая в честь Игр название Олимпийского проспекта и в то время фигурировавшая как Северный луч. Москва приобрела и Мичуринский проспект, вдоль которого расположена Олимпийская деревня¹⁵.

Кроме того, 19 декабря 1978 г. был осуществлен запуск нового спутника связи «Горизонт», предназначенного для обеспечения телевизионных трансляций и телефонной и телеграфной связи.

Но самым большим достижением, конечно, стало внедрение системы электронной обработки данных — АСУ «Олимпиада», для которой в спорткомплексе «Лужники» выстроили целый корпус. Правда, достижением это было лишь в контексте развитости советских технологий, поскольку, пока советские строители воз-

¹⁵ Олимпийские сооружения Москвы. Проектирование и строительство. С. 11.

водили здание для АСУ «Олимпиада», в США и Западной Европе уже был вполне развит рынок персональных компьютеров. Так, к 1980 г. компания Apple, изготовившая первый персональный компьютер в мире, успела выпустить четыре варианта своего устройства.

Впервые в Москву привезли металлодетекторы, с помощью которых ограничили вход на каждый олимпийский объект, чтобы не повторилась история 1972 г., когда из-за теракта на Олимпиаде в Мюнхене погибли 11 членов делегации из Израиля. «Я живу в правом крыле здания № 13, — рассказывал спринтер из Гуаны Сэд Джеймс Джилкс, — но я не могу пройти в левое крыло и даже навестить своих друзей»¹⁶.

Впервые была использована новая звуковая технология, которая вошла в международную практику под названием «интершум». Технологически решение было простым — главный звукорежиссер Владимир Виноградов просто «вкопал» в поля стадионов часть микрофонов, однако такая технология была применена впервые¹⁷.

Развивались и телевизионные технологии. Президент телеканала NBC Р. Малхолланд заметил, что в советских трансляциях были заметны западные веяния: «Теперь мы видим и замедленные съемки, и мгновенные повторы — известные нам, но абсолютно новые для них, — применяемые с завидной частотой и невероятным мастерством»¹⁸. Правда, не обошлось и без упреков в этой сфере: хотя компания NBC купила права на телевизионные съемки за 85 млн долл. США, Советский Союз все равно сумел оказать влияние на их тон, контролируя подачу электричества.

¹⁶ Smith S., Nelan B., Phillips B. Cheers, Jeers in Moscow: Despite No-Shows, the Show Must — and Does — Go on // Time. 8/4/1980. Vol. 116. Iss. 5. P. 28.

¹⁷ История ТТЦ «Останкино». Официальный сайт «Останкино» (<http://www.ostankino.ru/telecenter/about/history/>).

¹⁸ Sport: Warming Up for the 1980 Olympics.

Кроме того, на Олимпийских играх советские граждане смогли попробовать продукцию фирмы Соса-Сола, поскольку именно она выиграла олимпийский тендер. Правда, она не была слишком распространена: советская промышленность презентовала собственный олимпийский напиток «Дружба», который представлял собой смесь клюквенного и яблочного соков.

Таким образом, Олимпийские игры серьезно повлияли на дальнейшее развитие столицы. Они преобразовали город с точки зрения масштабов строительства, функционального аспекта олимпийских объектов (Олимпийская деревня) и эстетики (Агентство печати «Новости»).

Решение Международного олимпийского комитета на несколько лет превратило Москву в огромную стройку. По своему размаху и значению московское олимпийское строительство можно сравнить с такими важнейшими этапами развития и реконструкции Москвы, как строительство первых линий Московского метрополитена, создание новых магистралей и улиц столицы в довоенные годы, начало массового жилищного строительства в середине 1950-х годов. Кроме того, помимо новых зданий Олимпиада стимулировала выполнение строительных работ на сооружениях, возведение которых было начато до того, как Москву объявили столицей Игр.

Учитывая, что большая часть объектов сохранены и выполняют свои задачи (хотя и претерпели несколько реконструкций), можно утверждать, что Олимпийские игры как мегасобытие сыграли колоссальную роль в вопросе преобразования Москвы. Москва получила новый, сильный импульс в развитии, который оказывал положительное воздействие на структуру города долгие годы.

Послесловие

ИРИНА ГЛУЩЕНКО

ОСТОРОЖНО, ВРЕМЯ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ

Культурная политика советского государства остается важнейшей темой, вызывающей интерес исследователей. И это не случайно. Культурные институты, созданные в советское время, продолжают существовать и в постсоветском обществе, а там, где они исчезли, следы их деятельности по-прежнему сказываются на жизни людей.

«Советская история — это богатейший исторический и исследовательский ресурс. Как бы мы ни относились к этому периоду, одно должно быть ясно: это уникальный общественный эксперимент, понимание и знание которого — несмотря на трагизм и драматичность — обогащают наше представление не только о современном обществе, но и о человеке как таковом. Трезво оценить провалы и удачи этого проекта — первоочередная исследовательская задача, — писал Виталий Куренной в книге «СССР: Жизнь после смерти». — Советский эксперимент был одним из вариантов модернового общества — он не есть нечто внеположенное этому проекту. Советский Союз основывался на определенных, выработанных именно в культуре модерна представлениях об истории, политике, культуре, обществе, экономике и человеке»¹.

¹ Куренной В. «Советское» как предмет исследовательского интереса // СССР. Жизнь после смерти / под ред. И.В. Глущенко, Б.Ю. Кагарлицкого, В.А. Куренного. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 296–297.

Подобный подход открывает целое направление для дальнейших исследований, позволяет взглянуть на советский период, отрешившись от идеологических контекстов, определяющихся «просоветским» или «анти-советским» дискурсом.

Говоря о культурной политике в СССР, необходимо обратить внимание на то, как в советской идеологии формировалось и интерпретировалось само понятие «культура», как оно трансформировалось по мере развития и усложнения общества. Рассматривая эту тему, Руслан Хестанов приходит к выводу, что после революции через «культурную оптику» пытались определить саму стратегию строительства социализма и коммунизма, но в результате сложилось весьма специфичное именно для этой системы определение культуры, которая, в свою очередь, стала объектом государственного администрирования. Сюда относились самые разные вопросы: от развития школы, системы высшего образования, науки, до воспитания национальных кадров в союзных и автономных республиках, организации досуга для разных категорий населения.

Как отмечает Борис Кагарлицкий, советская культурная политика воплощала представления революционной интеллигенции о просвещении народа, принципы которого проводились в жизнь с настойчивостью и последовательностью, немислимыми для дореволюционного режима.

Не надо забывать, что задачи культурной политики диктовались потребностями ускоренной модернизации экономики и общества. Специфика советской версии модернизации состояла в беспрецедентно быстрых темпах осуществления перемен при столь же беспрецедентных масштабах этих трансформаций. Цель достигалась за счет крайней централизации, мобилизации ресурсов в сочетании с жесткими административно-репрессивными мерами. Всё это в совокупности предопределило тоталитарный характер процесса, однако в то же время возникала потреб-

ность в массовом просвещении. В свою очередь, это диктовало ориентацию советской модели образования именно на образцы дореволюционной элитарной школы, традиции старой гимназии, о чем подробно рассказывается в статье Галины Гончаровой.

Наряду со школой культурным инструментом являлась и армия. Примеры этого можно найти в сюжетах об исследовании читательских интересов красноармейцев и в статье Тимофея Дмитриева, посвященной анализу попыток национального строительства в Вооруженных Силах СССР.

Новая политическая и управленческая практика вполне соответствовала представлению о государстве как о коллективном просветителе, выполняющем своеобразную «цивилизаторскую» миссию по отношению к своим гражданам.

Советская культурная политика уникальна именно своей комплексностью, стремлением охватить самые различные сферы жизни, самые широкие группы населения. Распространяя определенные культурные нормы на общество в целом, советское государство тем самым совершало работу по тотальной унификации культурных практик, через эту унификацию стремясь достичь преодоления сословных различий, типичных для традиционного общества. Говоря языком самих коммунистических идеологов, победивший пролетариат не столько навязывал свои нормы старому обществу, сколько, наоборот, присваивал себе культурное наследие побежденных классов.

Многие просветительские институты, характерные для советского периода, появились еще до революции, но действовали они не в тех масштабах и не столь целенаправленно. Работал Комитет грамотности, велась экскурсионная работа, и даже научно-популярный журнал «Наука и жизнь», без которого трудно представить себе повседневную среду советской интеллигенции, был основан в 1890 г. Но потребовалась революция, чтобы подобные институты стали доми-

нирывать в культурной практике общества. Революция не только придала этой просветительской деятельности беспрецедентные масштабы, но и сменила ее идеологические ориентиры.

Распространение культуры соединялось с формированием «нового человека», коммунистическими идеалами. Даже «Уголок Дурова», который был создан еще в 1912 г., после революции стал местом, где спектакли с участием животных превратились в разновидность политической пропаганды.

По мере развития институтов массового просвещения возникали совершенно новые направления культурной работы, зачастую тоже связанные с решением пропагандистских задач, например, подготовка гидов-переводчиков. От ликвидации неграмотности общество переходило к формированию массового квалифицированного работника. Чтение книг и журналов стало нормой жизни. Появился новый, советский, читатель, тот самый, который будет нуждаться и в историческом знании, и поглощать научно-популярные издания, описанные в статьях Бориса Степанова и Романа Абрамова.

Многочисленные сюжеты, затрагивающие различные, порой периферийные аспекты культурной политики, складываются в целостную картину. От экскурсионной работы до исторической периодики, от популяризации науки до раскрепощения тела в танце — во всей этой гигантской лаборатории по воспитанию нового человека есть единая логика. Потрясает грандиозность задач и масштаб, предполагающий проникновение в каждую мелочь. Однако централизованное бюрократическое управление этим процессом порождает нагромождение институций: о чем бы ни шла речь — о гидах, экскурсиях, кинопрокате — обнаруживается неминуемая путаница, неясно, кто за что отвечает, каковы полномочия той или иной организации.

По мере того как советское общество, с одной стороны, достигает успехов в процессе модернизации, а с

другой — делается все более консервативным, мы наблюдаем общий поворот к «имперскому проекту», который начинает проявляться в самых разных сферах культурной политики. Дореволюционные практики приобретают новое значение. Именно их консервативная сторона привлекает правящие круги. История все отчетливее связывается с судьбой государства, а не народа, а советское общество предстает уже не отрицанием, а продолжением прошлого.

Консолидация режима была обеспечена очевидными успехами, начиная от создания индустрии и победы в войне и заканчивая появлением передовой науки. Эти достижения должны были в глазах общества оправдать и компенсировать травмы, связанные со сталинским террором, подавлением свободы и бюрократической централизацией. До известной степени так и произошло, и советская система могла оставаться стабильной даже после прекращения массовых репрессий. Однако именно то, что можно было бы считать самым большим достижением Советского Союза, становилось его главной проблемой. «Новый человек» действительно появился, но ему было тесно в рамках сложившегося порядка, да и сам он оказался не совсем таким, каким его задумывали. Во многих статьях вырисовывается важный рубеж советской истории — 1960-е годы, когда индустриальное общество в СССР было наконец построено и государство решило свои первоначальные задачи. По инерции система продолжала воспроизводиться еще несколько десятилетий, прокручивая старые формы, почти не считаясь с тем, что и общество, и люди стали уже другими.

Вырождение революционного импульса иллюстрируется в статье Анны Ганжи на примере музыкальной культуры и песенных текстов. Но та же динамика обнаруживается и в других сюжетах. К чему бы мы ни обращались, возникает ощущение, что бег времени замедляется. Рывок первых послереволюционных лет породил ускорение и разгон, которые затормозили и

забуксовали в эпоху застоя, когда время, казалось бы, остановилось вовсе.

Происходит деградация институтов, идеологические принципы застывают в клише и в конце концов сползают в область анекдота. Просветитель-народник превращается в «лектора по линии общества “Знание”» и становится персонажем интеллигентского фольклора.

В этом контексте Олимпийские игры 1980 г. в Москве, которые, как известно, страна получила вместо обещанного Хрущевым коммунизма, рассматриваются как последний успешный мегапроект советской эпохи. Показательно, что подготовка к Олимпиаде включала не только строительство многочисленных объектов, но и внедрение в советскую повседневность некоторых черт западного, «буржуазного», быта. И именно эта сторона олимпийского сюжета вызывала наибольший интерес просвещенного народа.

Потомки читающих красноармейцев смогли наконец попробовать «пепси-колу».

АВТОРЫ

- В и т а л и й К у р е н н о й** — профессор, заведующий отделением культурологии факультета философии НИУ ВШЭ, научный редактор журнала «Логос»
- Р у с л а н Х е с т а н о в** — профессор кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ
- Б о р и с К а г а р л и ц к и й** — директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО)
- И р и н а Г л у щ е н к о** — доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ
- И г о р ь О р л о в** — доктор исторических наук, профессор кафедры политического поведения факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ
- А н н а Г а н ж а** — кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ
- Т и м о ф е й Д м и т р и е в** — кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ
- Ф е д о р С и н и ц ы н** — кандидат исторических наук, докторант Института российской истории РАН
- Б о р и с С т е п а н о в** — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ, доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ
- Р о м а н А б р а м о в** — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ
- Е л е н а Ю ш к о в а** — доцент Столичной финансово-гуманитарной академии, филиал в Вологде, заведующая кафедрой дизайна
- В е р а Б е р е з и н а** — слушательница III курса Европейского университета в Санкт-Петербурге, аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН

АВТОРЫ

Е л и з а в е т а Ж д а н к о в а — аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургского института истории РАН

Г а л и н а Г о н ч а р о в а — студентка IV курса отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

А л и н а В о л ы н с к а я — студентка магистратуры отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

М а р и я В а г и н а — студентка магистратуры отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

It's Time, Forward! Cultural Policy in the USSR [Text] / ed. by I. V. Glushchenko, V. A. Kurennoy; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2013. — 272 p. — (Cultural Studies). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1082-7 (hardcover).

Mayakovsky's words 'It's Time, Forward!' better than any political slogans, reflect the atmosphere in which Soviet cultural policy emerged. This book aims to declare a special preserve and methodological perspective for the study of Soviet cultural history. In it Soviet society is considered as a space of radical projecting and experimentation in cultural policy, which was far from homogeneous, often multidirectional, and sometimes chaotic and contradictory. It was a unique historic example of government intervention in the cultural sphere. The authors attempt to evaluate the social viability of institutions which formed in Russian society, both thanks to and in spite of Soviet cultural policy, and to assess the consequences of the decline and fall of some of those same institutions.

The book targets a wide audience, including culture researchers, sociologists, political scientists, historians, and anyone interested in Soviet history and culture.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД! КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СССР

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 12,0
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1688. Заказ №

ISBN 978-5-7598-1082-7

9 785759 810827

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем Вас посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*

БукВышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Российские и зарубежные издания

Книги ИД ВШЭ

Сувенирная продукция

Периодика

CD и DVD

ЭКОНОМИКА

МЕНЕДЖМЕНТ

СОЦИОЛОГИЯ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ПРАВО

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ

ЛИНГВИСТИКА

Москва, ул. Мясницкая д. 20

тел. +7 (495) 628-29-60

email: books@hse.ru, <http://id.hse.ru/bookshop>

